Проект
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО

Дозоры

Сергей Ерёмин

НАХИМОВСКИЙ ДОЗОР

Нахимовский Дозор
Сергей Алексеевич Еремин

Аннотация
Сергей Ерёмин. Нахимовский Дозор
Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Эпилог

Аннотация

XIX век, Россия, Крымская война.

Легендарная оборона Севастополя. Дозоры четырех империй ревностно следят за тем, чтобы Иные не вмешивались в ход боевых действий людей, и друг за другом. И при этом каждый Дозор ведет свою игру – все хотят первыми добраться до… Знать бы, до чего именно.

Ни капли вымысла – чистая правда истории, неведомой широкой публике.

Сергей Ерёмин
Нахимовский Дозор

Пролог

Ад кромешный воцарился на воде и на суше. Залпы орудий, треск рушащихся мачт, крики ярости, ругань, проклятья, вопли раненых, команды офицеров, свист боцманских дудок — все слилось в непрекращающийся гул. Воздух, перенасыщенный пороховыми газами и чадным удушливым дымом, стал тягучим и едким — пылали корабли, горели люди, дымились дома на берегу. Вздохнуть — и то было тяжко.

Ядра метались между парусниками черными грачиными стаями, бомбы стервятниками падали на головы обреченных и звонко лопались, круша дерево и металл судов, фаршируя тела осколками и шрапнелью выбитых из бортов щепок. С береговых батарей к русским кораблям хищно тянулись, рассыпая искры на воду, хвостатые ракеты.

Этот ад пытался заграбастать за гюйс, затащить в свою пасть и пожрать минного кондуктора Лабораторной номера первого роты Корпуса Морской Артиллерии Иоахима Пекуса.

В далекой юности ковенский паренек не думал

и не гадал, что его жизненный путь окажется столь извилистым. Не виделось ему в снах и грезах, что он станет российским военным моряком, что с родной и близкой Балтики его переведут на Черное море, в Севастополь, где он будет снаряжать бомбы и гранаты для кораблей и дослужится до кондуктора. Тем более никак не мог предугадать, что окажется со своим ротным командиром на борту линейного корабля «Императрица Мария» — флагмана эскадры, на котором держал свой флаг вице-адмирал Нахимов. Но довелось, был командирован для проверки правильности снаряжения боеприпасов в бою. Уже и не установить, кому из флотских начальников пришла в голову эта «блестящая» идея. Но благодаря безвестному служаке сейчас Иоахим широко распахнутыми глазами глядел на бомбу, которая неслась откуда-то с берега прямо на него.

* * *

С самого утра в районе черноморского турецкого городка Синоп моросил мерзейший дождь и дул порывистый ветер. В половине десятого утра русский флот начал маневрировать, направляясь к рейду бухты. Через полчаса после полудня турки открыли огонь по русским кораблям. До этого

момента Пекус смотрел на разворачивающееся действо с большим любопытством — в сражениях и боях ему еще не доводилось бывать. Когда на «Императрицу Марию» посыпались снаряды, он не испугался, не струсил, вместе с палубными матросами убирал тлеющие обломки рангоута и обрывки стоячего такелажа. Не испугался даже тогда, когда с грот-мачты на него упали горящие ванты. Кто-то окатил его забортной водой, и Иоахим продолжил свою работу. Корабль, вооруженный восемьюдесятью шестью пушками, ведя огонь, упрямо шел на неприятеля и отдал якорь напротив 44-пушечного фрегата «Аунни-Аллах». Началась артиллерийская дуэль. Корабль задрожал от ударов вражеских ядер. Добавилось пожаров, щепки сыпались сверху на палубу, с хрустом ломались реи, грот-мачта быстро теряла ванты. Матросы не успевали убирать убитых товарищей и оказывать помощь раненым.

Пекус продолжал исполнять свои обязанности члена пожарной команды. Не жалея себя, бросался на самые угрожающие участки.

Он пробегал под мостиком, на котором находились командир корабля капитан второго ранга Барановский, а также Нахимов и многочисленные офицеры его штаба, когда нечто неведомое,

некий внутренний голос завопил в нем об опасности. Моряк поднял голову и остолбенел, застыл на бегу — с небес по дуге летела, неслась, целясь именно в него, в Иоахима Пекуса, смерть. Костлявая нарядилась крутобокой бомбой. Секунда ее полета растянулась для кондуктора в добрую минуту тоскливого ожидания. Оставляя за собой дымный след запала, снаряд неторопливо падал с вершины дуги на избранную им жертву. Казалось, бомба шипела на лету: «Жжди, я ужже шдешь».

Иоахим не мог сделать ни шагу — его будто парализовало.

Тогда он сделал единственное, что пришло ему в голову, — мгновенно сотворил магический щит и бухнул в него почти всю свою Силу.

Смерть жахнула в защитный барьер с таким остервенением, что моряка кулем швырнуло на переборку. Он ударился головой, сполз со стены вниз на палубу и обмяк. Бомба, недовольно прошипев «шшволошь», откатилась в сторону борта, нашла развороченный вражеским ядром шпигат и упала в воду. Контуженный Пекус этого уже не видел.

* * *

Ноября восемнадцатого дня одна тысяча восемьсот пятьдесят третьего года русский отряд кораблей под командованием вице-адмирала Павла Степановича Нахимова в бухте турецкого города Синоп разгромил турецкий флот. Это была блестящая победа русского оружия.

«Синопская резня», как назвали это сражение английские газеты, стала поводом для Великобритании и Франции к вступлению в войну на стороне Османской империи.

А инцидент с Иным послужил Инквизиции и европейским Дозорам основанием для создания объединенных Дозоров. «Для воспрепятствования вмешательства Иных в ход военных действий в мире людей».

Глава 1

I

Четвертого октября 1854 года в три часа пополудни к небольшому особняку классического стиля в Сивцевом Вражке подъехала коляска. Из нее выбрался высокий худощавый господин лет около сорока в партикулярном платье. Небрежно отсчитав тростью ступеньки невысокого крыльца, визитер постучал набалдашником указанного предмета в дверь, игнорируя шнур колокольчика. Дверь тотчас распахнулась, в проеме показалось заспанное лицо привратника.

— Чего изволите-с?

— Ступай, доложи барину, что к нему коллежский советник Бутырцев по делу. Он знает и ждет меня.

— Сию минуту-с! — мелко засуетился лакей, распахивая вторую створку. — Не извольте гневаться, вашество… Ждут-с, а как же… Распорядились еще вчера в вечор…

«Вчера? — мысленно отметил про себя гость. — А меня он соизволил пригласить только сегодня».

Сразу за дверью открывалась широкая парадная лестница, ведущая на второй этаж. У ее подножия стоял дворецкий с неприятным зверообразным лицом, украшенным пышными гарусными бакенбардами. Бутырцев отдал цилиндр с тростью лакею и двинулся вверх вслед за молчаливым вергилием. На фоне такого проводника, мужчины ширококостного могучего сложения и немалого роста, совсем не тщедушный коллежский советник смотрелся юношей.

«Медведь, сущий медведь, — подумал Бутырцев, всем своим существом ощущая, что проход по лестнице открыт, что можно. — И силищи немалой. Зачем он ему? Что охранять? В ТАКОМ доме?»

Поднявшись, дворецкий далее провел гостя боковым коридором, распахнул дверь в дальнем конце и провозгласил:

— Коллежский советник Бутырцев к вашему сиятельству!

— Заходи, Лев Петрович, жду, — раздалось из помещения, и жданный гость прошел в комнату.

Перед посетителем открылся кабинет с массивным канцелярским столом в стиле ампир у окна с пышными гардинами. Нестройный ряд стульев и кресел стоял вдоль левой от входа стены, отра-

жаясь в громадных зеркалах от пола до потолка. Другая стена была сплошь заставлена шкафами со стеклянными дверцами. На полках теснились толстые старинные фолианты, пылились чудные вещицы. Китайские вазы перемежались громадными раковинами. В этой кунсткамере взгляд гостя выхватил заморские диковины: сушеные головы, деревянных божков с выпученными глазами и вымазанными красным толстыми губами, каменные топоры, большой африканский лук.

Пол был застелен персидским ковром с ворсом изумительной толщины, нога в нем тонула по щиколотку.

Хозяин дома, мужчина средних лет и таких же статей, был одет простецки, хотя и с претензией: поношенный, но богато расшитый восточный халат, из-под которого виднелись просторные шальвары и загнутые вверх мыски домашних туфель. На шее сибарита был замысловато повязан платок с турецким орнаментом. Голову украшала феска.

— Не ожидал меня увидеть в таком виде? — чутко отреагировал «турок» на слегка приподнятую бровь вошедшего. — Ступай прочь, болван, — бросил он дворецкому. Тот проворно исчез за дверью.

— Мое почтение, уважаемый… э-э… Аркадий Николаевич. — Бутырцев склонил голову в поклоне. — Вызывали-с, ваше сиятельство? Я, как услышал зов ваш непреклонный, сей же момент устремился к вам всей натурою своей, повинуясь сердцу и…

— Не ерничай, — перебил гостя хозяин. — Усаживайся, Лев Петрович, в кресло. Разговор будет долгий и обстоятельный. — Хозяин дома, названный Аркадием Николаевичем, подошел к окну, чуть отодвинул тяжелую штору набивного бархата, вглядываясь куда-то в даль. — Как там твое последнее расследование в Санкт-Петербурге? Чем закончилось?

Бутырцев не сомневался, что вызвавший его отлично знает и результаты, и обстоятельства злосчастного расследования, но почему-то сейчас хочет услышать оценку этого дела именно из уст самого следователя.

— Мальчишки-идиоты заигрались в благородство и приверженность Делу. Каждый своему. А старый прожженный шулер, которому соседство одного из юношей, имение матушки коего было неподалеку от его собственного, стало чересчур назойливо, решил чужими руками устранить вздорного возмутителя спокойствия. Подкинул

в юные неокрепшие умы идею дуэлей до смерти — тайных схваток между адептами разных Сил. Адепты сии тут же с усердием начали друг друга изничтожать оружием обычным, шпагами и пистолетами, не оставляя тех следов, которые могли бы привлечь наше внимание. Пришлось повозиться, сопоставить, подумать. В итоге дела негодяй был наказан, жертва таковою не стала, новые смерти не воспоследовали…

— Дуэли? Юные неокрепшие умы? Припоминаю одного такого, знатно набедокурил во Франции во времена Регентства… — Аркадий Николаевич язвительно посмотрел в сторону Бутырцева. Тот и ухом не повел.

— Все у тебя гладко и просто, Лев Петрович, все ясно и по полочкам разложено. Все мелочи и тонкости объяснены. За что и ценю — за умение увидеть необычное в обыденном, за остроту ума, за способность подойти бесчувственно, разумом. Конечно, я прочитал твой отчет. Прочитал и понял, что именно ты мне сейчас нужен. Потому что именно так надо подойти к…

II

К чему он хотел подвести Бутырцева, осталось неизвестным, ибо с треском распахнулись створ-

ки двери, и в кабинет вломился звероподобный дворецкий. Он был явно не в себе, но будучи хорошо вымуштрованным, собрал последние крупицы самообладания и сумел выдавить из себя:

— Ваше сиятельство, к вам мануфактур-советник… Парфенов. — На фамилии очередного посетителя дворецкий почему-то споткнулся.

— Проси, болван! — рявкнул на слугу Аркадий Николаевич и продолжил: — Входи, Агний, входи, я приглашаю тебя.

— Принимаю твое приглашение, Шаркан. — Вошедший мужчина хотя и был одет светски, в хорошо пошитое и прекрасно сидящее на нем платье, но носил бороду, как и полагалось уважающему себя купцу. — С какого это времени ты стал сиятельством, враг мой? Тщеславие взыграло? Или решил выгодно жениться на богатой и родовитой?

Шаркан невозмутимо пропустил подначку своего извечного противника мимо ушей. Льву Петровичу было понятно, что два Высших играли в эти игры столь давно и безрезультатно, что на такие мелкие уколы внимания не обращали.

— Прикупил титул по случаю, не помешает. С разными людьми приходится общаться, надо

соответствовать.

Все же Бутырцев был ошарашен. Кого он точно не ожидал увидеть в кабинете Шаркана, так это главу московского Ночного Дозора. Но раз Агний здесь, то задание, которое, очевидно, собирался поручить ему Высший Темный маг…

— Да, ты прав…

Шаркан читал его как открытую книгу, что Льву было несколько обидно, все же он, Бутырцев, маг первостепенный, в некоторых своих способностях полагающий и с Высшими потягаться.

— Ахрон, я хочу доверить тебе дело большой важности. — Начальник Дневного Дозора Москвы обратился к своему подчиненному, назвав его сумеречным именем, и это сразу придавило, заставило собраться, обострило все чувства. Агний сочувственно поглядел на Льва Петровича.

— Ты слышал о расследовании, которое провела Инквизиция по делу о Синопском бое?

— Не имел счастья ознакомиться. — Бутырцев понял, что он крепко отстал от жизни, пребывая в столичном Санкт-Петербурге. Не зря Шаркан и Агний предпочитают сидеть в московских углах своей паутины — старая столица всегда была в центре интриг и битв не только российских Дозоров и не только Инквизиции. Сюда к ним

тянулись многочисленные нити из Средней Азии и Персии, из Леванта и Магриба, из Китая и Индии, даже из Японии. Может быть, и еще из более далеких и экзотических стран.

— После Синопского боя, когда русская черноморская эскадра под командованием вице-адмирала Нахимова столь блистательно разгромила оттоманский флот, некий турецкий наблюдатель от Светлых подал жалобу в Инквизицию на неправомерные действия русского Темного мага, повлиявшие на исход сражения, и потребовал наказать виновного. Инквизиция приняла эту слезную петицию близко к сердцу, назначила целую комиссию, проверила всех Иных, кто был в том злосчастном бою, и нашла виновного. Русским магом, сыгравшим столь роковую для оттоманцев роль, оказался артиллерийский кондуктор с флагманского линейного корабля «Императрица Мария» Иоахим Пекус. Этот «чистокровный русак», слабенький Темный маг шестого уровня, испугался летевшего на него снаряда и с перепуга сумел поставить магический щит, которым бомбу отбил в пучину. Если бы он этого не сделал, то снаряд прибил бы его, размозжив ногу, потом взорвался бы на палубе перед мостиком, на котором стояли адмирал, командир

корабля и еще несколько штаб-офицеров. Потеря флотоводца, флагмана и его ближайших помощников могла сказаться на исходе битвы в пользу турок. Но дурацкое вмешательство русского мага спасло их всех. Понимаешь, Лев Петрович, суть произошедшего?

— Как не понять. И чем же дело закончилось, что Инквизиция постановила? — Бутырцеву становилось все интереснее.

Агний, которого Лев Петрович старался не упускать из виду, казалось, совсем не слушал Шаркана. Он подошел к одному из шкафов с диковинами и пристально рассматривал какой-то камень. Показалось, что маг ведет насыщенный диалог с булыжником. Или не показалось?

— О, это отдельная песнь в хоре торжества справедливости. Инквизиция вынесла вердикт: да, повлиял, виновен, должен быть наказан. Конечно, многие, особенно англичане, хотели бы наказать самого Нахимова за «синопскую резню»…

Бутырцев непонимающе посмотрел на Шаркана: о чем он?

— Что же ты, братец, и газет совсем не читаешь в своей столице? Наверное, только верноподданническую пьесу Кукольника «Синоп»

и смотрел? — Агний оторвался от общения с каменюкой и вклинился в разговор. — Английские газеты с упоением и возмущением писали о том, как русские жгли бедный несчастный мирный Синоп, как расстреливали и давили кораблями турецких моряков, спасавшихся в воде среди горящих обломков кораблей, как вломились в город и зверствовали там.

— Так не было же ничего подобного, помилуйте! — Даже выдержанный Бутырцев был потрясен подобными инсинуациями. — Сам канцлер Нессельроде приказом запретил Нахимову наносить ущерб прибрежным турецким селениям. Город загорелся от обстрела береговых батарей нашим флотом, тут ничего нельзя было поделать, шел бой. Турецкие корабли выбрасывались на берег, взрывались, горящие обломки подожгли город. В терпящих бедствие моряков наши матросы отродясь не стреляют, всегда подбирают, пусть даже и врагов самых непримиримых. Кораблями и подавно давить не могли, вся эскадра Павла Степановича на якорях стояла. В город десант не высаживали. Я слышал много рассказов наших флотских офицеров, никто ничего подобного не упоминал. Врут англичане!

— Горячий какой, — ухмыльнулся Агний. — А

ты говорил, что Бутырцев — ледяного спокойствия и невозмутимости маг.

— А потому что патриот, — ответил Шаркан, переиначивая фразу из популярной, но сомнительной с точки зрения властей комедии. — Я уверен, что ты, Ахрон, будешь вести себя гораздо сдержаннее на своей новой должности.

— Какой же, извольте спросить? — Бутырцев недоумевал все больше и больше.

— Погоди, сейчас я о Синопском деле рассказ завершу. — Шаркан барственно развалился за своим монументальным столом и продолжил: — Мага того, Пекуса, допросили, вину он признал. Как ни старались некоторые раздуть дело, но просмотр всех исходов возможного попадания той бомбы показал, что бомба моряка не убила бы. Потом бы взорвалась, но, даже задев нескольких офицеров осколками, никак не повредила бы Нахимову, тем самым и результат боя не изменился бы. Но Пекуса решили наказать сурово — его лишили магии на пятьдесят лет. Он столько и не проживет, я посмотрел. Значит, наказали его бессрочно. Почему? Чтобы впредь другой мелочи неповадно было вмешиваться в дела большой важности.

— Дела людей?

— Дела людей. Ибо людей мы должны беречь…

— …и защищать. Скажи мне, Шаркан, в чем здесь Инквизиция не права? — перебил своего вечного оппонента Светлый.

— …и защищать, — продолжил Темный Высший как ни в чем не бывало. — Только с тех пор Инквизиция так рьяно взялась за защиту людей, что закрадываются некоторые сомнения в чистоте ее интересов.

Теперь, когда союзные войска трех империй — Великобритании, Франции и Блистательной Порты — решились на интервенцию в Крыму и осадили Севастополь, Инквизиция по настоянию все тех же союзников обязала воюющие стороны создать в Севастополе Дозоры, дабы присматривать за Иными. За теми из них, кто участвует в боевых действиях. Четыре Дозора, объединенных не службой Свету или Тьме, а по национальному признаку, обязаны совместно надзирать за соблюдением Договора всеми Иными, не допускать использования Силы для достижения военного превосходства ни одной из сторон, не допускать магических вмешательств в интересах людей. Казус Пекуса не должен повториться. Только на себя могут расходовать Силу воюющие Иные, раз им так уж неймется участвовать в вечных

человеческих играх. По десять Иных разрешается иметь таким Дозорам. Направлять, да-да, направлять их будут пять Инквизиторов, посланных в Крым, точнее, под Севастополь.

Бутырцев пожал плечами, он слышал о нескольких случаях, когда угроза самому существованию Иных заставляла Светлых и Темных, Ночные и Дневные Дозоры объединять усилия, действовать по-товарищески, сообща. Знал и о том, что тщеславная Инквизиция зачастую пыталась присвоить главенство в таких делах. Но чтобы столь рьяно и дотошно, столь регламентированно действовали совместные Дозоры? Не было такого на его памяти. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: московские Высшие маги решили разгадать этот ребус, понять, в чьих интересах сложился необычный комплот. И ему, Бутырцеву, сейчас назначат неприятную роль в этой мутной истории. Интересно, какую?

— Лев Петрович, вы сами отлично понимаете, в качестве кого мог прожектировать вас ваш повелитель, — отозвался на мысли мага Агний.

— Полагаю, на роль следователя?

— Ну, что ты, Ахрон! Как можно такую тяжелую фигуру, как ты, использовать в роли офицера в столь любопытной партии… — голос Шаркана

был полон насмешливой печали. — Бери выше.

— Кем же я могу быть? Я всегда работаю самостоятельно, я не сотрудник Дневного Дозора, выполняю только твои специальные поручения, уже много лет занимаюсь одними расследованиями…

— Ах, любезнейший Лев Петрович, как бы я хотел заниматься только такими делами. — Казалось, Агний готов составить Шаркану партию в разыгрывании сочувствия.

— Но придется тебе побывать в нашей шкуре. Я ставлю тебя начальником объединенного русского Дозора в Севастополе. Агний?

— Согласен. Достойная должности кандидатура.

— Должен довести до вашего сведения, многоуважаемый господин мануфактур-советник, что означенная кандидатура склонна к своеволию, вольнодумию и чинонепочитанию, — ухмыльнулся Высший Темный.

— Наслышан. Но мнится мне, что это заложено в вашей Темной природе, я не ошибаюсь? — сделал свой ход Высший Светлый.

— Отнюдь…

III

Лев Петрович слушал эту словесную партию с легким недоумением. Да что же это такое? Высшие спелись в такой дуэт, что ведут свои партии механически, уже думая о чем-то другом, о том другом, где их дуэт звучит не менее сыгранно. И совсем не похоже, что, как ему всегда казалось, извечные враги на каком-то уровне сыграют вразнобой. В любом случае уровень этот будет недоступен Бутырцеву.

— В Севастополе сейчас уже действует наш Дозор из семи Иных: четверо Светлых и трое Темных. Все низких уровней, рядовые исполнители. Тебе надлежит наладить дежурства и наблюдение за магическим фоном, связь с Дозорами союзников и Инквизицией, благо у тебя там много знакомых найдется, ты же у нас в свое время европы познал. Больше никого я дать не могу. Попробуй привлечь кого-нибудь из местных крымских Иных, но они там все несколько… своеобразные. Много старых оборотней и ведьм, есть жрецы древних вымерших культов. С ними сложно работать, они много видели, много пережили…

— Ваша светлость, граф Шарканский, — Аг-

ний на московский манер раскатал в звук «а» последнюю гласную в фамилии оппонента, — скажи господину Бутырцеву правду: старичье выжило из ума и никак не хочет понять, что мир изменился. Они сами себя не понимают, куда уж современным волшебникам их понять.

— Есть такое, — согласился Шаркан. — Кстати, господин мануфактур-советник, не могли бы вы выделить в помощь нашему дозорному кого-нибудь из своих современных и понимающих волшебников?

— Шаркан, ты же знаешь, у меня сейчас немалая часть Дозора в экспедиции…

— В Малой Азии, негласно следы Его ищут. Знаю, да. Но ты уж сделай милость, поделись каким-нибудь проворным вьюношем, пусть походит у Ахрона секретарем или подручным. Заодно и глазами твоими побудет.

— В чем ты меня подозреваешь?

— Ни в чем не подозреваю. Просто уверен, что тебе нужен свой человек в этом деле. Хотя бы свидетелем. Ты же хотел, ждал, чтобы я тебе это предложил? — Шаркан смотрел открыто и искренне. Если так вообще можно сказать об Ином, прожившем века. Сколько именно веков, Лев Петрович не знал. Да и знать не хотел. Чтобы

лишний раз не ужасаться.

— Ждал, да, — не стал отрицать Агний. — Есть у меня на примете человечек. Вам, Лев Петрович, хорошо знакомый по последнему петербургскому делу. Господин Нырков, да-с.

— Нырков? Этот мальчик? Восторженный юноша, идеальный Светлый? Вы хотите, чтобы он замарался в том явно неблагородном деле, на которое вы меня обрекаете? Меня, старого, опытного, пожившего, — это понятно. Его-то за что? Чем он вам успел насолить?

— Господин Нырков? Ничем. К вашему сведению, Филипп Алексеевич этим летом выпущен мичманом из Морского корпуса на Балтику, но тут же взял отпуск по болезни и записался в столичный Светлый Дозор. Заявил, что не видит смысла в «практических плаваниях» по Маркизовой луже, что хочет приносить пользу, служа в Ночном Дозоре.

— Каков молодец! — восхитился Шаркан.

— Это в его характере, — согласился Бутырцев. — Так вы даете мне его в помощники?

— Именно! Раз уж вы с ним сумели поладить в деле о дурацких дуэлях… Я уже вызвал его из столицы и имел смелость пригласить к тебе, Шаркан. — Агний посмотрел на хозяина дома.

— Уверен? Давай своего протеже.

Агний на секунду окаменел лицом. Тут же в дверь постучали. Медведь-дворецкий робко просунул голову в приоткрывшуюся дверь и произнес:

— Ваше сиятельство, там к вам… мичман Ныр-ков. Светлый…

— Зови, болван.

«Похоже, болван — тут имя собственное всем слугам. Не очень подходит этому оборотню, но суть отражает верно», — успел подумать Бутырцев, пока Ныркова проводили в кабинет.

Если семнадцатилетний мичман был взволнован и даже напуган при виде столь высокого собрания Иных, то виду не подавал. Внешне. Внутри он звенел так, что, наверное, было слышно даже в Сумраке.

Бутырцев поставил ему за выдержку «отлично».

Молодой дозорный четко и даже браво ответил на пару пустых вопросов Шаркана. («Бывают ли пустые вопросы от Высших?» — тут же усомнился в увиденном Лев Петрович.)

Внимательно и даже с усердием выслушал приказ Агния… Как будто глава московского Ночного Дозора и, почитай, глава Светлых всея Российской

империи не проинструктировал своего протеже. В это Лев Петрович в жизни не поверил бы.

Бутырцев успел по петербургскому делу хорошо узнать юношу и даже где-то полюбить его, находя в нем черты молодого себя — давнего, забытого Левушки Бутырцева. Молодой человек имел пытливый и любознательный ум, не любил монотонные дела, имел склонность к ходам рисковым. В том, что таковые авантюры в Крыму будут, Бутырцев не сомневался.

После Ныркова наступил черед его свежеиспеченного начальника выслушивать советы и наставления Высших. Давненько Лев Петрович не чувствовал себя бестолковым школяром, которого мудрые пестуны призывают стремиться к познанию мира. Что ж, пришлось вытерпеть и это.

Первым покинул дом Шаркана его Светлый коллега. Раз — и он исчез в смутном мерцании перехода, захватив с собой Ныркова. Ни звука, ни дуновения. Бутырцев, маг опытный и многое повидавший, с завистью отметил элегантность ухода. Хотелось бы ему уметь делать так же. «Научусь!» — подумал он уверенно. «Научишься» — так же уверенно отозвался на его мысль Шаркан.

— Но сейчас мы займемся твоим оружием. Я решил доверить тебе кое-какие амулеты. — Шаркан встал с кресла, вышел из-за стола и открыл дверцу углового шкафа. — Подойди-ка сюда…

Глава 2

I

Осенняя степь под Перекопом оказалась не такой унылой, как ожидал Бутырцев: недавние мелкие дожди немного смочили иссохшую за лето землю, и молодая зеленая травка радовала глаз путников. Октябрьской ночью Шаркан перебросил Бутырцева с Нырковым с лошадьми, повозкой и поклажей поближе к старой оборонительной линии Крыма.

Теперь они ехали на юг в компании многочисленных обозов и пеших войсковых колонн, которые то и дело обгоняли стремительные верховые — курьеры, фельдъегеря. В российской глубинке тракт в это время года давно бы превратился в непролазную канаву с грязью, но в Крыму еще было сухо, солнечно и тепло.

В дороге обсуждали подробности доверенного им дела.

— Почему граф… э-э… Аркадий Николаевич нас сразу в Севастополь не перенес? — спросил своего Темного начальника мичман, восседая на козлах — возницу Бутырцев решил не брать, дабы не

стеснять себя в разговорах с помощником. Поинтересоваться мнением Ныркова на этот счет он не удосужился. Филипп сделал себе еще одну пометочку в перечень черт Темных — бесцеремонность по отношению к другим.

— Подумайте сами, молодой человек. Появляемся мы в осажденном городе: кто? Откуда? Где наши бумаги-с, проездные-подорожные? Где наши попутчики? Мы, конечно, можем головы заморочить, глаза отвести. Но нам в Севастополе еще долго пробыть придется, со многими людьми общаться. Кстати, можете графа свободно называть по сумеречному имени — Шаркан. Имя, как ни странно, славянское, означает «простоватый». Но заблуждаться не советую, он взял его, как мне думается, от противного.

— Полагаете, Лев Петрович, что кампания затянется? Что не возьмут союзники город в ближайшее время? Остатки Черноморского флота заперты в бухте, крепость с суши беззащитна. Англичане и французы воевать умеют. По слухам, одних только транспортов несколько сотен под Евпаторию прибыло. — Нырков горячился и вместе с тем в глубине души ожидал, что сейчас опытный и рассудительный Бутырцев успокоит, растолмачит, объяснит, подтвердит уверенность

его в том, что не будет отдан врагу Севастополь, что выстоит, сдюжит русская армия, что доблестный флот еще даст генеральное сражение заносчивым британцам и отчаянным французам. И возможно, он, мичман Нырков, вместе с абордажной партией, сжимая в одной руке палаш, в другой — кортик, будет брать в плен неприятельского капитана… Да что там — адмирала! И сам Петр Степанович, герой Синопа, всенародный любимец и главный императорский флотоводец вице-адмирал Нахимов прикрепит к его груди крест святого Георгия и поцелует в окровавленный лоб, рассеченный… несильно… вражеским кортиком… И скажет душевно: «Спасибо, братец! Защитил Россию-матушку». И утрет скупую слезу — отец родной!

— Да, любезнейший Филипп Алексеевич, все так — сильны союзники. Английские газеты писали, что неприятель наш собрал в Варне запасы громадные, от орудий в количествах впечатляющих до мешков с землею, чтобы строить свои укрепления. Что уже набраны тысячи болгар-землекопов для строительства лагеря. Уверен, что все подсчитали банкиры в Лондоне и Париже. Знаю я их — у них кредита просто так не допросишься. Но думается мне, что они не учли самого

главного…

— Чего же? — Полулежавший в повозке мичман даже приподнялся, присел, ожидая, что сейчас первостепенный Темный маг раскроет ему главную тайну их задания. В том, что таковая имеется, он даже не сомневался.

— Не учли они дух русского солдата. Не учли его стойкость. Нет, не таковы наши воины, чтобы сдаться при виде вражеской мощи. Сначала супостату положено гостинец преподнести — пули и штыки. И ядра из флотских единорогов. Попотчуют, пусть отведают. А генералы и адмиралы на то и поставлены, чтобы придумать, как город с суши защитить, как сделать из него крепость неприступную. — Бутырцев тоже дал волю патриотическим чувствам. Внешне это не проявлялось. Но в минуты волнения или напряжения ума у него даже речь менялась, вспоминались слова вековой давности, фразы строились более архаично — всплывала из глубины души юность, насыщенная страстями. Даже Ныркoв заметил это.

— Правда ли, что вас будто бы сам император Петр Алексеевич в Париж учиться отправил? — решил воспользоваться благоприятным моментом любопытный юноша.

— Чистая правда! Послал меня царь с другими

детьми дворянскими науки познавать во Францию в инженерную школу. Понимал император, что наше обучение — свет для невежественной России, не пожалел денег на благое дело. Я там знакомого встретил — Абрамку Петрова. Генерал-аншефа будущего, который потом себя Ганнибалом величать велел. Я и его брата, Алешку, знавал. Еще по Преображенскому полку, где я был рядовым, а он гобоистом. Но младший братишка помер в юности, а с Абрамкой мы знатно повеселились во Франции: и вино пивали, и на войне воевали, — ударился в воспоминания Бутырцев.

— Это вы там, во Франции, Посвящение прошли? — осторожно поинтересовался Филипп. Вопрос для любого Иного очень личный, не каждый готов душу перед другим открыть.

Но Лев Петрович закрываться не стал. Светлый ему нравился, к тому же с этим мальчиком ему предстоит работать в паре, жить бок о бок, дело делать. Может быть, и воевать — с людьми или Иными, не развлекаться едут.

— Там. Заприметил меня один француз. Виконт де Брижак. Маг к тому времени силы немалой. Мы с ним в салоне общей знакомой как-то повстречались. Язвительный был человек, начал

надо мною насмехаться. Я французский уже хорошо разумел, а изъяснялся еще дурно. Слово за слово, распалил он меня, но я виду не подаю. Он продолжает. Тут я не сдержался, матерно ответил, думал, не поймет похабщину. А он все понял, Иной ведь. Обложил меня по-французски. Тонко, с выдумкой. Главное — публично. Я его на дуэль вызвал, драться немедленно. Вышли в сад. Я уже в подпитии был, шпагу с трудом держал. Он стоит, хохочет, насмехается надо мной с одним кинжалом в руке. Я вскипел, бросился было на наглеца. Он мою руку перехватил с силой небывалой. «Fixer», — говорит. Развернул свое оружие, ткнул себе в живот, аж до самой рукоятки вогнал, лезвие из спины выйти должно было. Я думал, все — убился насмешник. А он чуть согнулся, поморщился, двумя руками клинок из тела вытащил. Камзол расстегнул, рубашку. Повторил свое «fixer», тут до меня дошло, что он велит мне смотреть на рану. Я глянул — батюшки-светы! — рана-то на глазах закрылась, и на коже ни следа. Меня аж трясти начало. «Ну что, — говорит уже по-русски, — получил сатисфакцию?» Я ничего понять не могу, подумал, что допился этой ихней кислятины до чертиков. Тут Анри меня и просветил насчет Иных. В Сумрак провел,

вывел назад. Привел к Тьме. Потом учил меня, бывая в добром расположении духа, когда мы с ним куролесили. Как-то ночью возвращались мы с ним из Пале-Рояля, кутили с регентовыми друзьями, жаль, с самим герцогом Орлеанским не довелось познакомиться. Пьяные были, шли и песни горланили, попивая вино запросто, из бутылок. На наши вопли ночные воры пришли. С дубинками, а кое-кто и при шпаге был. Ох и повеселились мы с Анри!

Бутырцев замолк, смакуя пережитое. Мимолетная улыбка коснулась его лица — знать, было что вспомнить. Но быстро продолжил:

— Со многими Иными познакомил меня мой наставник: с французами, с англичанами, с испанцами тоже, с двумя итальянцами. Потом я в Европе не раз бывал — и по делам Иных, и как частное лицо. Еще большими связями разжился. Я полагаю, что наши Высшие учли эти знакомства, когда поставили меня начальствовать над русским Дозором в Севастополе.

— Кого же еще назначать, Лев Петрович, если не вас. Вы и с европейскими Иными знакомы, и следователь знатный, уж я-то имел честь увидеть вас в деле, — польстил Бутырцеву Филипп не без задней мысли — хотелось юноше узнать, что

же на самом деле поручено Темному расследовать. Не может быть, чтобы двое разномастных Высших послали Льва Петровича выполнять скучную работу надзирателя над Иными.

— Вы, Филипп, не темните, Тьма — сторона не ваша, — ухмыльнулся старый маг. — Хотите что-то спросить — спрашивайте. Сочту нужным передать вам какие-то знания — отвечу. В необходимых пределах. Если вопрос будет о том, что вас не касается, — не обессудьте. Так будет лучше для дела. Нам с вами еще многое предстоит.

Нырков помолчал, досадуя на себя за то, что его хитрость оказалась шита белыми нитками. Не хотелось показывать свою неосведомленность, выглядеть бестолочью в глазах хоть и Темного, но уважаемого им мага.

— Лев Петрович, так что мы будем делать на самом деле? — решился наконец молодой человек.

— Увы, Филипп Алексеевич, будем мы заниматься наискучнейшим на свете делом — следить за магическим фоном в городе и округе, прислушиваться, вылавливать малейшие всплески, определять источник, собираться с коллегами из других Дозоров и решать вопрос правомерности применения магии. И буде решено, что кто-то проштрафился, то выдавать виновного на суд

Инквизиции.

— Лев Петрович! — взвился юноша. — Не держите меня за дурачка! Всегда вы, Темные… Будьте любезны…

— А еще… — многозначительно протянул начальник, — мы будем стараться понять, зачем европейские Иные натравили европейских же императоров на Россию, чем привлек их Крым, какая надобность собрала столь многочисленные Дозоры в Севастополе. И чем на самом деле они тут занимаются.

— Ух ты! — Нырков был ошарашен. — Вам Высшие что-то такое рассказали? Что вы знаете?

— Увы, Филипп, мне ничего не объяснили, не поделились московские гранды своими подозрениями. Они явно что-то знают, к каким-то выводам пришли. Но мне Шаркан наказал, чтобы я внимательно осмотрелся, вник во все подозрительное, вычислил интригу и только тогда доложил ему. Им — Агний был при этом напутствии. Они, видите ли, хотят услышать мое непредвзятое мнение о происходящем. Верят моему чутью следователя и способности видеть мелкие черты будущих событий. Удружили…

— Вы и впрямь можете будущее видеть? — нескромно заинтересовался любопытный Ныр-

ков.

— Увы, мой юный друг, дар мой небольшой и неудобный: вдруг удается услышать слово, или фразу, или предмет как бы из будущего, а то и картинку целую. Что это? К чему? Самому приходится разгадывать загадки. Нет, я не пророк и не предсказатель. Я могу линии обыденных событий на несколько минут вперед посмотреть, иногда даже на полчаса в будущее заглянуть. Но не более.

— Мне и этого не дано. С моим пятым-то… — загрустил юноша.

— Учитесь, познавайте, я тоже не родился первостепенным. С шестого начинал, упорством и упрямством постигал магию. Никаким знанием не брезговал, в ножки учителям кланяться не стыдился.

— Я готов учиться… — засмущался вдруг Ныркoв и замолчал.

— Договаривайте! Смелее, ну! Я не обижусь, — подбодрил начинающего мага Бутырцев.

— Даже у Темного, — пробормотал юноша.

— Так-то лучше. Откровенность между нами — это залог успеха. Если я — разведчик и свежий взгляд на события для Высших, то вы, Филипп, тоже можете быть моими глазами и ушами в

тех местах и в том обществе, где со мною не могут вести себя по-приятельски. Среди молодых офицеров, да и среди солдат вы будете своим без всяких заклинаний. Наверняка вы найдете собственные ниточки в доверенном нам деле. Кстати, раз уж вы мой помощник, то я обязан вам еще кое-что рассказать. В моем походном сундучке, да-да, в этом, — он кивнул в сторону поклажи, громоздившейся на телеге, — амулеты, доверенные мне Шарканом. Они вас не касаются, но среди них есть необычная раковина, которая позволяет связаться с главой московских Темных. Мало ли что может со мною произойти, тогда вы возьмете раковину и доложитесь. Сейчас я вас научу ею пользоваться. Обхватите ее пальцами снизу, как чашу… Именно так, правильно. Теперь поднесите ее ко рту, да-да, вот так, и говорите в Нее «Вызываю тебя, Шаркан!» Да громче, громче, не бойтесь, я накрыл нас сферой невнимания. Слышите, в раковине запищало? Теперь поднесите ее к уху и слушайте, что говорит вам собеседник… Слышно? Дайте-ка я поговорю.

Бутырцев коротко доложил Шаркану о прибытии в Крым. В ответ Высший сообщил ему свежие новости об обстановке в Севастополе. Известия были печальными: город подвергнут жесточай-

шей бомбардировке, продолжается затопление русских кораблей, пятого октября на Малаховом кургане смертельно ранен ядром начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал Корнилов. По настоянию нашего Дозора было проведено расследование обстоятельств гибели фактического организатора обороны города, установлено французское орудие, из которого был произведен злосчастный выстрел. Следов магического воздействия не обнаружено. Впрочем, как и в других случаях гибели генералов и адмиралов союзников и русских. Иные были ни при чем, люди сами старательно убивали друг друга.

В угнетенном состоянии продолжили свой путь петербургские маги.

II

Шестого октября дозорные ехали по дороге из Симферополя в Бахчисарай. Лошади заметно устали, с покупкой сена и овса для животин были проблемы, но Бутырцев денег не жалел, полагая, что им надо как можно скорее попасть в Севастополь. Однако быстро ехать не получалось, дорога была забита войсками, шедшими к Севастополю, и встречными телегами с ранеными, которых везли в госпитали Симферополя.

Поначалу дозорные на всех остановках жадно расспрашивали о том, что творится в осажденном городе, об армии, о действиях союзников. Но быстро прояснив картину, Бутырцев решил придирчиво обдумать все, что можно припомнить по новому делу.

Своими размышлениями Лев Петрович решил поделиться с Нырковым. Во-первых, он обещал учить молодого человека своей методе, во-вторых, слушатель мог бы заметить и указать на несоответствия в его умственных построениях.

Они ехали, Бутырцев рассказывал о том, как ему видится ситуация. Ныркову оставалось поддакивать, удивленно восклицать в нужных местах и задавать вопросы в самых сомнительных поворотах мысли следователя.

Если поставить перед собой вопросы: «Куда они едут? Что им предстоит? Что в этой войне четырех империй Шаркану с Агнием? Как оказался возможным столь противоестественный союз?», то суть виделась Бутырцеву таковой.

Есть два варианта: либо наличествует сильный враг, одинаково ненавистный или угрожающий обоим Высшим, либо… Либо существует приз, недосягаемый для каждого по отдельности, но который возможно добыть совместными усилия-

ми. Что, если враг тоже охотится за этим призом? Значит, враг — приз — союз владык московского мира Иных. Или всех русских Иных? В Европе тоже очевидный комплот: английской королевы Виктории, французского императора Наполеона III и турецкого султана Абдул-Меджида I. Но что Иным до дел человеческих? Впрочем, сколько раз Высшие Иные вмешивались в эти самые дела. Во благо людское… гм… в первую очередь свое. Всегда и всюду за катаклизмами человеческой истории можно обнаружить вмешательство Иных. Если как следует покопаться.

Напрашивался вывод, что за каждой из противоборствующих сторон в этой войне стоят Иные. За французами — парижское гнездо и, чего никогда нельзя исключать, — Ватикан. За англичанами — последователи Мерлина обеих мастей. За турками — Левант, Магриб… Персия?

«Не слишком ли ты широко метешь, Лев Петрович? — спросил сам себя Бутырцев, заканчивая эти рассуждения. И тут же сам себе ответил: — Не слишком, лучше сразу посмотреть на всю картину, чтобы понять, что на ней нарисовано».

Продолжил раскрывать глаза юному Светлому. Как вообще началась эта война? Если вспомнить все, что он видел сам, слышал от других, о чем чи-

тал в газетах российских и европейских? Думай, следователь, сопоставляй — в первую очередь это надо тебе. Зачем? Чтобы выжить.

* * *

Если поглядеть на царствование Николая I с 1825 по 1854 год, то становится понятно, что к началу пятидесятых пик величия и мощи императором и самодержцем был пройден. Сам Николай об этом не догадывался, внешне все казалось незыблемым для европейского «жандарма» — он самый могущественный в Европе, никто ему не должен перечить. Поэтому Наполеона III, пришедшего к власти во Франции путем переворота второго декабря 1852 года, русский император считал государем незаконным — не совсем чтобы из грязи в князи, но из президентов в императоры? Фи! Бонапартам еще на Венском конгрессе четырнадцатого-пятнадцатого годов было раз и навсегда запрещено занимать французский престол. О чем Николай I тонко напомнил французскому выскочке — назвал в поздравительной телеграмме не братом, как император императора, а всего лишь другом — «Monsieur mon ami». Новый Наполеон это запомнил. Впрочем, он мог припомнить Николаю

многое — в свое время французский бездомный принц просился в Россию, царь ему отказал.

В это же время Ротшильды усиленно навязывали русскому царю заем, о чем Бутырцев случайно узнал, будучи в Париже в политическом салоне у некоего русского, Герцена Александра Ивановича, борца с самодержавием. Возможно, небескорыстного агента тех же банкиров. Знал и о том, что Николай не поддавался, справедливо полагая, что это путь в финансовую кабалу. Ведь война — это хороший способ растрясти царскую казну. Да и мошну европейских монархов. Куда они денутся от финансовых воротил, возьмут кредиты!

Англичане? А что англичане? Царила Виктория, а правили банкиры. Но и королева, и знать, и банкиры — все хотели править миром и получать от этого свой немалый кусок пирога. И тут Николай со своим самомнением, с претензиями на какой-то там по счету Рим, с желанием носить титул защитника православия, из которого вытекало, что он — единственный защитник христиан в Османской империи. Ну и проливы — куда же без них? Николай спал и видел, как однажды к воротам Константинополя будет прибит его щит, София сбросит полумесяцы и вновь по-

кроется крестами, а Россия жерлами своих пушек будет регулировать проход через Босфор. Церковь Рождества в Вифлееме будет собственностью православной церкви. И не Константинопольской, а Московской. В вопросе о церкви противником был Ватикан. В вопросах о проливах — и англичане, и французы. Не говоря о турках.

Турки, Блистательная Порта, Османы — сколько Лев Петрович себя помнил, столько Россия и воевала с южным соседом. Турки были повсюду: в Молдавии и Валахии, в Крыму, на Кавказе. С турками приходилось воевать, заключать мир, истребовав для России право защищать интересы православных в их империи, опять воевать. Константинополь бросался под крыло то к Вене, такому же давнему своему сопернику, как Петербург, то к Парижу, отдавая Франции контроль над христианскими святынями в Палестине. То к Лондону, который тут же заставлял Османов принимать выгодную для британских банкиров позицию.

Все эти империи давили слабеющий восток оружием, но ревностно следили, чтобы кто-то не вырвался вперед.

На исходе лета 1852 года под стены Стамбула пришел 80-пушечный линейный корабль

«Charlemagne», а уже в декабре ключи от церкви Рождества Христова были отобраны у православной общины и переданы Франции. Ватикан торжествовал! Россия стягивала войска к границам Молдавии и Валахии. «Отмстить неразумным…»?

Неблагодарный Франц-Иосиф, правящий Австрийской империей, спасенной штыками николаевской армии от развала в сорок девятом голу, когда восстали венгры, тут же начал собирать свои силы в кулак, не желая, чтобы лакомый молдавский кусок достался России. Прусский дядя Николая на это никак не отреагировал.

Англичане вообще полагали, что России не место в кругу морских держав, поэтому твердо решили, что русский Черноморский флот существовать не должен.

В начале 1853 года в Константинополь прибыл русский посол князь Меншиков. Да-да, тот самый, который сейчас в Крыму армией командует. Он заверил Абдул-Меджида, что Николай хочет укрепить узы добрососедства между двумя империями. Для этого Турция должна признать права Элладской церкви на святые места в Палестине, а России должно быть предоставлено право протекции над двенадцатью миллионами христиан

в Османской империи, что составляло почти треть всего населения. Все это должно было быть оформлено в виде договора.

В это время английский премьер Абердин заключил соглашение с французским императором Наполеоном III о совместных действиях против России, которая чересчур возомнила о себе. Союзники действовали быстро. В марте 1853 года, узнав о требованиях русского царя, Наполеон III направил французскую эскадру в Эгейское море. А англичане — нового посла в Стамбул, который переиграл Меншикова, обещая султану поддержку Великобритании в случае войны.

Абдул-Меджид I издал фирман о нерушимости прав греческой церкви на святые места. Но он отказался заключить с российским императором договор о протекции. Николай воспринял это как очередное оскорбление. Первого июня российским правительством был издан меморандум о разрыве дипломатических отношений с Турцией.

После этого Николай I приказал восьмидесятитысячной русской армии занять подчиненные султану дунайские княжества Молдавию и Валахию «в залог, доколе Турция не удовлетворит справедливым требованиям России». В свою

очередь английское правительство приказало средиземноморской эскадре идти в Эгейское море.

Двадцать первого июня русские войска вступили в дунайские княжества.

Это вызвало протест Порты. В Вене была созвана конференция уполномоченных Англии, Франции, Австрии и Пруссии. Результатом конференции стала Венская нота, компромиссная для всех сторон, потребовавшая от России эвакуации из Молдавии и Валахии, но дававшая России номинальное право защиты православных в Османской империи и номинальный контроль над святыми местами в Палестине.

Николай I Венскую ноту принял. Но османский султан, надеявшийся на обещанную британскую военную поддержку, предложил внести кое-какие изменения в ноту. Суть документа поправки не меняли, но тщеславие Николая было задето. Он, могущественнейший монарх Европы, должен пойти на поводу у каких-то турок? Достаточно того, что он согласился подчиниться авторитету глав ведущих держав мира. Поправки он отклонил.

Дальнейшие события выглядят очень логичными.

Абдул-Меджид I двадцать седьмого сентября потребовал от России покинуть дунайские княжества в двухнедельный срок. Россия это условие не выполнила. Четвертого октября Порта объявила войну России. Николай в долгу не остался и двадцатого октября в свою очередь объявил войну Турции.

До Синопского сражения, триумфа Черноморской эскадры Нахимова (с русской точки зрения), или до Синопской резни (по мнению влиятельных английских газет) оставалось всего ничего.

Или до дела Пекуса с точки зрения Льва Петровича.

Кстати, английская эскадра на выручку туркам в Синоп не пришла, сославшись на неудовлетворительные погодные условия. Единственный уцелевший турецкий корабль — пароход «Таиф» («Tayf») — позорно сбежал с поля боя, если полем можно назвать морскую гавань.

Но зато европейские Иные посочувствовали несчастным туркам, заставили Инквизицию заняться русским моряком, с перепугу закрывшимся магическим щитом. Занятно.

И война уже полыхает от края до края Российской империи, от ее западных придунайских желаемых границ до Северного моря и Камчатки.

От Финского залива до Кавказа. И центр всех устремлений союзников, средоточие сил и финансовых потоков, основные военные действия — это все Севастополь.

Небывалые в истории объединенные Дозоры, представительство Инквизиции, подозрительный союз Шаркана и Агния — это тоже Севастополь. Им всем тут что, медом намазано?

* * *

Бутырцев методично читал лекцию для своего спутника. Сыпал именами, датами, пунктами договоров. У юного мичмана голова шла кругом. Он давал присягу Государю, он принимал Договор, он готов был умереть за Веру, Царя, Отечество, Дело Света. Но ему и в голову не приходило, что его подвиг будет связан с таким запутанным клубком гордиевых узлов. Куда как проще командовать вверенными тебе орудиями на деке линейного корабля, стоя под градом неприятельских ядер и бомб. Вообще-то он в бою еще не бывал, но в практических плаваниях со стрельбой участвовал…

Бутырцева к концу обозрения большой политики одолела досада — в результате всех этих неразумных ходов самодовольных деятелей, начиная с Николая Павловича и заканчивая про-

дажными турками и московскими магами, он, Бутырцев, вынужден трястись в этой повозке по пыльной дороге в Севастополь. Учить мальчишку Светлого уму-разуму. Думать о том, где взять свежих лошадей или найти корм для выбившихся из сил коняг, которых Шаркан соизволил переместить в Крым. Трястись? Вообще-то сейчас стоим, как и всегда, — дорога узкая, сплошные телеги, возы, фуры, повозки, конные эскадроны, пешие ротные колонны. Возницы орут, курьеры орут, ишаки орут — воистину Содом и Гоморра. Только татарские верблюды спокойно жуют свою жвачку.

Глава 3

I

— Лев Павлович, смотрите, Иной, — Нырков вполголоса отвлек стратега от высоких дум.

— Где? — покрутил головой Бутырцев, возвращаясь к действительности.

— Вон же, прапорщик на фуре с ядрами впереди нас. Светлый… Уровень не могу определить…

— Четвертый, — ответил Темный маг, не раздумывая. — Аура спокойная, нас не видит. Пройдитесь-ка, Филипп Алексеевич, поговорите с собратом по Свету, заодно и ноги разомнете. А то вы на казенных харчах за пять дней нашего путешествия нешуточно раздобрели.

Обиженный подначкою Нырков резво спрыгнул с повозки в белесую крымскую пыль и уже собрался было пойти вперед, но Бутырцев остановил молодого мага:

— Подождите. Пожалуй, пройдусь с вами, надо нам свой статус явить подопечным Иным.

И продолжил, отвечая на невысказанный вопрос Филиппа:

— Не забывайте, что мы — дозорные. Нам на-

до учесть всех русских Иных в Севастополе и в армии, объявить им о надзоре за соблюдением Договора, о невмешательстве в дела людей…

— Все ясно, — буркнул Нырков, досадуя на Темного, — сейчас мы ему крылья подрезать будем.

* * *

Прапорщик, молодой человек лет двадцати по виду, в пропыленном мундире, с забинтованной головой сидел рядом с фурштатским солдатом на передке тяжело груженной ядрами фуры, беспечно насвистывая незамысловатый мотивчик. Мысли его были спокойны и размеренны, он совсем не заметил, как к нему подошли дозорные. Он вздрогнул, когда Бутырцев обратился к нему:

— Господин прапорщик, позвольте поинтересоваться…

— Что вам угодно, господа? — поскучнел лицом офицер и неторопливо слез с фуры.

— Прапорщик четвертой роты второго батальона Минского полка Родимцев, — представился он. Постороннему человеку было бы непонятно, с какой стати он сделал это, ведь перед ним стояли всего лишь мичман и господин в партикулярном платье, возможно, в чинах, но сейчас явно не при исполнении.

— Мичман Ныркoв, — представился высокий темноволосый юноша и вполголоса добавил: — Светлый, севастопольский Дозор.

— Коллежский советник Бутырцев, Темный, начальник севастопольского объединенного российского Дозора, — подошедший худощавый господин говорил громко, очевидно, прикрыл разговор от посторонних глаз.

Родимцев с удивлением посмотрел на магов, он впервые слышал об объединенном Дозоре. Разве это возможно? Но перед ним стояли Темный, явно немалой силы, и слабый Светлый, чуть моложе его самого, но вряд ли выше по степени. Немного робея и смущаясь, пехотный офицер признался:

— Извините, господа, я не знал о таком Дозоре. Я что-то нарушил? Извините еще раз, я Иной недавнего посвящения, Светлый, пятого уровня…

— Уже четвертого, господин прапорщик… — перебил его Темный.

— Юрий Николаевич, к вашим услугам, — стушевался пехотный. — Как же это вышло, что я уже на уровень выше поднялся?

— Лев Петрович, — в свою очередь назвался Бутырцев, не ответив на вопрос.

— Филипп Алексеевич, рад знакомству с боевым офицером, — искренне добавил Ныркoв.

— Давно ли участвуете в кампании? — спросил Темный.

— Почитайте, с самого начала, с Альминского дела. Получил контузию, проходил лечение в госпитале в Бахчисарае, признан выздоровевшим, возвращаюсь в полк, — отвечал прапорщик, лихорадочно пытаясь понять, чего от него желает грозный Дозор.

— Не врите, Юрий Николаевич, — добродушно сказал Бутырцев, — врач велел вам еще неделю не вставать, долечиваться, а вы из госпиталя самовольно ушли. Я же вижу…

— Да как же можно мне в госпитале быть, коли Севастополь в опасности? Когда товарищи мои кровь проливают? — не выдержал Светлый. — Я как услыхал про бомбардировку пятого октября, так сразу решил, что мое место в полку, в роте своей. У нас много офицеров погибло, а я почти здоров, я же Иной. Только мне бы целителя толкового, сам я в такой магии не силен. Я, почитай, магии-то и не обучался, — начав свою речь патетически, к концу ее Родимцев стих и вопросительно посмотрел на дозорного начальника.

— Господин прапорщик, сами признаете, что мало что умеете, а на встречу со смертью спешите. Не торопитесь, успеете еще, тем более что

сильные действия всем Иным в Севастополе запрещены и строго наказуемы. Да-да, наказуемы: и русским, и союзникам, будь ты хоть маг, хоть оборотень, даже и вампир. Мы, Дозор, следим за этим и нарушителей установленного порядка будем передавать Инквизиции.

— Как же так? Сразу Инквизиции? — не на шутку испугался пехотный.

— Ей, голубчик, ей самой. Под Севастополем сейчас целая комиссия от Серых собрана, — огорошил Светлого Лев Петрович. — Но мне интересно, как вы с вашим малым опытом достигли уже четвертого уровня, да к тому же сами этого не заметили. Расскажите-ка про сражение. Страшно было?

— Да как же не страшно! Я в сражениях еще участие не принимал, а тут сразу такой ужас кромешный: французы навалились, пушки грохочут, ядра так и летают, штуцерники неприятельские, что за каменной стенкой в саду укрылись, в упор по нам бьют. А мы на них со штыками… Ротного сразу убили, и подпоручика Петрова тоже. Пока до неприятеля добежали, еще подпоручика и двух прапорщиков потеряли. И унтеров мало осталось. Я, получается, старший в роте. Ну и командую: «В штыки, ребята!», а солдаты уж на-

валились на французов. Я из пистолета в кого-то выстрелил, тут на меня мордастый такой в феске, не то француз, не то турок какой, навалился с палашом. Стыдно сказать, испугался я, прямо смерть свою в его глазах разглядеть успел…

Родимцев говорил все быстрее, горячась, переживая заново те страшные мгновенья штыковой атаки. Говорил искренне, понимая, что этим собеседникам можно и нужно сказать правду, что они не просто Иные, они русские люди, они поймут.

— …я еле успел саблей его оружие отбить, но противник был сильнее меня, так по моему клинку рубанул, у меня аж руку отсушило. Повторным ударом он меня бы убил, ей-богу, я с испугу-то в Сумрак отступил, но стыдно мне опять стало — с поля боя сбежал, я назад и вывалился, тут молодца этого Трофим Стрельцов из второго взвода штыком в живот пырнул и приклад вниз опустил, потроха неприятелю выворачивая, как учили. После такой раны не живут. Свалился француз, а спаситель мой уж с другим схлестнулся. Я покрепче саблю обхватил и ему на помощь крутнулся было… Но тут меня по голове будто бревном ударило. Очнулся — лежу на носилках, в ушах звон, поднять голову не могу. Кто меня несет, куда — не соображаю. Опять в беспамятство впал.

Очнулся уж ночью. Кругом такие же раненые стонут, а многие уж и не стонут — отдали Богу душу. Тут девица какая-то подошла, приподняла голову мою, напоила водой с вином, тряпицу на голове сменила на чистую, да и позвала солдат из нашего полка, которые меня дальше понесли.

— Откуда же девица взялась? Не бред ли, часом? — поинтересовался Бутырцев.

— Мне уже в госпитале потом сказывали, что зовут ее Дарья. Она — дочь матросская, с Корабельной стороны. Будто распродала она после гибели отцовой все имущество, купила бричку, корпии и тряпиц, вина, набрала воды бочонок, да и подалась к Альме, справедливо рассудив, что надо же будет кому-то раненых выхаживать, которых с поля боя вынесут. Она многим там помогла.

— Героическая девушка, и как не побоялась! — даже старый сухарь Бутырцев расчувствовался.

— Хороша ли собою? — проявил живой интерес Нырков, подходя к рассказу Юрия с другой стороны.

— Не разглядел я, ночь стояла, — сконфузился Родимцев и продолжил: — Говорят, господа, главнокомандующий, светлейший князь Меншиков ей самолично крест на ленте вручил и деньгами

одарил.

В словах его сквозили и гордость, и хвастовство: будто его самого наградили, будто факт его перевязки такой выдающейся личностью делает его причастным к высокому благородному деянию простолюдинки.

— Даша… — восторженно произнес Ныpков, уже что-то себе придумывая и о чем-то мечтая.

— Светлые, что с вас взять, — пришел в себя, смахнул наваждение Бутырцев. — Что же, господин прапорщик, позвольте вас поздравить с участием в большом деле. Я так полагаю, что вам награда полагается или производство в чин. Ваш рассказ также объясняет, почему вы на следующий уровень Силы шагнули. Сумрак ваш страх выпил, силы и добавилось — такие случаи известны. Хорошо, что вы магию не применили, иначе пришлось бы нам с вами перед Инквизицией предстать. Вы уж, голубчик, если другого кого из Иных встретите, обязательно расскажите о запрете этом, дабы бед никто не натворил. Строго велено присматривать, чтобы вмешательств магических не случалось. — Бутырцев озабоченно нахмурился.

— Эк, как оно оборачивается, — тоже посмурнел лицом прапорщик. — Всенепременно передам. И

юнкеру Козловскому, и подпоручику Архипову, хотя он и Темный…

— Ваши знакомцы? В каких полках служат? — взял названных на заметку Бутырцев, сделав вид, что пропустил оговорку Светлого мимо ушей.

— Да в нашем Минском же…

— Позвольте! Это что же получается, в одном вашем полку сразу трое Иных? — От услышанного в Бутырцеве проснулся следователь.

— Так четыре было, ваше высокоблагородие. Прапорщик Симбирцев погиб при Альме, как мне сказывали. Темный. Но ведь христианская душа, Царствие ему Небесное. — Родимцев перекрестился.

— Позвольте поинтересоваться, который вам год?

Нырков подумал, что вид Бутырцева напоминает ему что-то очень знакомое. Точно! Будто борзая учуяла дупеля, спрятавшегося в траве под кустом, поводит носом, вдыхая запахи, последний раз пробуя их, убеждаясь, что тут птица, тут, никуда не делась. Сейчас совсем замрет, вытянувшись в стойке, прежде чем вопросительно повернуться к охотнику: «Ну что же ты! Командуй: пиль!»

— Девятнадцатый.

— А вашим знакомым Иным в полку?

— Козловскому шестнадцать, подпоручик Архипов постарше будет, годов двадцати четырех. Он в полк из отпуска по болезни вернулся недавно, когда объявили, что нас в Крым посылают. Симбирцеву в декабре двадцать… было бы… А ведь и Архипов раньше времени из отпуска вернулся. Как же так? Темный, а о себе не подумал? Может быть, решил, что уж его-то смерть минует, а тут чины и ордена возможны.

— Ну да, ну да, — иронично хмыкнул Бутырцев и возразил: — Зачем ему? Мы же Иные. Жить можно долго. Деньги с нашими возможностями нажить можно легко. Вас геройствовать потянуло, Светлый?

— Нет, не геройствовать. Отчизну защищать. Вам, Темному высоких степеней, не понять, — резко ответил Родимцев и смутился. — Простите, ваше высокоблагородие.

Помолчали неловко.

— Не хотите ли, Юрий Николаевич, в Дозоре послужить? У меня место есть вакантное. Работа для такого храбреца, как вы, для человека обстрелянного. И денежное довольствие повыше будет.

— Увольте, господин Бутырцев. Не мое это дело — упырей непослушных да оборотней глупых ловить.

— Выше берите. Посложнее дела-то будут. Интересные и отчаянные. Заодно и магией сполна овладеете, — искушал простодушного пехотного прапорщика опытный дозорный.

— Нет, не мое это дело — в хитросплетениях Иных дел разбираться, — подумав, ответил Ростовцев. — Не мое.

— Тогда до свидания, Светлый. Сумрак даст — свидимся. Берегите себя.

Из уст Темного такое пожелание могло бы выглядеть издевкой или угрозой, но Ростовцев понял, что на этот раз все сказано от чистого сердца.

Нырков в порыве чувств просто обнял боевого товарища и пожелал:

— Пусть тебя Свет бережет.

— И тебе, друг, Светлого пути. До встречи.

II

После этого разговора дозорные долго ехали молча.

Нырков рисовал в уме картины кровопролитных боев, героических схваток, в которых показывал неслыханное мужество. Ему виделись награды, за которыми по пятам следовала слава. Или слава катилась впереди героя и на-

град? Ведь пока представление к Георгию дойдет до Государя, пока он подпишет рескрипт, пока курьер привезет документ с Его подписью и вожделенный крест в Севастополь — это же сколько времени понадобится? Конечно, главнокомандующий может его и своей властью наградить. Прямо после боя. Прямо в госпитале, куда доставят израненного, но молча переносящего неслыханную боль героя. Но чем может наградить генерал-адмирал? Не Георгием же четвертой степени — единственной достойной его подвигов награды. Да и то — какой Георгий мичману? Это что же он должен такое совершить, чтобы полковничий орден заработать? Убить, нет, самолично захватить командующего одной из союзных армий? Сен-Арно? Тот, по слухам, умер уже без его, Филиппа Ныркова, участия. Кто там теперь у французов — Канробер? Или лучше пленить главнокомандующего у англичан — старика Раглана, который еще при Ватерлоо руку потерял и потому носит сюртуки необычного покроя, с чудными рукавами? Их еще его именем называют, рукава эти. Ну, какая же доблесть в том, чтобы захватить калеку… Нет, Даша не оценит, она девица добросердечная к людям.

При чем тут Даша? Ну а кто? Неужели в Сева-

стополе еще остались дамы и девицы? Неужели адмиральские дочери не покинули осажденный город? Или они тоже вносят свою скромную лепту, дежуря в госпиталях и собирая средства на помощь раненым? Ну… тогда… тогда барышни обязательно восхитятся его подвигами!

Все же Раглан — скучный пленник. Так, может быть, прокрасться под покровом ночи… нет, в Сумраке… к главнокомандующему турок кроату Омер-паше, в кровавой схватке (непременно кровавой!) побить его янычар и приволочь пред светлы очи генерал-адмирала князя Меншикова? Но турок русские всегда били, таким подвигом не прославишься. Тут надо целый турецкий штаб в плен брать. А что? Он врывается в турецкий шатер с горящим факелом в руке, подносит его к бочке с порохом… Откуда бочка? Она используется адъютантом вместо столика для бумаг. Ага, секретные бумаги! С картой расположения всех союзных войск, укреплений и резервов.

Бумаги придется захватить.

Итак, он подносит факел к бочке и объявляет Омер-паше и его штабу, что берет их в плен, иначе он не побоится пожертвовать своей жизнью…

— И получает удар прикладом по голове.

Нырков взвился как ужаленный. Залился крас-

кой и, мучительно заикаясь, выпалил:

— Это м-мерзко! Вы… вы п-подслушивали мои мысли… это… это…

— Извините, голубчик, — Бутырцев не стал дожидаться, когда юноша закончит свою обличительную речь, — и в мыслях не было копаться в ваших мыслях, извините за каламбур, как такой оборот речи французы называют. Просто бывал на вашем месте, понимаю, о чем вы можете мечтать после встречи с офицером, побывавшим в большом деле.

— Точно не читали? Вы ведь Темный, первостатейный, вам раз плюнуть. — Филипп понемногу остывал, но ему было неловко, что его, морского офицера, дозорного, облеченного доверием самого Агния, призванного следить за соблюдением закона Иными… позвольте, это же опять продолжение грез!.. Неужто его мечтания — открытая книга для любого? Положим, Лев Петрович — не любой, а проницательный следователь, но нельзя же так… прикладом по голове — голова может треснуть!

Нырков не удержался, хихикнул. И смутился еще больше.

— Это вы молодцом. Не каждый способен посмеяться над своими мелкими недостатка-

ми, — на полном серьезе сказал Лев Петрович, и это сразу вернуло Ныркову уверенность в себе. Захотелось даже сказать Темному спасибо. — И не благодарите, — продолжил Бутырцев сеанс мыслечтения. — Подумайте-ка, любезнейший, лучше вот о чем. В одном полку вдруг собираются четверо Иных. Четверо! Не в каждом российском городе столько встретишь. Это раз. Второе. Все они — молодые люди. Как только была объявлена война, как только в Крыму наметилась интервенция союзников и нависла угроза над Севастополем, так они дружно возвращаются в полк. Что же вам, голубчики, жизнь не дорога? Жизнь Иного? Живи себе долго, не болей, не старей, добро наживай при помощи своих возможностей. Люби, расти детей или играй по-крупному, плети интриги в столичных салонах. Ан нет! Всех потянуло Родину защищать. Неспроста это, ой, неспроста. Прибудем в Севастополь, обязательно проведем ревизию всех Иных, российских подданных, вплоть до потаенных татарских оборотней и ведьм. И надобно узнать, сколько Иных вместе с союзниками в Крым пришло. Что-то мне подсказывает, что с обеих сторон наберется гораздо больше обычного.

— Так что же тут неясного, Лев Петрович?

Если русские — патриоты, то отчего бы англичанам-французам, да хотя бы и туркам не быть патриотами своей страны? Такие же молодые люди, как мы с Родимцевым, так же мечтают принести пользу Отечеству, добыть славу. Это же благородно!

— А Темные? Мы же всегда сами по себе. — Бутырцев был несколько огорошен, что очень порадовало юношу. — Как быть с Темными?

— Честь, слава, чины, должности, богатство — кто же не мечтает об этом? И Светлые, и Темные. Я знаю, что в английской армии чины и должности продаются. Куда прикажете идти младшим отпрыскам знатных семей, которым наследство не полагается? Только в армию или во флот. А у французских молодых людей пример Наполеона перед глазами. Какого могущества достиг одним своим гением!

— Положим, не только гением, — пробормотал себе под нос Бутырцев. — Если бы не этот эксперимент французских Иных с революцией…

Вслух же произнес:

— Что же, Филипп Алексеевич, в ваших словах резон есть. Придется вам поручить ответственное задание.

Начальник Дозора был серьезен, и его подчи-

ненный подтянулся. Возможно, встал бы даже во фрунт, как человек военный, но вставать с повозки было лень, да и перед Темным выслуживаться… фи! Поэтому он только приподнялся и сел.

— По приезде я вас устрою в морской штаб порученцем. Не думайте, что будете мальчиком на побегушках. Посылать вас будут в те места, где тяжко от неприятельского огня. Многие порученцы бывают ранены, да и гибнут частенько. Когда будете развозить приказы на бастионы и батареи — обязательно беседуйте с Иными, которых там встретите. Важно знать их настроение и помыслы. Важно понять, почему они здесь, на этой войне. Войне людей и империй. То же самое надо выяснить в разговорах с Иными союзников.

— Как же мне с Иными противника встретиться? Кроме как в бою.

— Не обольщайтесь, Филипп Алексеевич, мы в осажденный город не воевать едем. Поэтому будем встречаться с европейскими Иными, будем что-то обсуждать. То есть будут встречи и поездки друг к другу — политик. Придется надевать личины, чтобы бывать в лагере противника, проезжая через позиции. Думаю, мы с начальниками других Дозоров договоримся, как это лучше

делать. Буду брать вас с собой, вы — человек впечатлительный, тонко чувствующий, умеете расположить к себе других молодых Иных. Побольше болтайте о том, о сем, слушайте, что вам говорят. Ваши наблюдения — пища для моих размышлений.

Филипп поскучнел:

— Доносительство недостойно…

— Это не доносительство! — тут же перебил его Бутырцев, очевидно, ожидавший такого возражения. — Это ваше видение и ваши соображения на случай, если я, старый пень, что-то не увижу своими стариковскими глазами. И если будете не согласны в чем-то с моими оценками и выводами, то будьте добры, выкладывайте ваши возражения. Это не просьба, это приказ.

— Как изволите, — вынужден был согласиться Нырков. Но все же не выдержал, фыркнул будто бы сторону, но так, чтобы Темный услышал: — Стариковскими, как же. От таких глаз ничего не укроется. А меня на побегушках…

— Филипп, вам говорили, что вы — заядлый спорщик? Хотите, чтобы за вами всегда оставалось последнее слово?

— Хочу! — честно признался молодой человек, собираясь высказаться о том, что Бутырцев мо-

жет возомнить о себе что угодно, но не таков он, Светлый, чтобы во всем слушаться даже первостепенного Темного, потому что никогда Тьма не будет повелевать…

Тут время сначала замерло, заставив сердце остановиться, пропустить удар, потом медленно-медленно, как загустевший мед, потекло, понемногу разгоняясь, чтобы дернуться, набрать ветра в тугие паруса и, повинуясь выкрику Бутырцева, понестись во весь дух, разрезая форштевнем несущиеся навстречу тяжелые валы событий.

— Стоять, не двигаться! Дневной Дозор! Выйти из Сумрака!!! — рявкнул враз подобравшийся и ставший очевидно опасным Лев Петрович, которого с сей секунды должно называть непременно Ахроном.

«Почему Дневной? Ночной же…» — Нырков еще не успел ничего понять, а его уже потащило в водоворот событий.

III

Ахрон сделал движение рукой, будто рванул на себя невидимую дверь, и из воздуха вывалился тяжелый рослый моряк. Неопрятно одетый, небритый, с наглыми глазами свихнувшегося убийцы. Одуревший от силы, впитанной с кро-

вью, вампир.

— Дозорные, — упырь швырнул это слово в лицо магам, как самое позорное оскорбление. — Светлая тварь и Темный барин. Думаете, на вас управы нет?

И буквально размазался в воздухе, прочертив собою атакующую кривую.

Он был быстр, очень быстр в своем полете к горлу юноши. Нырков никак не успевал даже отпрянуть, забыв о тех заклинаниях, которые у него были по требованию Бутырцева приготовлены на всякий случай.

Ахрон, казалось, вообще ничего не сделал, но упыря рывком снесло в сторону. Мощное тело моряка покатилось по земле, но тут же исчезло. Именно так все увидел Нырков.

— Заклинания к бою, ставь щит — и в Сумрак! — скомандовал Ахрон, бросаясь вслед за вампиром.

«Занятно: маг уже исчез, а слова его только звучат…» — непрошеная мысль лениво ползла в голове юного Светлого, пока он непростительно долго копался в поисках своей тени.

Наконец тень была найдена, поднята, и он протиснулся в скучный пыльный мир.

Вампир не бежал, как следовало того ожидать. Чудовище было сильным, очень сильным,

мощь буквально сочилась из упыря. Сила убила в нем страх, он бросался на Ахрона, исчерчивая пространство пунктирными следами своих движений. Невозможно было разглядеть и того, кто находился в центре этого вихря, — маг крутился столь же быстро, отражая атаки. И это в Сумраке!

Иногда чудовище вдруг замирало на долю секунды. В эти мгновения Нырков имел возможность разглядеть его тупое лицо… Недоумевающую клыкастую морду — вампир не понимал, почему он, царь и бог этого места, не может достать противостоящего ему получеловека-полудемона. Очевидно, сила пожрала в кровососе не только страх, но и ум.

«Почему медлит Бутырцев? — в свой черед не мог понять Нырков. — Наблюдает вампира? Постойте, да это же… это гардемарин Маранин!»

Вдруг вампир рассыпался в воздухе, трухой оседая на глинистую дорогу. Ахрон повернул свое искаженное лицо к Филиппу и велел:

— Выходим.

* * *

Казалось, в красочном мире жизни ничего не произошло за те короткие секунды, прошедшие

с момента, когда время споткнулось на своем пути. Все та же тоскливая крымская дорога, все те же телеги, скрипы, покрикивания возниц, блеющие овцы, команды усталых унтеров, ржание лошадей, висящая в воздухе пыль, вонь от трупов павших животных, гниющих в придорожных канавах. Лишь возница с ближайший фуры непонимающе смотрел на пропавших из поля зрения и вдруг возникших рядом с ним магов. И еще ведь что-то перед ним промелькнуло, и крик какой-то был.

— Что рот раззявил? — спокойно обратился к нему Бутырцев, возвращаясь к своей телеге. — Аль пригрезилось чего? Ворона пролетела? Гляди — в рот-то залетит.

— Так это… кутерьма была… — откликнулся бородатый мужик. — Будто выпрыгнуло что-то…

— Помстилось тебе, бывает с устатку. Который день в пути? — ответил Лев Петрович, вальяжно располагаясь в повозке, заботливо подтыкая подушки под бока. — Филипп, голубчик, трогайте, впереди уж двинулись.

— Не извольте гневаться, барин, может, и привиделась бесовщина — дьявол силен, а Господь сильнее. — Возница задней фуры перекрестился и встряхнул вожжи, понукая тощих лошадок. —

Ну, мертвыя, пошли!

* * *

— Вы даже не будете ему память подменять? — спросил Нырков старшего мага несколько минут спустя. Хотелось спросить о многом, но первым на язык попал этот вопрос.

— Да что там подменять… Что он мог видеть? Вы, Филипп Алексеевич, многое разглядели? Не было ничего — и точка. — Бутырцев думал о чем-то другом.

— Так ведь мы… вы Иного упокоили! Он тоже нас мог… — наконец вырвалось то, что заставляло до сих пот колотиться сердце и дрожать руки. — Вы знаете, кто этот упырь? Это гардемарин Маранин! Достойный юноша, а моряк какой… Был. Море любил, за Отчизну голову готов был сложить. А умер дурацки…

Нырков был не в себе от произошедшего. Как же так? Погиб товарищ, с которым ему доводилось общаться, о многом говорить, строить планы на блестящее и достойное будущее защитников Отчизны…

— Почему он на нас так… Как же вы его? Чем?..

Вопросы были сумбурными, под стать мыслям.

— Война, голубчик. Кровушка рекой льется.

Видать, вурдалак этот не выдержал, обожрался сверх меры, мозги-то ему и отшибло — молодой, дурной, неопытный. Единственное, до чего додумался, — убраться куда подальше из Севастополя, где дозорных и Иных поменьше. Да по дороге на нас наткнулся, тут он окончательно умом помешался, на вас набросился… Надо бы найти того, кто его укусил…

— Спасибо, Лев Петрович, — перебил начальника Светлый. Он должен был сказать эти слова. Как бы ни было ему не по себе от того, что его защитил от Темного Темный. Скажем уж прямо — спас. На то он и Светлый, чтобы уметь признать достоинство даже врага, чтобы не быть скотом бездушным.

— Не стоит благодарности. Ты ведь тоже меня прикроешь при надобности. Но подучиться тебе боевой магии придется обязательно, не то пропадешь не за понюх табаку. Там дел-то было на копейку — дозорную отметку с кровососа сдернуть. Я почему не торопился — пытался понять, можно ли его образумить. Но нет, совсем упырь плох умом был.

Тошно и стыдно стало Филиппу от этих слов: Бутырцев-то даже не сомневается, что он, Светлый, прикроет спину Темному в бою против

общего врага. И что сумеет прикрыть хотя бы от… Неумеха.

«Но Бутырцев силен! Дел на копейку? Просто метку сорвать? Это с груди сбесившегося от силы вампира? Не надо меня за дурачка держать — я же видел ваше напряженное мокрое от пота лицо. И сосредоточенный взгляд палача. Вот вы, оказывается, каков, Лев Петрович! Все добряком да простаком стараетесь выглядеть…»

Глава 4

I

Филипп влюбился в Севастополь сразу, как только с холма на Северной стороне перед ним раскрылся Большой рейд с многочисленными внутренними бухтами, заставленными как мощными парусниками и пароходами, так и баркасами, яликами и прочей плавающей мелочью. Южная и Корабельная сторона терялись в особой севастопольской дымке, к которой к тому же примешивались многочисленные клубы пороховых газов над защитными укреплениями.

Дозорные быстро переправились на Графскую пристань. За шумной разноголосой площадью, забитой войсками, телегами, орудиями, лошадьми, мешками, лавками с товаром, торговками и вообще непонятно чем и кем, мичман разглядел несколько белоснежных зданий. Отсюда начинались две главные улицы города — Екатерининская и Морская.

Город жил. Нет, у него не было ауры, не было зарождающегося самосознания. Несмотря на древность здешних мест, город был новорожден-

ным ребенком. Ему и было-то всего шестьдесят с хвостиком — грудничок. Он никак не мог быть самостоятельным.

Жизнь Севастополю давали люди. Те самые люди, которые деловито и монотонно по ночам восстанавливали разрушенные днем бастионы, рыли ложементы и землянки, чинили крыши или хотя бы углы крыш домов на Центральном холме и в Корабельной слободке. Люди ежедневно делали город. Город был их детищем и защитником, любовью и заботой. Отдать город врагу, оставить «ему» Севастополь было так же безнравственно и немыслимо, как бросить преследующим тебя на лесной дороге волкам своего ребенка, как отдать жену на поругание насильнику. Город был живым существом.

Мало кто из его заступников готов был публично признаваться в любви к Севастополю. Но они ежечасно, ежеминутно доказывали эту любовь, безропотно отдавая за него здоровье, руки-ноги, частенько и жизнь.

Даже враги отдавали городу частицы своей души, исподволь восхищаясь его защитниками, проклиная его неприступность во всеуслышание или тайно, про себя, желая обладать Севастополем.

Эта непрекращающаяся работа людского муравейника создавала характер города: гордый, геройский, непримиримый для врагов и открытый, светлый для друзей. Филипп всем своим нутром Иного почуял главное — город любит своих защитников. Это взаимное чувство. И город плакал и скорбел несуществующей пока душою по павшим своим друзьям и созидателям: от адмирала до распоследнего матроса, от солдата арестантской роты до главнокомандующего. Город любил не только шикарных морских офицеров и фигуристых генеральских адъютантов, не только залихватских усачей-матросов с крестами на шинелях, но и непутевых заблудших девиц из домов терпимости, возводивших «Девичью» батарею, и босоногих матросских детей, бесстрашно собирающих за батареями и бастионами вражеские ядра, и матросок — матерей этих мальчишек, исправно обстирывавших и кормивших скромной домашней снедью своих мужей, воюющих на бастионах, и чумазых беспорточных казаков-пластунов, наводящих ужас на неприятеля, и фурштатских солдат, ежедневно вывозящих на своих фурах груды тел погибших и умерших.

Невозможно не любить, когда так любят тебя. В

отношениях между людьми это часто не так, но в случае с Севастополем это стало незыблемым правилом. Город любил своих защитников и отдавал им себя, как и они жертвовали собой ради Севастополя.

* * *

В Севастополе Лев Петрович развил бурную деятельность. Первым делом он ментально созвал всех дозорных. Познакомился с подчиненными — Иными в большинстве своем невысоких уровней Силы, молодых, посвященных совсем недавно — год-два назад. Другого и ожидать не стоило в этой свежей флотской квартире. В самом Крыму все было по-другому. Земля эта была недавним российским приобретением, но Дозоры на полуострове были давние и даже древние, наподобие дружин ополчения, все больше для защиты поселений от мелкой нечисти. Светлые и Темные зачастую вели свои родословные от общих весьма почитаемых предков, жили бок о бок, ходили друг к другу в гости, женили детей по договоренности между главами семей. Если уж враждовали, то война эта велась веками, кровно, по строгим законам, установленным пращурами.

Татары, караимы, греки, крымчаки — потомки народов, живших в Крыму испокон веков и проходящих через него из Азии в Европу. Скифские курганы соседствовали тут с греческими и пантикапейскими руинами, дороги римских центурий проходили рядом с могилами готов, от христианских пещерных храмов до мусульманских минаретов было рукой подать. Болгары и армяне тоже не смотрелись здесь пришлыми. Лишь названия немецких поселений слегка разбавили татарские топонимы.

Не таков был Севастополь — довольно новая военно-морская крепость России. Даже сам город был поставлен не на месте древнего греческо-византийского города Херсонес, а поодаль от него, на берегах большой бухты, на пару верст вглубь от устья. Но тут тоже встречались древние могилы, пещеры, развалины древних сооружений.

Городские здания вобрали в себя строительный материал из Херсонеса, но почти не осталось людей, живших здесь всегда. Город был населен исключительно моряками и членами их семей. Конечно, за шестьдесят пять лет выросло и чиновничье племя, и рабочие слободки, и купеческое сословие, и прочий люд появился. Но либо их флотские деды-отцы прибыли в Севастополь

со всех краев Российской империи, либо они сами не так давно перебрались сюда с ближних и дальних губерний. Сам флот все равно давал больше связей с Санкт-Петербургом, чем с каким-либо другим уголком России. Так, поселок Новая Голландия, расположенный между Северной стороною города и древним Инкерманом, был назван так матросами, прибывшими с Балтики, наподобие столичной Голландии — в обеих были склады леса для флота. Флотские офицеры, выпускники Морского корпуса, не понаслышке были знакомы с градом Петра. Среди нижних чинов нынешнего флота тоже почти не было коренных крымчан, в лучшем случае внуки матросов флота Ушакова времен Екатерины да сыновья моряков адмирала Лазарева, который создал в Севастополе практически все.

В объединенном Дозоре Севастополя народ тоже был не из коренных, в лучшем случае из третьего поколения севастопольцев: русаки, малороссы и один поляк. Город и ближние хутора они знали хорошо, но даже в Балаклаве половина из них была от силы раз-другой. С крымскими Иными из татарских поселений не общались. Было несколько случаев совместной облавы на зарвавшихся оборотней, и все.

Бутырцев быстро уяснил расклад. Но не это его сейчас заботило — надо было срочно устраиваться в городе и устанавливать контакт с Дозорами союзников и Инквизицией. Он вполуха выслушал исполнявшего до него должность начальника Дозора — интенданта Ивана Дмитриевича Суровкина, Светлого четвертого уровня. Из доклада он усвоил три вещи: происшествий с Иными, заслуживающих суда Инквизиции, не случалось; Иных с русской стороны в городе много; Суровкин чертовски рад спихнуть с себя ответственность, пусть столичный Темный себе клыки в Севастополе обломает. Явственно читалось, что Иван Дмитриевич мыслил себе карьерный рост и по дозорной части. Сидел себе Иной на хлебных должностях, что у людей, что у Иных, в ус не дул, на мир смотрел положительно, тут нате вам — война. Забот полон рот. Слава Сумраку, прислали ему начальника.

На такого товарища главы Дозора особо не понадеешься.

II

Бутырцев начал с обустройства, резонно решив, что раз все спокойно, то надо позаботиться о жилье, пропитании и прочих радостях жиз-

ни. Бывая в разных казенных учреждениях и штабах, он везде внушал самое лестное о себе мнение — радушен, щедр, со связями в столице. Душка — одним словом. Он умело находил или придумывал общих знакомых с севастопольскими чиновниками, флотскими и армейскими штабными. Побывал у Нахимова и пристроил Ныркова ординарцем к морскому штабу. Нашел себе комнату в приличном доме на Морской. Даже представился главнокомандующему князю Меншикову в качестве чиновника Морского ведомства, командированного в Адмиралтейство. Генерал-адмирал, будучи главою означенного ведомства, даже «припомнил» Бутырцева и начал было расспрашивать о делах, но маг чуть усилил усталость престарелого князя, и светлейший отпустил «старого знакомца» с наказом запросто заглядывать к нему на Северную.

Насчет Ныркова у начальника были свои резоны.

Седьмого октября, в день приезда петербургских дозорных в город, Филиппу посчастливилось предстать перед Павлом Степановичем Нахимовым. После гибели на Малаховом кургане своего друга и единомышленника адмирала Владимира Алексеевича Корнилова вице-адмирал занимал

скромную должность начальника южных оборонительных сооружений Севастополя. Но все от распоследнего трюмного матроса до главнокомандующего всеми русскими силами в Крыму князя Меншикова твердо знали, кто на самом деле командует непосредственной обороной города.

Бывают безлошадные кавалеристы. Конник становится таковым, когда под ним убивают лошадь или она падет от усталости, болезней, бескормицы. Недавний герой Синопа, которого проклинали (сжег город и устроил резню) и над которым язвительно издевались лондонские и отчасти парижские газеты (приказал поставить свои корабли в Синопской бухте на якорь — чтобы со страху не разбежались под турецким огнем), оказался бесфлотным адмиралом. Цвет, гордость и краса Черноморского флота — парусные корабли — гнили на дне, откармливая червей-древоточцев, перегораживая неприятелю вход в Севастопольскую бухту. Небольшая часть флота — пароходы и самые крепкие парусники — стояла в глубине бухты, демонстрируя свои пушки неприятельскому флоту и поддерживая армию огнем по полкам экспедиционного корпуса союзников.

Даже эти остатки некогда грозной силы потихоньку теряли свою мощь, отдавая береговым укреплениям и бастионам свои грозные дальнобойные орудия и самое главное — моряков. Морскому офицеру Ныркову пришло в голову сравнение, что корабли исправно несут службу, истекая кровью.

То ли Нахимов угадал морскую душу в представленном им мичмане, то ли Бутырцев слегка надавил на сознание флотоводца, но Павел Степанович проявил сердечное участие в судьбе юноши.

— Так вы, господин мичман, сами решили вернуться из отпуска и проситься к нам, на Черноморский флот? Похвально. Но как же мне вас устроить, вы же на Балтике должны служить? — задумался над коллизией вице-адмирал.

Бутырцев счел нужным подтолкнуть Нахимова в его размышлениях в нужную дозорному сторону и навел на адмирала легчайший морок.

— Позвольте, не вашего ли батюшку Алексея Николаевича я знавал по службе на «Азове»? Помнится, что мы с ним добрый месяц соседствовали в каюте, пока его на другой корабль не перевели служить.

— Он самый, ваше превосходительство, — от-

чеканил мичман, ощутив легкий ментальный толчок со стороны Бутырцева.

— Как же, как же… Отличный был артиллерист. В вашей аттестации записано, что вы тоже проявляете способности в ведении артиллерийского огня. Очень рад, что вы не посрамили своего отца.

— Яблочко от яблони… — Бутырцев постарался еще чуть-чуть надавить на Павла Степановича.

— Что ж, буду ходатайствовать о зачислении такого молодца к нам на флот. Но, извольте видеть, корабельных вакансий сейчас нет, а на батареи вам, по моему разумению, рановато будет. Не хотите ли, Филипп Алексеевич, послужить на посту ответственном, требующем проворства и смекалки? — и добавил, не дожидаясь ответа: — Хорошо ли вы ездите верхом?

— Отменно, могу поручиться, видел его на скачках, — ввернул Бутырцев, не дожидаясь, пока ошарашенный Нырков что-то скажет супротив очевидных намерений адмирала.

— Так это же здорово! — искренне обрадовался Нахимов. — Редкое умение для моряка. Я сам с трудом приноровился каждый день верхом бастионы объезжать. И половина из ординарцев таковы. На палубе, на мачтах в любой шторм

удержатся, а с лошадью совладать не могут. Решено, рекомендую вас ординарцем при штабе. Сейчас я выпишу бумагу на этот счет.

Так с легкой руки Павла Степановича стал мичман Нырков сухопутным развозчиком приказаний. Сначала он стеснялся такой нелестной для моряка должности. Но вся эта шелуха мнительности слетела с него при первой же доставке приказа на севастопольские укрепления. Это был четвертый бастион, тот, что стоял через Южную бухту на горке к югу от центрального городского холма. Чтобы попасть туда, надо было спешиться у подножия горки, долго идти извилистыми траншеями, на самом бастионе под руководством сопровождающего матроса пробираться к позициям тоже по ходам в земле, не поднимая головы, чтобы не получить пулю от меткого французского штуцерника, и кланяясь до земли при каждом выкрике наблюдателя «Бомба!». Оказалось, что вестовые частенько бывают под огнем, что их ранят чуть ли не ежедневно, что немало доблестных офицеров уже погибло. Что их награждают и делают представление к чину наравне с прочими боевыми офицерами. Никто не считает, что их близость к начальству дает им преимущество. Наоборот, благ никто не ищет, но многие счита-

ют за честь выполнить любую просьбу самого Павла Степановича. Это сразу утешило самомнение Филиппа. А уж когда он был ранен в руку и продолжил выполнение своего задания… Можно было даже чуть-чуть погордиться собою. Можно было бы, если бы это не было обыденным делом в Севастополе. Но чуточку уважения со стороны сослуживцев это ему добавило.

Так и пошла служба мичмана Ныркова в Севастополе: при штабе непосредственно у Нахимова и одновременно в Дозоре у Бутырцева. С приказаниями лично адмирала и морского штаба он успел побывать у защитников на всех бастионах и батареях обороны Севастополя, а с Бутырцевым увидеть другую, осаждающую армию.

III

Северная сторона города была свободна от неприятеля, укрепления ее выдержали первый ненастойчивый натиск союзных войск и бомбардировку. Дорога с Северной стороны на Бахчисарай и далее на Симферополь была свободна. По ней доставлялись припасы и шли пополнения. По ней же прибыли в город Бутырцев с Нырковым.

Русская армия располагалась на высотах вдоль

бухты, занимая район Мекензиева хутора и далее вдоль реки Черной селения Инкерман и Чонгар.

Напротив через длинную, в семь верст, Севастопольскую бухту расположились Южная и Корабельные стороны, разделенные между собой Южной бухтой — перпендикулярным к главной бухте отростком, ведущим на юг. Южная сторона — основная часть города, с новыми домами, гостиницами, ресторанами, Дворянским собранием и морской библиотекой, с бульваром для чистой публики, где по вечерам играли по очереди полковые оркестры. Флотские офицеры и городские чиновники предпочитали селиться здесь.

Корабельная сторона была районом флотских экипажей, учебных рот, складов и ластовых команд, составленных из нижних чинов, не способных нести службу в экипажах и употреблявшихся для различного рода береговых надобностей. Тут находились Лазаревские и Павловские казармы. Здесь располагалось Адмиралтейство, заложенное одновременно с городом и крепостью еще во времена Екатерины. Шаркан выхлопотал бумаги для Бутырцева, по которым он откомандирован именно на доки и верфи — якобы надзирать и вести учет. В Российской империи это было чертовски прибыльно: надзирать и учитывать

— самая большая мечта чиновника николаевского времени. Да что там николаевского — всех времен и народов!

На Корабельной селились также отставные небогатые офицеры. Строили халупки и небольшие домишки работники Адмиралтейства и семейные нижние чины. Матрос в отличие от солдата — человек основательный, привычный жить в доме. Его дом — корабль, приписанный к порту, куда он возвращается из плаваний. Но возвращаться надо к кому-то. Грех в таком разе не обзавестись семьей. Раз есть семья, то нужно и жилище на берегу.

Южная и Корабельные стороны были окружены быстро достроенными или только что возведенными укреплениями — бастионами и батареями. Над Корабельной возвышались две небольшие горы: на одной Корнилов с Тотлебеном оборудовали бастион, по счету третий, который англичане уже успели прозвать Большим Реданом, Злым Реданом, и Малахов курган с наиболее мощными укреплениями — сердцем всей обороны Корабельной стороны. Когда-то отставной капитан Михаил Михайлович Малахов приобрел у подножия этого холма участок земли, где открыл рынок. Туда татары привозили про-

дукцию своих хозяйств, рыбаки там продавали рыбу, матроски торговали домашней снедью. Сам Малахов, пропустив несколько стаканчиков местного вина, любил отдыхать под тенью деревьев, растущих на склоне холма. Злые языки поговаривали, что отставной капитан — пьяница, но это был явный навет — Малахова уважали на Корабельной.

Теперь курган, к которому прилепилось имя хозяйственного моряка, стал неприступной крепостью в цепи бастионов и батарей, воздвигнутых талантом подполковника-инженера Тотлебена и круглосуточным трудом тысяч матросов, солдат и жителей города в сентябре нынешнего, тысяча восемьсот пятьдесят четвертого. В тот месяц союзники стягивали петлю вокруг города, полагая одним махом взять не укрепленную с суши базу наполовину потопленного самими русскими Черноморского флота. Каково же было их удивление, когда, предприняв пятого октября невиданную в истории бомбардировку города с моря и с суши, они не то что не смогли разрушить и взять эти наспех возведенные бастионы, но и не продвинулись ни на сажень в глубь обороны русских. Орудия с погибших, но не сдавшихся парусных кораблей, многие из которых громили

турок при Синопе, встретили их ответным огнем. Флот почти умер, но отдал свои мускулы, свою главную силу — артиллерию — своей базе, городу. Беззубая, как думали союзники, крепость в ответ на натиск извергла огонь. К такому неприятель не был готов.

Именно там, на Малаховом, был смертельно ранен ядром в верхнюю часть ноги начальник штаба флота вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов, вложивший душу в организацию обороны города. Моряки и армейцы накрепко запомнили строки из его приказа: «Помните же, не верь отступлению. Пусть музыканты забудут играть ретираду; тот изменник, кто протрубит ретираду! И если я сам прикажу отступать — коли в меня!» Его последние слова «Отстаивайте Севастополь…» стали духовным завещанием, девизом, который знал каждый.

* * *

Объединенные Дозоры тщательно проверили обстоятельства гибели русского адмирала, фактически командовавшего Черноморским флотом на протяжении последних лет. Равно как и смерть главнокомандующего французов маршала Франции Армана Жака Ашиль Леруа де

Сен-Арно, сильно занемогшего под Севастополем и умершего двадцать девятого сентября на пути в Константинополь якобы от холеры. В течение одной недели ушли из жизни две знаковые фигуры: русский адмирал, который десятью годами ранее наблюдал в Англии за строительством пароходов и скрупулезно изучал состояние дел на английском военном флоте, и бывший военный министр тогдашнего принца-президента, который подготовил военный переворот и привел Бонапарта к императорскому титулу. У нового государя, Наполеона III, он стал обер-шталмейстером. Французский Дозор косился на англичан, русские Иные грешили на тех и других, что думали турецкие дозорные — непонятно. Инквизиция по обыкновению выслушала всех и вынесла вердикт: никакой магии не было применено, все произошедшее — дело рук человеческих и игра слепого случая.

Суровкин, товарищ Бутырцева как начальника севастопольского русского Дозора, рассказал, что самолично был на месте гибели Владимира Алексеевича с двумя дозорными от англичан и французов, опросил свидетелей, прослушал фон, искал следы магического воздействия, побывал в госпитале, где скончался адмирал, в соборе, где

в склепе тело Корнилова покоится рядом с телом его учителя адмирала Лазарева, — все чисто. Но буквально вчера он услышал из уст одного флотского офицера любопытную историю. Будто бы была у корниловского адъютанта лейтенанта Железнова чеченская шашка дамасской стали, которую тот на Кавказе за бесценок купил. Погиб Железнов пятого ноября пятьдесят третьего года, когда пароходофрегат Корнилова «Владимир» бился с вооруженным турецким пароходом «Первваз-Бахри». Никогда до этого паровые корабли не вступали в схватку друг с другом, это был первый в истории бой. Русские моряки во главе с капитан-лейтенантом Бутаковым одолели турок, пленили их корабль и на буксире привели в Севастополь. Потом его отремонтировали, и под названием «Корнилов» он вошел в состав Черноморского флота.

— Так вот, о шашке-с. Этот офицер слышал от самого Железнова рассказ о ее покупке. Лейтенант утверждал, что оружие продавали задешево потому, что старинная шашка будто бы наговорная, владельцы ее долго не живут, если берут ее в бой. Но клинок был стали отменной, любой другой перерубал, офицер и соблазнился покупкой. В том бою с «Первазом» Железнов прикинул,

что придется сцепиться с турками борт о борт, шашка-то и понадобится. Нацепил, а тут турок картечью пальнул. Лейтенанту в голову попало — отжился. Корнилов потом эту шашку в память о Железнове себе взял, не жаловал он суеверия. Но никогда ее не надевал. Пятого-то октября, когда штурм был, он на Малахов с этой шашкой приехал. Ядро, прежде чем ногу Владимиру Алексеевичу раздробило да в живот ранило, эту шашку пополам раскололо.

— Любопытная история. Впрочем, таких историй на флоте, да и в армии у всех воевавших пруд пруди. Но проверить надобно: вдруг вещь магическая, амулет какой или того больше. Нашли обломки?

— В том-то и дело, в том-то и дело! — засуетился Суровкин перед начальником, восторженно восклицая и нелепо потирая ладони. — Искал-с! Спрашивал, не видал ли кто? Свидетелей опросил. Тем, кто к адмиралу подбежал да потом его в госпиталь отвозил, в память заглянул — не видели шашку. Те, кто с ним на Малахов прибыл, говорят — была-с. Я более ничего не смог обнаружить, куда уж мне с невеликими силами моими. Вы уж, Лев Петрович, не побрезгуйте-с, сами проверьте. Вы же силы большой волшебник.

— Что же вы мне сразу об этом не сказали? Обязательно займусь. — Бутырцев был откровенно недоволен своим Светлым заместителем, готовым свалить на Темного простейшее дело. Да и о такой важной детали сказать вскользь? Уму непостижимо.

— Так я подумал, что брешут, по обыкновению, побасенки разные тут ходят. Сегодня только проверить решил, — неискренне повинился Иван Дмитриевич.

— Впредь мне все слухи, до вас дошедшие, докладывайте тут же, — распорядился начальник. Не любил он командовать, не любил работать хотя бы и в паре. Привык самолично до истины докапываться. Но вот приходится. — На сегодня свободны. Если вы мне понадобитесь, то я вас ментальным образом вызову.

— Всенепременнейше, Лев Петрович, всенепременнейше. — Суровкин согнулся в поклоне и исчез за дверью.

«Мелкий человек, крыса чиновничья. И как только он Светлым стал? Пути Сумрака непостижимы…» — подумал Бутырцев. И решил самолично сейчас же съездить на Малахов, несмотря на вечернее время.

Глава 5

I

Лев Петрович приехал на Малахов к ночи. Октябрьский день короток. Но, несмотря на темноту, в траншеях и на батареях кипела работа. Матросы и солдаты рабочих рот восстанавливали порушенное неприятелем за день. Добавляли грунт в разбросанные бомбами земляные насыпи над пороховыми погребами, укрепляли мешками с землей амбразуры, углубляли траншеи, складывали в кучи ядра, привезенные свои и «подарки» от неприятеля. Отовсюду слышались удары кирок, позвякивание лопат, шорох ссыпаемой земли. Фурштатские солдаты негромко покрикивали на запряженных в тяжелые фуры лошадей. Поодаль угадывался строй — это охотники готовились к вылазке, слушали указания офицера. Бутырцев чутьем старого инженера, видевшего за свою жизнь немало фортификационных сооружений, угадывал орудийные позиции, места для наблюдения, банкеты, расположение погребов и землянок. Его душа военного человека, давно не бывавшего в сражениях, пела, наслаждаясь зву-

ками слаженной работы этой массы служивых людей. Нет, так просто Севастополь не взять!

— Братцы, раз-два, взяли! — донеслось из дальнего угла. Бутырцев заострил зрение — с десяток матросов ухватили огромное бревно и понесли куда-то в глубь укрепления.

— Бонба! — вдруг раздался крик наблюдателя. И тут же последовало: — Не наша!

Снаряд прочертил в небе дугу из рассыпающихся искр и разорвался где-то на склоне кургана. Яркий след еще долго стоял в глазах мага. Бутырцев пригляделся к виду, запечатленному в памяти: дуга как бы подрагивала, линия полета была в мелких завитушках — бомба крутилась в полете, тлеющий фитиль то оказывался на виду, то скрывался от наблюдателя за снарядом.

Что-то отозвалось в памяти при виде впечатляющего полета рукотворной кометы. Кололо, будто пустячная заноза в ладони — вроде и не чувствуешь ее, но стоит за что-то рукой ухватиться, сразу — извольте получить, вот она, никуда не делась. Понять бы еще, что именно так просится объяснить себя. Лев Петрович постановил обязательно разобраться на свежую голову с «занозой».

На позициях при виде бомбы никто и не подумал остановить работу, пригнуться, забиться в

какую-нибудь щель. «Вот ведь человек существо какое, к любой опасности привыкает», — подумалось дозорному.

Часовой показал ему, как пройти к землянке, где могут быть офицеры, видевшие, как погиб Корнилов, бывшие в трагический момент неподалеку от адмирала. Пароль не спрашивал, «признав» в Бутырцеве «знакомого» офицера.

Землянка оказалась блиндажом, устроенным в горже бастиона. С крепким накатом, присыпанным глинистым светлым грунтом, сочившимся сквозь щели при особо выдающихся взрывах. В жилище было тесно и душно. На лежаках, укрывшись флотскими шинелями, спали трое, еще два моряка пили чай. Бутырцев представился членом комиссии по расследованию гибели Корнилова. Понимал, что чиновников офицеры недолюбливают, но каждый раз изображать из себя своего брата-моряка было неправильно: вдруг кто припомнит, что прошлый раз этот господин был тем-то, а сейчас выдает себя за другого. Так и за шпиона могут принять. К тому же флотские офицеры, выпускники одного Морского корпуса, знали друг друга гораздо лучше, чем армейцы.

Все же Лев Петрович слегка подтолкнул собеседников к признанию его человеком достойным.

Да и пара бутылочек вина, захваченных, «чтобы не простыть» — октябрьские ночи и в Крыму бывают холодными, — расположила офицеров к нему.

Разговор получился хороший, откровенный. Выразив свое глубокое огорчение гибелью достойнейшего Владимира Алексеевича, Бутырцев тонко отозвался об уме и мужестве погибшего. Заодно восхитился героизмом присутствующих, ежедневно подвергающихся смертельной опасности.

Ему не пришлось кривить душой, слова его были искренними, и моряки почувствовали это.

Зашел разговор и о стойкости русского воина.

— Изумляюсь я бесстрашию своих батарейных матросов, — проснувшийся лейтенант подключился к беседе. — Когда бомбардировка была и бомбы сыпались на батарею, как в октябре перезревшие антоновские яблоки с дерева, они, вместо того чтобы разбегаться от снаряда, пока он не взорвался, тушили бомбу или в безопасное место отталкивали. Кто ведром воды окатит, кто в яму быстро спихнет — пусть там взрывается.

— Федор, это у тебя матрос бомбу в котел с кашей кинул? — хохотнул другой лейтенант, крупный полный блондин с добродушным лицом.

— Нет, у меня такого не случалось, а байку эту слыхал, вроде на третьем бастионе дело было, но врать не буду.

— Мне в городе сказывали, будто у нас, на Малаховом, все так и сладилось. Точно говорю…

Мнения разделились. Как всегда: кто-то что-то видел и божился, что прямо здесь все и было, кто-то слышал от других. Поди узнай тут правду про заговоренную шашку.

К немалому удивлению Бутырцева, когда он прямо спросил, видел ли кто злополучную шашку на адмирале, двое из присутствующих сразу ответили: да, в тот день Корнилов был вооружен знаменитым клинком. Оба видели, как ядро разломило шашку и разбило ногу Владимира Алексеевича. Многие тогда бросились к раненому, подняли, уложили на шинель, завет его слышали. Федор был среди тех, кто сопровождал адмирала, истекающего кровью, на Корабельную, припомнил, что тот просил позвать жену и священника.

— Что же обломки шашки? — полюбопытствовал Бутырцев.

— Их матрос Зинченко подобрал, он у меня в кузне работает, — охотно ответил добряк-блондин. — Шашку уж никак нельзя было починить,

но сталь добрая, знатная сталь, дамасская. Так Зинченко кинжал из нее сделал и еще нож наподобие охотничьего. Нож я у него купил, сейчас покажу. Кинжал матрос продал есаулу казачьему, что пластунами командует. Пластуны, скажу я вам, не просто отчаянные молодцы, они там все колдуны немного, заговоры знают, им такой кинжал не повредит.

Лейтенант поднялся из-за стола, отошел в темный угол землянки, открыл походный сундучок и достал из него нож.

Правду говорили про шашку — сталь в клинке была великолепная, чудесная сталь. Она переливалась серым муаром в тусклом свете фонаря, завораживала, манила. Красовалась и в то же время была опасно острой. Жила в этой стали неуемная жажда. Жажда боя, крови.

Но в ней не было магии, на ней не было следов заговора. Даже самым пристальным взглядом Бутырцев смог увидеть всего лишь кровавые следы смерти последнего владельца. Не было ни малейшей капли ужаса в этих следах — вице-адмирал Корнилов принял ранение и возможную смерть как дело на войне обыденное и волновался лишь об одном: как справятся без него с делом обороны Севастополя, не спасуют ли, сумеют ли, сдюжат?

Возможно, маг, умеющий детально читать ауру вещей, или опытный Высший смог бы обнаружить на этом клинке следы его многочисленных владельцев и жертв, даже добраться до настроения мастера, изготовившего оружие, но это не относилось к делу, порученному Бутырцеву.

Как ни хотелось ему еще посидеть с офицерами, послушать их рассуждения о ходе кампании, о судьбе города, но пора было возвращаться в дом на Морской.

II

Бутырцев ехал по ночному городу в обход Южной бухты и пытался припомнить, что его так задело, когда он увидел искристую дугу от вражеской бомбы. Между тем еще один подобный снаряд промчался по небу с неприятельских позиций и упал на четвертый бастион, что был на вершине горы, возвышающейся над болотистым хвостом бухты.

Припомнился ему другой бой, где похожий снаряд летел в застывшего от ужаса человека. Человека? Иного! Точно — Синопское сражение, в котором кондуктор Пекус закрылся от бомбы магическим щитом. То самое деяние, которое послужило предлогом создания объединенных

Дозоров, позволило европейцам быть теперь в Севастополе и тщательно наблюдать за тем, что здесь происходит. Не за Иными, а за городом, за происходящим, за магическим фоном. Плевать им на всех этих слабых магов-неучей, Светлых и Темных, патриотов и жаждущих славы, наград и почестей, на мелких кровососов, пользующихся моментом, чтобы безнаказанно утолить свой голод, на оборотней, имеющих возможность разорвать кому-то горло и прикрыть это военными действиями. Что можно расслышать и увидеть в магическом фоне, в котором ежеминутные смерти, ужас, горе, гнев и гордость сливаются в непрерывный гул? Только то, что это все перекроет, только сильный сигнал.

В Бутырцеве крепла уверенность, что кому-то очень нужен сам Севастополь.

Господа из Дозоров: англичане, французы, да и турки, господа из Инквизиции, что вам здесь надобно? Кто-то из вас точно знает. И он, Бутырцев, этого знатока или знатоков найдет.

* * *

В комнатке, снимаемой Бутырцевым, сидел и пил чай из оловянной кружки мичман Ныркoв. Его усталый вид и пропыленная форма говори-

ли о том, что он за этот день многое повидал. Непривычная молчаливость и отрешенное выражение лица юного мага свидетельствовали о пережитом.

— Лев Петрович, я возвращался с пятого бастиона, решил к вам заехать, а тут у хозяйки еще самовар не остыл, чаевничаю вот без вас. Не желаете ли чайку приказать? — Филипп выговаривал слова механически, мыслями он был в увиденном.

— Молодцом, что заехали. От чаю не откажусь.

Молодой человек ушел распорядиться. Бутырцев присел на кровать — ноги гудели. С наслаждением стянул сапоги, вытянулся. Легким заклинанием снял накопившуюся усталость — сейчас надо быть в форме.

Так же он взбодрил и вернувшегося с чаем и кренделем Филиппа. Младший маг почувствовал ободряющее дуновение и вопросительно вскинул голову:

— Чаевничайте, Лев Петрович. Спасибо за поддержку, но я и сам могу…

— Спасибо, голубчик, за чай. Надо бы нам испросить у командования денщиков для хозяйственных надобностей. Негоже самим за чаями бегать.

«Будто бы он бегал», — подумал Филипп.

— Поддержка моя — служебная необходимость, сейчас мы с вами на свежую голову загадку будем разгадывать. — Бутырцев с наслаждением не хуже вампирского вонзил зубы в крендель, откусил и сделал добрый глоток горячего, но не обжигающего душистого чая. — Знатный чай. Настоящий персидский.

— Хозяйка расщедрилась, — почему-то зарделся Ныркoв.

— Отчего же молодой вдове не угостить такого видного молодца, как вы, — не удержался, поддел юношу Темный.

— Лев Петрович!

— Ну, полно, полно. Не обижайтесь на неуклюжие стариковские шутки, — заслонился ладонями Бутырцев, как бы отгоняя от себя наветы и напраслину.

— Я, господин Темный, понимаю вашу склонность задевать мое самолюбие, но отчего вы себя в старики записали, хоть убей, не возьму в толк, — желчно, как ему показалось, съязвил Светлый.

— Эх, молодой человек, поживите с мое, — скорбно молвил (и не подберешь другого слова) старший маг. И так это у него получилось картин-

но, так театрально, такую многозначительную паузу он выдержал, комически поводя глазами, что не стало у Ныркова сил обижаться на начальника. Оба, не выдержав, расхохотались. У обоих с души упал груз забот, накопившихся за день.

— Посмеялись, и будет. — Лев Петрович посерьезнел. — Хочу вам, Филипп, сцену одну показать. Когда Инквизиция память неудачливого Иоахима Пекуса просматривала, сделали копию, которую потом раздали заинтересованным сторонам. Я ее от Шаркана получил. Сколько раз я ее просматривал — все мне было в ней очевидно. Сегодня же кое в чем засомневался. Посмотрите-ка сами свежим взглядом.

Темный маг перебросил ментальный слепок Светлому. Нырков, прикрыв глаза, внимательно прокрутил перед мысленным взором памятный эпизод из жизни кондуктора.

— Понятно же все… Испугался кондуктор, загородился.

— Не торопитесь, еще разочек посмотрите.

Нырков добросовестно вгляделся в события годичной давности еще раз. Позвольте, почему это бомба такая…

— Скажите-ка, любезный Филипп Алексеевич, — вклинился в его размышления Бутыр-

цев, — может ли бомбический снаряд, выпущенный из морского или какого-либо другого орудия, иметь в своем полете цвета иные, кроме темных? Особенно на фоне клубов порохового дыма, на фоне неба?

— Никак нет, Лев Петрович. Либо черная точка в небе виднеется, либо серая, это уж как зрение настроится.

— То есть вы, мичман, будучи артиллеристом, настаиваете, что ярких оттенков бомба иметь не может? А именно: красных, розовых, оранжевых, карминовых и других цветов пламени и огня? Хотя бы и вишневого?

— Помилуйте, с чего бы это?

— Поясните, почему вы так считаете? Впрочем, вижу, что вы мне скажете то, что я уже понял сам. Уповаю, что вы согласны со мной в том, что цвета такие может принимать только каленное в специальной печи ядро, которые применяются на флоте для зажигания кораблей вражеских, но никоим образом не бомбический снаряд, природа которого не позволяет ему чрезмерно нагреваться, дабы взрыв не произошел преждевременно. — Бутырцев, волнуясь, по обыкновению строил свою речь несколько архаически, наподобие того, как говаривали в его

молодости. Нырков, чувствуя важность беседы, уже настраиваясь на собеседника, неосознанно попугайничал.

— Именно так, Лев Петрович! Именно так!

— Отрадно, что мы пришли к сердечному между нами согласию. Но противоречие между нашими рассуждениями и фактами в том, что подследственный кондуктор Иоахим Пекус запечатлел в памяти своей закрашенную хорошей иллюзией почти до черноты, но все же раскаленную, темно-вишневого цвета бомбу. О чем это может нам говорить? О том, что это не бомба, а ряженное под бомбу каленое ядро удобной траектории. Тут же становится понятно отсутствие соразмерных эволюций в полете бомбы, которых не бывает у ядра, фитиля запального не имеющего. Ах, Филипп Алексеевич, если бы я был не магом, а каким-нибудь сумасбродным чудаком, я бы обязательно изобрел бы некую машину, способную запечатлеть полет снаряда, а впоследствии и неоднократно показать непрерывный ряд картинок этого полета. И тогда докучливый следователь мог бы со спокойной душою, не торопясь, за чаем просмотреть такой полет, отметить все несуразности, даже исправить их и всенепременно докопаться до искомой сути.

— Как здорово вы придумали, Лев Петрович, как интересно! И что, будет ли такая машина создана? И как скоро?

— Я мало сведущ в такого рода технике. И я не провидец. Но я имею надежду не только на магию, но и на ум человеческий.

— Но пока я вижу, что вы силой магии не один раз просмотрели картинку из головы известной особы. Неоднократно, что не каждый сделать догадается. Далее нашли, как вы выразились, несуразности, поняли их и вывод свой сделали. Он совсем не был очевидным, потому что не разглядели подмену ни комиссии Дозоров, ни триумвират Инквизиторов. Вы гений!

— Ну, что вы, право, какой гений… — засмущался довольный Бутырцев. — К тому же только морской артиллерист, как вы, да и я, старый вояка, побывавший на море, мог понять этакую несуразность. В том-то и дело, друг мой, что не нужна им была истина, не хотели они ничего другого видеть, кроме понятного, кроме того, что их устраивало. И того более — им нужного.

III

— Шаркан, это тонко наведенная иллюзия. В действительности в Пекуса летело каленое ядро.

Он мог легко его отбить. Даже если бы он просто пропустил его, то ядро всего лишь проломило бы палубу, возможно, устроило бы небольшой пожар, но не убило бы ни самого кондуктора, ни Нахимова с его офицерами. Моряки умеют бороться с такими ядрами — пороховой погреб накрывают кучей мокрых парусов, ядра водой заливают. А для Пекуса на такое ядро иллюзию навели. Но даже при виде летящей в него бомбы опытный моряк, к тому же Иной, не запаниковал бы так, что чуть ли не всю свою Силу в щит вложил. Там и заклинания запугивания было, какое, я не сумел установить. Специально полдня сегодня потратил, разыскивая моряка. Нашел в госпитале. Везунчик этот Пекус — намедни на бастионе получил пулю в плечо, сквозное ранение. Спокойно в тот день было, матрос-баталер ему что-то тихо сказал, Иоахим начал нагибаться к моряку, чтобы переспросить, тут его пуля и достала. Если бы не наклонился, то прямиком в сердце шла. И не смог бы я порыться в его памяти, понять, что пугнули тогда морячка. Кто-то явно концы в воду хотел спрятать вчистую, — Бутырцев спокойно и размеренно рассказывал Высшему о вскрывшихся обстоятельствах. Говорил в раковину, выданную ему для связи с

московским начальством.

В ракушке в ответ запищало, и Лев Петрович поспешил приложить ее к уху.

— …никто не понял, что это не бомба, а ядро? Как тебе, Ахрон, эта мысль в голову пришла? — поинтересовался Высший в Москве.

— Я — старый вояка, а тут в Севастополе наяву полет бомбы увидел. Нырков тоже морской офицер, хоть и не воевал пока, но гардемарином на корабле плавал, летящие ядра и бомбы видел. Он с моей догадкой согласился, — добавил в глазах Шаркана весу своему подчиненному Лев Петрович и поспешно переложил ракушку к уху.

— Хорошо. Ты его гоняй, не береги, пусть Агнию расскажет, что вы там крутитесь, не жалея себя. — Шаркан хохотнул. — Что думаешь дальше делать?

— Я так понимаю, что ты не хочешь ставить в известность другие Дозоры и Инквизицию об этом фокусе с ядром? — И опять раковина переместилась к уху.

— Ахрон, не прикидывайся дурачком. — Шаркан стал раздражен и резок. — Ты уже понял, что идет большая игра. Кому-то надо было попасть в Севастополь, не таясь и немалыми силами. Зачем? Следить за соблюдением Договора? Людей

от вмешательства Иных защищать? Сказки! Думай, Ахрон, разберись, расследуй! Что-то ищут? Готовят новую, еще большую провокацию? Ты обязан понять, я верю в твои способности следователя. Да, у меня есть пара подсказок для тебя, но даже я не уверен, что они не уведут нас на ложный след — против меня тоже играют. Что ты на сегодня задумал? Я чувствую, что ты готовишь какую-то каверзу.

— Договорился о встрече с главами английского и турецкого Дозоров и со старым приятелям Сен-Тресси, начальником французского Дозора. Немного подергаю тигра за усы — буду делать вид, что знаю больше, чем они думают, что ближе к цели, чем они. Пусть занервничают, ходы какие-нибудь сделают, авось что-то прояснится.

— Авось да небось — эх ты, русская натура. Гляди, чтобы их ходы не оказались губительными для тебя. Ты — пешка, если игра настолько крупна, как мне видится. — Шаркан не стал скрывать серьезность положения от своего следователя.

— Я буду осторожен по необходимости, — заверил Высшего Бутырцев. — Инквизиции я вчера представился.

— Что же Серые?

— Выразили полнейшую уверенность в ис-

кренности нашего с ними сотрудничества и многозначительно замолчали…

— Как всегда. Не обольщайся, Лев, что они будут стоять над схваткой, они — тоже в игре. Разберись в их партии. Но спокойно, Серые сами мастера тихих интриг. Действуй. Жду скорейшего результата от тебя.

Ничего нового Шаркан Бутырцеву не открыл, защиты не пообещал. Другого Лев Петрович от начальства и не ждал. Но решил завершить разговор, слегка поддев Высшего.

— Шаркан, а тебе не надоело во время разговора ракушку от уха ко рту подносить и обратно?

— Ахрон, я просто сделал маленькое заклинание, усиливающее звук из ракушки. Попробуй, это просто, — обескуражил подчиненного Шаркан, — и маленькое заклинание от подслушивания. И еще одно заклинание, чтобы раковина у моего рта висела в воздухе, — это новички на первых уроках изучают.

Высший явно издевался над Бутырцевым. Но Лев Петрович сумел ответить:

— А две раковины нельзя было сделать? Чтобы в одну говорить, другую слушать.

— Закажу у мастера в следующий раз, — буркнул Шаркан, и связь прервалась.

Глава 6

I

Встреча глав объединенных Дозоров состоялась на Сапун-горе — трем из четырех магов туда было удобно добираться. Бутырцев, прикрываясь сферой невнимания и меняя личины, приехал верхом по Воронцовской дороге, англичанин с турком прибыли на повозке из Балаклавы. И только Темному магу де Сен-Тресси пришлось тащиться верхом на муле от самых Камышей, где разбили свой лагерь французы. Зато этот лагерь был самым благоустроенным — французы завезли туда все: начиная от сборных домов и заканчивая мешками с землей для устройства укреплений. Не сказать, что англичане пожадничали с завозом припасов, но, расположившись в Балаклаве, откуда выгнали греков, они испытывали нужду в воде и дровах для обогрева и приготовления пищи. Сейчас положение начало выправляться, а поначалу цена стакана воды доходила до шиллинга! Турки же, находившиеся на попечении англичан, просто нищенствовали. Это не касалось дозорных, но им тоже пришлось

попотеть, обустраивая свой быт.

С этого места Сапун-горы открывался чудесный вид на Балаклавскую долину, на селение Камары, видневшееся на склоне горной гряды, идущей от Балаклавы на восток. Напротив хорошо были видны Федюхины высоты, просматривались траншеи и батареи турок.

«Неплохое место для наблюдения за диспозицией и действиями войск, — отметил в уме Лев Петрович. — Но вряд ли русские войска будут наносить здесь удар. У Меншикова духу не хватит решиться на такой дерзкий шаг. А ведь таким маневром можно опрокинуть турок с англичанами и захватить базу британцев в Балаклаве».

Но не его это дело, он наблюдатель на войне людей. И следователь в делах Иных.

* * *

Глава английского объединенного Дозора Светлый маг лорд Джеймс Фюссберри был образцом английского джентльмена — лощен, строен, чопорен. Его эмоции были непонятны Бутырцеву ни как человеку, ни как Иному — аура английского мага была искусно прикрыта. В отличие от британца толстенький турок, картинно одетый в восточное платье Мустафа Эфенди, лучился доб-

родушием, что подчеркивало в нем Светлого. Его эмоции были более прозрачны для Льва Петровича, но восточный образ мыслей впоследствии частенько ставил русского мага в тупик при общении. Возраст обоих Светлых Бутырцев не смог определить, но, исходя из косвенных признаков, решил думать, что они старше его.

Лучше всего Лев Петрович понимал де Сен-Тресси, с которым познакомился в Париже в начале давно прошедшего восемнадцатого века. Два молодых Темных, ровесники, к тому же проведенные в Сумрак одним и тем же наставником, оба из обедневших дворянских родов, не дураки выпить и приударить за дамами, дуэлянты и шутники, стали приятельствовать с первой же встречи, начавшейся со ссоры и окончившейся знатной попойкой. Время было бурное, в те годы герцог Филипп Орлеанский, регент при малолетнем Людовике XV, прославился своими любовными похождениями и пирушками. Одно время Шарль де Сен-Тресси был близок к кружку друзей регента, которых сам герцог за их дурной нрав прозвал висельниками. Молодой Бутырцев исповедовал тогда идею свободы для мыслящих людей, к коим, несомненно, относил и себя. Поэтому Левушка никого не осуждал и не пытался поставить во

фрунт по своему разумению. Как говаривали по этому поводу у него дома, в России: «Хозяин — барин: хочет — живет, хочет — удавится».

Когда Бутырцев вынужден был вернуться на родину, с де Сен-Тресси они расстались полнейшими друзьями, если этот термин можно применить к Темным.

С тех пор Лев Петрович неоднократно бывал в Европе и частенько встречался с другом молодости. Оба они прожили долгую и бурную жизнь, заматерели, поостыли, набрались мудрости и знаний: де Сен-Тресси стал первостепенным в конце прошедшего века, Бутырцев на десяток лет позже, но и с тех пор прошло уже полвека — срок для Иного, умеющего учиться, немалый. Последний раз они виделись около двадцати лет назад, встреча была мимолетной и сугубо деловой — русский маг выполнял деликатное поручение Шаркана. Поговорить не удалось, и чем сейчас живет и дышит французский приятель, Бутырцев не знал.

Лев Петрович дружески обнял старого знакомого, тот от объятий не уклонился. С англичанином и турком Бутырцев церемонно раскланялся.

После всех официальных взаимных представлений четверка первостатейных магов перешла к

обсуждению создавшегося положения с Иными в Севастополе и вокруг него. Председательствовал британец. Бутырцева как только что прибывшего посвятили в ход наблюдения за Иными, в ход расследования многочисленных взаимных жалоб на якобы необоснованные смерти значимых военных всех сторон. К счастью, ни совместные усилия Дозоров, ни Инквизиция не нашли в итоге ничего предосудительного в действиях Иных по отношению к людям. Но Иные вольны были убивать себе подобных в честных поединках, которые пока не случались, но запрещены не были.

Бутырцев ухмыльнулся, вспомнив дело петербургских Иных-дуэлянтов. Там идею убивать друг друга без магии подсказал юным дурачкам старый вампир-крепостник. Он затеял всю эту интригу, чтобы убрать свидетеля его самоуправства в имении — соседа-Иного, юного Ныркова. Там распоясавшийся от безнаказанности вурдалак высушивал своих холопов без всяких разрешений от Дозоров. Считал себя в своем праве. Нырков, тогда еще не состоявший в Ночном Дозоре, сам по себе ему помешать не мог, но был способен понять, что происходит неладное, и донести.

* * *

Количество Иных на этом небольшом клочке суши удивило русского мага. Помимо самих тридцати семи дозорных — одного Иного не хватало до штата в русском и двух в турецком Дозорах — на заметку были взяты сто восемь Иных в воюющих армиях. У русских был сорок один Иной, у англичан двадцать четыре, у французов — тридцать два, у турок — одиннадцать. Закономерно, если исходить из численности сторон. Люди преимущественно молодые, невысоких уровней. Светлых не намного больше. Что характерно, все Иные, обеих мастей, — патриотически настроенные, честолюбивые, не захотевшие сидеть в своих провинциях, упросившие командование о переводе в экспедиционные и обороняющуюся армии. Что их всех сюда притянуло?

— Вампирский зов! — хохотнул де Сен-Тресси.

— Шарль, будьте серьезнее, — холодно выговорил французу британец.

«Ого! — отметил для себя Лев Петрович. — Как повелительно. Неужто англичанин тут не только председательствует, но и распоряжается?»

— Что думает ваш начальник по этому поводу? — в лоб поинтересовался лорд Джеймс у

Бутырцева.

— Увы, я не посвящен в думы главы московского Дневного Дозора. Но для меня все это удивительно. Такого количества Иных я не ожидал здесь увидеть. Теперь я понимаю необходимость в наших Дозорах, — одновременно сказал правду и сыграл в дурачка Бутырцев.

— Уже восемь Иных погибло в Крыму с начала военных действий, — заметил Мустафа Эфенди, переводя разговор в другую плоскость.

— Четверо с русской стороны, мне доложили. Могу добавить, что по дороге в Севастополь лично упокоил взбесившегося вампира. Приплюсуйте. Кто еще? — Бутырцев выжидающе смотрел на коллег. Кто ответит, тот и главный в этой компании.

— Двое у нас, двое у французов, — лорд Джеймс был лаконичен.

— Все потери боевые, от смертельных ран, полученных на поле боя, — добавил турок. — Все случаи нами расследованы, уважаемый господин Бутырцев. Кроме вашего…

— Неужели мы не можем ничего предпринять? — удивился Бутырцев, проигнорировав намек Мустафы. — Иных не так много, чтобы ими разбрасываться.

— Никто не запрещает использовать магию и амулеты для личной защиты и лечения собственных ран. Но как лечиться, если пуля прошла через голову навылет? Ума не приложу. — Хорошее настроение не покидало шутника де Сен-Тресси. Судьбы Иных его не волновали.

II

Дальнейшее совещание было сугубо деловым. Поговорили о сложности прослушивания магического фона из-за бурлящих на театре военных действий эмоций. Обговорили возможности связываться друг с другом. Договорились провести следующее совещание послезавтра, 13 октября, здесь же с утра. Решили, что каждый захватит с собой помощника, чтобы было кому давать поручения.

Скучно, обыденно, по-чиновничьи.

* * *

Чопорный английский лорд и вежливый турок отправились по извилистой пыльной дороге вниз, в долину. А де Сен-Тресси решил составить компанию Бутырцеву в его обратном путешествии через лагеря французов и англичан.

— Что невесел, друг мой сердечный? — спросил он Льва Петровича.

Они неторопливо ехали шагом, прикрывшись сферой невнимания — просто какие-то верховые офицеры одной из союзных армий. Осенний пейзаж был скуден — каменистая степь с корявыми пеньками напрочь вырезанных на топливо деревьев и кустов, трава да ржавые сухие колючки. Но если присмотреться, то даже тут виднелись звездочки лиловых крокусов, желтые пятнышки одуванчиков, другая цветочная мелочь на низких стебельках. «Вот так и мы, Иные, среди людей — одинокие и редкие, — подумал Бутырцев. — Неужели мы должны истреблять друг друга из-за амбиций императоров и жажды наживы банкиров? Зачем мы здесь?»

— Чему радоваться, мон шер ами? — русский маг ответил в тон старинному приятелю. — Мне сам вид войны противен. Люди убивают друг друга, терпят лишения, холод и голод, мрут от холеры и простуды. Молодые и отважные люди бьются насмерть по непониманию ценности жизни. Старые и искалеченные генералы посылают их в бой, потому что всю свою жизнь делали только это и по-другому уже мыслить не умеют. И все ради чего? Ради того, чтобы не пустить

Россию торговать на Средиземном море, чтобы кучка британских и французских банкиров могла нажить себе еще больше денег? Скажи, это так важно — поп или кюре будут открывать врата храма и служить в нем службу?

— Как? Неужели ты, Лев, сомневаешься в том, что все это делается только ради того, чтобы русский император мог защитить христиан — подданных турецкого султана, облегчить их участь? Вручить ключи от церкви Рождества Христова греческим ортодоксам? — француз начал свой вопрос шутя, но в конце фразы его голос дрогнул. Неужто расчувствовался, соболезнуя православным, отдавшим святыню в руки французов, а значит, Ватикана?

— Ты же знаешь, я не религиозен. Да и трудно оставаться приверженцем веры в нашей с тобой шкуре, Шарль. — Они мало говорили на эту тему даже в молодости, и сейчас разговор об этом был совсем неинтересен Бутырцеву, прожившему длинную жизнь Иного.

— Приверженцем веры — да. Но есть история, есть материальные следы. — Француз вопросительно смотрел на русского мага.

— О чем ты, Шарль? — не понял старинного приятеля Бутырцев. В этот момент у него

мелькнуло ощущение, что француз легонечко, тихо-тихо, на грани допустимого пытается прощупать его эмоции. Невесомое дуновение, и все.

— Ну-у-у… — протянул де Сен-Тресси. — Крым полон старинных тайн, легенд, кладов и артефактов. Если тебе вдруг попадется что-то необычное, не будешь ли ты так любезен поделиться с другом своей находкой? Ты же знаешь, меня всегда влекли древние безделушки. Они сейчас в большой цене в Европе среди людей и среди Иных. Мы могли бы с тобой выручить баснословные деньги. — Француз подмигнул Льву Петровичу. — Ты меня понимаешь?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Бутырцев. — В России тоже развелось немало полоумных собирателей.

— Надеюсь, Шаркан не один из них? — бросил Шарль и расхохотался.

— Ну, что ты! Он рационалист, ему безделушки не нужны. — Бутырцев удивился самой постановке вопроса.

— А наш коллега лорд Джеймс буквально помешан на всяких древностях. Я слышал, что британские Высшие — поголовно коллекционеры старины и артефактов. Так что ты поосторожней с англичанином, — предостерег де Сен-Тресси

приятеля и тут же добавил непоследовательно: — Я тебе в любом случае бóльшую долю дам, я достойных покупателей знаю. Очень влиятельных, очень.

— Шарль, да ты и впрямь стал практичным дельцом! — поддел Бутырцев друга молодости. — На тебя это не похоже.

— Поживешь с мое… — старческим дребезжащим голосом занудно протянул француз.

И оба, не выдержав, расхохотались.

Глава 7

Бутырцев многое успел еще сделать в тот день. Выслушал донесения Суровкина и двух дозорных, лично познакомился с тремя Иными: двумя магами — офицерами пехотных полков и одним солдатом-оборотнем из арестантской роты. Оборотень, Кондрат Телегин, провинился вполне по-человечески: в пьяном виде затеял драку, наломал дров, но не перекидывался и свою сущность рысьего самца ничем не выдал. Был разжалован и отправлен отбывать наказание. Когда в начале осады города создали арестантские роты для различных работ, то Кондрат показал себя молодцом — трудился за троих.

— Как же тебя, братец, угораздило? — поинтересовался Бутырцев.

— Эх, ваше высокоблагородие, — обратился оборотень к магу по чину, солдату так привычнее, — разве угадаешь, где соломки надобно постелить? Мне бы на бастион, в деле участвовать, а не траншеи по ночам рыть. Замолвите словечко, не побрезгуйте! Я бы отработал вам, послужил бы, вот те крест святой, истинный. Я бы

и охотником на вылазку пошел. Не могу, тошно мне здесь.

— Как же ты, Иной, в Бога веруешь? — заинтересовался Бутырцев.

— Господь к каждой твари милостлив, — отвечал солдат.

— И к вампирам? — продолжил теологическую беседу маг.

— И к ним, к вурдалакам-упырям. Чай, у них тоже душа есть христианская, — уверенно гнул свое оборотень.

— Они же нежить!

— Господь разберется. Ведь это Он их создал.

Бутырцев только диву давался от таких слов солдата, простого русского Иного.

* * *

Дома Бутырцева ждал Филипп. Даже не надо было спрашивать, каким ветром занесло юного мага к начальнику — перебинтованная левая рука, уложенная в повязку-люльку, говорила сама за себя. Нырков был бледен, но держался молодцом.

— Что с вами, Филипп Алексеевич? Дайте-ка я руку осмотрю.

— Ранен в руку осколком бомбы. Был с прика-

занием от штаба на четвертом бастионе. Туда пробрался спокойно, траншеей шел. Иначе никак — французские штуцерники голову поднять не дают. Обратно тоже удачно выбрался, уже думал, что ничто меня не достанет. Тут ка-ак бомба сзади ахнет! Осколки так и засвистели, а у меня даже защитный амулет не активирован. По руке будто топором тупым стукнуло. Рука повисла. Боли не было поначалу, только чувствую — рукав шинели намокать стал, и кровь с пальцев закапала.

Юноша рассказывал, Бутырцев снимал с его руки шины и разматывал бинты. Мичман сидел спокойно, но по тому, как он морщился и даже охал, когда Темный слишком резко отрывал очередной слой бинта от раны, было понятно, что Филиппу очень больно.

— Потерпите, потерпите, я бы мог сразу магией обезболить, но так я лучше пойму, как вас подлечить. А повязка у вас правильная, аккуратная. Где перевязывали?

— На первом перевязочном. Сама Даша забинтовывала, — с гордостью сказал раненый, но слегка засмущался.

— Сама Даша?! — восторженно отозвался Бутырцев — подкузьмил юного воина. — И что же, хороша собою?

Удержаться от безобидной шутки у старого Темного недостало сил. Да и к лучшему это — глядишь, переключится герой со своей раны на другие мысли.

Но Нырков не поддался на подначку.

— Миловидная барышня. Но главное — руки у нее добрые и душа золотая — ко всем относится с состраданием. Все раненые, кто был на перевязке — и офицеры, и нижние чины, — все хотели, чтобы она хотя бы прикоснулась к изувеченному телу. Поговаривают, что ее прикосновение сил придает. Право слово — истинная Светлая.

— Возможная Иная? Проверили ауру?

— Увы, обычная девушка. А жаль… — Нырков замечтался о чем-то.

Бутырцев между тем открыл нехорошую рану — осколок разорвал мышцу, жилы, надломил кость. Доктор мышцу зашил, но начиналось нагноение, да и кость была сложена неудачно.

— Что же вы, голубчик, не бережетесь? Амулет вам выдан не для того, чтобы в качестве побрякушки в кармане носить.

— Как же я могу… Другие воюют без всякой защиты. Сколько людей гибнет каждый день! Ядра, бомбы, пули так и сыплются на бастионы. Скажите, Лев Петрович, отчего у нас так мало нарезных

ружей? Французы из своих штуцеров стреляют по нам с дальних рубежей, а наши пули до них даже не долетают! Как же так? И точность боя у штуцеров гораздо выше. А если еще заклятье какое наложить… Ох! М-м-м, — дернулся мичман от боли и прикусил губу, когда жесткие пальцы опытного мага стали выворачивать ему руку.

— Прошу извинить великодушно. Придется потерпеть, я сейчас кость сложу аккуратнее. Могли бы и сами себя подлатать. Хотя бы кровь остановили, сидите совсем белый от обескровливания. Как вас только отпустили из госпиталя?

— Я в госпиталь не пошел… стыдно… с таким пустяком. Решил, что вы мне лучше поможете. Сам-то я ничего не смыслю в целительстве… — честно признался юный маг сквозь стиснутые зубы.

— Как же так? Неужто вас никто не обучил? А наставник ваш, что же он? — удивился Бутырцев, проводя рукой над раной, убирая гной и сукровицу, склеивая ее края, наращивая костный мозоль на месте перелома. — Сейчас я вам боль отключу.

— Меня посвятил случайный приятель, студент Петербургского университета Николай Трубицын. — Боль отпустила, и Филипп блаженно

расслабился, осел на стуле.

— Тот самый, что вторым на ваших идиотских дуэлях погиб? — не удержался Бутырцев. Ему до сих пор было жалко молодых Иных, которые отдали свои жизни из-за ложно понятого служения делу Света. Или Тьмы. Дурачки восторженные.

— Он, — поник головой Светлый. — Он меня почти ничему не успел научить.

— А что же в Дозоре? Ну, теперь все будет хорошо. — Лев Петрович простым заклинанием очистил тряпицы от запекшейся крови и начал бинтовать руку.

— В Дозоре сразу начались вахты, мне только простые заклинания показали и дали несколько амулетов. Потом мы в лесах под Петергофом оборотня ловили, он караульного загрыз. А оттуда меня Емельян Нилович Парфенов срочно в Москву вызвал.

— Значит, никто не озаботился тебя обучить? Да и я хорош, не побеспокоился узнать, что ты умеешь. Так что не обессудь, Светлый, буду я твоим ментором.

— Лев Петрович, я вас давно уже своим наставником считаю. Вы вот… Темный… но какой-то неправильный Темный… вы… — Юноша не смог точно сформулировать свое отношение, видно

было, что его предубеждение было сильным, но он уже начал понимать, что это не служба Тьме, это всего лишь использование Силы Тьмы. А натура у всех разная.

— Лев Петрович, давно хотел вас просить обращаться ко мне на «ты». Вы настолько старше и опытнее, что я сочту за честь принять такое ваше обращение как знак доверия ко мне. — Трудно было Ныркову сказать Темному такое, но как же не сказать.

— Давно… — хмыкнул Бутырцев. — Без году неделя. Что же, принимаю вашу просьбу, голубчик. Буду вам тыкать.

— Спасибо, что столь любезны, — еще больше смутился Нырков.

— Не робей, воин, чай, не красна девица. Ты же теперь герой. Был ранен и остался в строю, это в реляции штаба записано. Полагается тебе, по моему разумению, награда. Будешь дальше так служить, к Рождеству, глядишь, и производство в следующий чин случится. Война быстро чины присваивает. Тем, кто выжил. А ты у меня выживешь обязательно! — вдруг рассердился Бутырцев. — Дозорный! Приказываю тебе: приближаясь к боевым действиям, непременно активировать защитный амулет, который тебе

выдан Ночным Дозором. А от себя хочу тебе дать еще один. — Бутырцев, поколдовав с замком, достал из шкатулки, стоящей на столе, простой золотой перстень без камушка. — Этот вот, целительский. Если будешь ранен, то он тебе и кровь остановит, и помереть сразу не даст.

— В сердце пуля попадет или в голову, тоже поможет? — загорелся молодой человек.

— Это вряд ли. Но если мозгу вреда от пули никакого, вскользь там прошла или в голове пустота, то выживешь.

— Как пустота? Разве так бывает? — удивился юноша.

— Случается, что нет мозга, и все тут, — на полном серьезе ответил Бутырцев.

Нырков было задумался, но понял, что над ним подтрунивают.

— Лев Петрович, полно вам шутить!

Было видно, что рука его не беспокоила и он готов поговорить с начальником.

— Давай-ка, Филипп Алексеевич, я тебя вином угощу. Тебе полезно — от красного вина кровь прибывает. Да и мне не повредит. — Бутырцев извлек из корзины, стоящей в углу комнаты, бутылку и щедро наполнил стаканы до краев темно-рубиновой жидкостью. — Твое здоровье.

Бери печенье, закусывай, раненому надо много есть, быстрее поправишься.

Пригубили. Нырков любовался цветом напитка, таинственно мерцающего в свете свечи. Боль ушла, ему было покойно после сеанса исцеления. Не то от выпитого вина, не то от потери крови клонило в сон.

Бутырцев, напротив, никак не мог успокоиться. Высокий, худощавый, с длинными руками, он медленно и молча вышагивал из угла в угол с бокалом в руке, о чем-то размышляя.

— Что я хочу вам… тебе, Филипп Алексеевич, сказать на сон грядущий. Не дает мне покоя сегодняшняя встреча с начальниками союзных Дозоров. Послушай и посмотри сам, я тебе сейчас картину разверну.

Бутырцев достал из памяти специально запомненные самые важные живые сцены, подумал и добавил еще разговор с французом на обратном пути. Филипп с интересом просмотрел все — он работал с памятью Иного всего лишь второй раз. Первый раз был, когда он смотрел восприятие Иоахимом Пекусом фрагмента Синопского боя. И то, и другое ему показывал Лев Петрович. С легкостью извлекал увиденное и услышанное, эмоции. Такому надо было непременно научиться.

Филипп вздохнул — ему еще многое надо познать и усвоить, чтобы считаться настоящим магом и дозорным.

— Давайте делать выводы из этой встречи, — вернул молодого мага на землю старый волшебник. — Первое — кто главный в этой тройке?

— Лорд Джеймс, несомненно.

— Что вы скажете о турке? — продолжил пытать ученика учитель.

— Турок очень вежлив, красиво говорит, но себе на уме, — неуверенный в этом Нырков решил рискнуть и сыграть в угадайку.

— Это ты не встречался с восточными Иными, турок этот — аскет по сравнению с каким-нибудь sihirbaz или büyücü, который своими цветистыми восточными речами околдует тебя без всякой магии. Кстати, магия у мусульман под запретом, так же как и в христианстве. Но так уж вышло — мы, колдуны и волшебники, сосуществуем рядом с верой. Мустафа Эфенди немногословен, в этом отношении он европеец в общении с европейцами. Сказывается опыт, похоже, он старше меня. А что ты думаешь о французе?

— О вашем приятеле? Легкий, веселый, но в то же время практичный — настоящий француз.

— Образцовый… Тебе ничего не показалось

странным в его вопросах? — Бутырцев внимательно смотрел на молодого мага.

Нырков чувствовал себя как на экзамене — надо было правильно ответить. Что будет правильным? Была не была:

— Мне резануло ухо, когда он Шаркана упомянул.

— Это когда я назвал собирателей полоумными, а он отчего-то решил поинтересоваться, не относится ли к таковым Шаркан?

— Именно так.

— Гм… А ведь ты прав, мой юный друг, — задумался Темный, — обмолвочка у Шарля вышла, сильно ему интересно, что Шаркан мне поручил. И он уверен, что без такого поручения не обошлось. Что мог мне поручить Шаркан, по-твоему, чтобы это интересовало де Сен-Тресси?

— Ну-у… — тянул ответ ученик следователя, лихорадочно соображая, в чем заключается верное умозаключение. — Не за Светлыми следить же… Возможно, что-то найти?

— В свою коллекцию? То самое, за что Шарль мне посулил большие деньги от его заказчиков… или покровителей… или повелителей. — Бутырцев понял, что ухватился за кончик нужной ниточки. — И их не просто редкая безделица

интересует, а конкретный артефакт. Что бы это могло быть? А, Филипп?

— Могущественный амулет или вещь магическая, сделанная кем-то из древних Абсолютных, способная перевернуть мир, — беззаботно ляпнул Ныpков.

Ляпнул и прикусил язык, ожидая разноса от старого сухаря-Иного, не подверженного романтическим бредням. К его удивлению, Бутырцев надолго задумался.

Тишина повисла в комнате и потихоньку начала звенеть в голове Филиппа. Когда звон стал совсем невыносим, Бутырцев наконец-то посмотрел на юношу и произнес:

— Отчего же вы, Филипп Алексеевич, до сих пор молчали, если вам все понятно? Это же все объясняет.

Глава 8

I

Утро 13 октября вышло неожиданно тревожным — где-то вдали за городом по направлению к Балаклаве гремела артиллерийская канонада. Бутырцев знал, что вся Балаклавская долина от Камар до Сапун-горы перекрыта четырьмя редутами, в каждый из которых англичане посадили до четверти тысячи турок. Плюс артиллерийские батареи. Это он видел собственными глазами не далее как позавчера во время совещания с главами Дозоров. Для Меншикова, главнокомандующего русскими войсками, расположение редутов тоже не было секретом — с высот в районе селения Чоргун, куда князь выбирался на рекогносцировку, они отлично просматривались. К югу от редутов расположилось селение Кады-Киой, где виднелись белые конические шатры английских палаток.

На сегодняшнее совещание Лев Петрович захватил в качестве помощника Ныркова — юноша числился в отпуске по ранению. Рука его стремительно заживала, но Бутырцев велел ему не

торопиться с выздоровлением, это могло показаться подозрительным. К тому же Филипп был ему нужен в качестве того самого оселка, на котором можно оттачивать свои суждения. Свежий незамутненный взгляд молодого Иного тоже должен был пригодиться.

Приближаясь со стороны города к линии наших бастионов, Бутырцев накрыл себя и спутника сферой невнимания. Потом пришлось и к невидимости прибегнуть. Два всадника опять стали видимыми уже далеко в тылу французов, чуть ли не у лагеря на Сапун-горе. Но сфера по-прежнему надежно защищала их от любопытства вражеских караульных.

* * *

По мере приближения к Сапун-горе артиллерийская канонада становилась все отчетливей. Стало понятно, что в Балаклавской долине идет даже не бой — сражение.

Вдруг выяснилось, что попасть на место встречи им будет затруднительно — похоже, именно на этой удобной для наблюдения за долиной площадке, что была на самом верху юго-восточного склона горы, расположился командный пункт союзников. Множество офицеров, как англи-

чан, так и французов, толпились вокруг группы генералов. Порученцы стояли поодаль, тут же паслись, пощипывая свежую осеннюю зеленую травку, стреноженные кони. Вторая половина лошадей была привязана к импровизированной коновязи из наспех сколоченных бревен. Конные порученцы то и дело срывались с места и галопом мчались вниз по дороге в сторону Балаклавы. Навстречу им из долины тяжелым медленным шагом плелись запаленные лошади вестников из гущи сражения.

Пришлось усилить сферу невнимания и заняться поисками коллег. Через минуту Бутырцев увидел буквально в паре десятков метров от командного пункта союзников де Сен-Тресси с помощником. Русские дозорные подъехали к французам и спешились. После обмена приветствиями и взаимных представлений Лев Петрович поинтересовался, что происходит. В нескольких словах де Сен-Тресси ввел русских в курс хода битвы.

Оказалось, что еще затемно русские колонны атаковали редуты англичан, взяли приступом первый, штыками выбили оттуда турок. С трех других редутов турки бежали без сопротивления, бросив орудия.

— Нет, не зря англичане им не доверяют серьезных дел, — завершил де Сен-Тресси рассказ о том, что было в начале дела, и снова прислушался к разговорам и репликам, доносящимся с наблюдательного пункта. С места, где стояли дозорные, невозможно было просто так разобрать, что говорили генералы друг другу, какие приказы отдавали. Судя по всему, француз беззастенчиво использовал магию для подслушивания.

— Господин де Сен-Тресси, — обратился к нему Бутырцев, — я должен сделать официальное заявление о том, что, оказавшись возле штаба союзников по известной вам причине, я и мой помощник, мичман российского флота Нырков, не намерены заниматься сбором информации о союзных армиях. Даю слово Темного, что все сведения, которые вы нам сообщите о происходящем, мы, я и господин Нырков, не будем передавать никому, кроме дозорных, равно как и те сведения, которые мы можем составить на основе личных впечатлений. Пусть Тьма свидетельствует в том.

— Призываю Свет в свидетели, — добавил Нырков.

Оба выставили перед собой правые руки ладонями вверх. На ладони Бутырцева сгустился

небольшой шарик Тьмы. Ладонь юного Светлого украсил такой же шарик, только яркий.

— Полноте, господа, я поверил бы вам без этаких демонстраций и клятв, — барственно заверил их де Сен-Тресси, — мы же все служим Сумраку, что нам до дел людей. Сколько мы с тобой уже всего повидали, Лев? Надеюсь, еще что-то увидим. А пока я вам буду пересказывать, что узнал из услышанного.

Из рассказа француза получалось, что турки заклепали девять своих орудий на батареях и бежали в тыл, пытаясь спрятаться за спинами англичан. Русские теперь преследуют их своей кавалерией, пустив вслед бегущим туркам гусар. Похоже, англичане встретили своих перетрусивших подопечных совсем не ласково, чуть ли не штыками, заставив их кое-как собраться и встать если не во фронт, то хотя бы за спинами британцев.

— Посмотрите в сторону Кады-Киоя, даже невооруженным глазом видны красные мундиры и кавалерия, которая атакует этот строй. Вон туда, видите? Интересно, какие полки участвуют в этом бою?

* * *

Утро этого октябрьского дня было тихим и свежим. Солнце стояло еще низко, выглядывая из-за горы на юго-востоке, на склоне которой виднелось селение Камары. В долине между этим селением и подножием склона Сапун-горы кипел бой. В сторону Балаклавы маршировали колонны русской пехоты, на занятых редутах копошились артиллеристы, обустраивая позиции и разворачивая артиллерию в сторону отступившего неприятеля. Неспешно трусили казаки, сопровождая орудия своих полков. Вдали виднелась цепочка алых мундиров, на которую неслась, раскатываясь, гусарская лава.

II

— Здравствуйте, господа. Извините за опоздание, нам помешали боевые действия. — Подъехавший лорд Джеймс спешился и бросил поводья своего коня высокому Светлому магу, такому же невозмутимому, как сам глава британского Дозора. Следовавший за ним Мустафа Эфенди довольствовался молчаливым кивком в сторону французов и русских. Его сопровождал низень-

кий пухленький турок-оборотень в восточном платье. Бутырцеву показалось, что Эфенди откровенно помыкает подопечным Темным — не как подчиненным, а как рабом. «Восток… Господин — почти бог», — отметил Бутырцев.

Сэр Джеймс продолжил:

— Я частично могу удовлетворить ваше любопытство. Красная цепь — это девяносто третий шотландский полк под командованием Колина Кэмпбелла. Как вы можете видеть, они принуждены защищать значительный по ширине фронт. Я думаю, именно поэтому Кэмпбелл построил своих горцев не в четыре шеренги, а в две — чтобы растянуть их в ширину. Сейчас мы узнаем, правильным ли было это решение.

Кавалерия в долине продолжала мчаться на стрелковые цепи. Вдруг алые мундиры на всем протяжении строя закрылись белым дымом, и через несколько секунд до наблюдателей донесся слитый звук ружейного залпа. Не успел дым развеяться, как последовал второй залп. Немногим позже грохнул и третий.

— Стреляли с восьмисот, пятисот и трехсот пятидесяти ярдов, — спокойно сказал лорд Джеймс, — теперь все в руках Божьих.

Гусарские ряды давно уже потеряли строй-

ность, упала скорость лавы, но кавалеристы все же прорвались к шотландцам. Выстрелы в упор, взмахи сабель, падающие лошади — этого нельзя было разглядеть с Сапун-горы. Но все Иные, кроме моряка Ныркова, отлично представляли себе, что происходит сейчас там, в этой свалке.

Шотландцы выстояли, русские гусары повернули назад, пытаясь восстановить строй.

— Браво! — воскликнул француз. — Поздравляю вас, Джеймс, ваши солдаты показали себя истинными храбрецами, проявили достойное уважения мужество.

— Я боялся, что эта тонкая красная линия не выдержит и порвется, — честно признался британец.

— Она могла бы не подвергаться столь суровому испытанию на прочность, если бы мои соотечественники не проявили бы себя такими трусами. Мои извинения, господа, — скрипнул зубами в конце фразы Мустафа. И поклонился.

Только теперь Нырков понял, насколько турок был взбешен.

— Полноте вам, друзья! Какое нам дело до человеческих забав, — попытался урезонить всех де Сен-Тресси. — В природе людей биться, побеждать и погибать, проявлять отвагу и показывать

врагу спину. А иногда даже зад, — со смехом закончил он. И обратился к британцу: — Сэр Джеймс, а вы очень точно и не менее поэтично назвали строй шотландцев: «The Thin Red Line». Советую вам продать вашу находку какому-нибудь столичному журналисту. Их тут целая толпа крутится неподалеку.

Однако когда англичанин немного отошел в сторону наблюдательного пункта союзников, чтобы переговорить с кем-то из знакомых, Шарль едва уловимым шепотом добавил для русских:

— Если бы вы знали, в каких условиях англичане содержат турок! Британцы пообещали устроить им лагерь и организовать довольствие. Однако ничего не сделано. Турки живут хуже собак. Попервоначалу у них даже питьевой воды не было, не то что пропитания. Немудрено, что турки, которых русские всегда били, побежали…

— Господа, посмотрите туда! — Подошедший лорд Джеймс кивнул в сторону ближнего фланга битвы. — Возможно, там решается судьба сражения.

У подножия Сапун-горы тем временем схлестнулись две конницы. Русская кавалерия, неспешно двигавшаяся на левом фланге британцев, была атакована десятью английскими эскадронами.

Британские драгуны — как пояснил англичанин, генерала Скарлетта, — бросились на гусар и казаков. Тяжелая кавалерия англичан врубилась в строй не ожидавших атаки русских.

До дозорных, наблюдавших бой с Сапун-горы, звуки не долетали, но, глядя на этот яростный водоворот коней и людей, не сложно было себе представить, какой ад творится сейчас в долине.

— Погиб Иной, — вдруг сказал английский здоровяк-дозорный.

— Подтверждаю, — чуть помедлив, добавил де Сен-Тресси. Как выяснилось, все, кроме русских дозорных, вслушивались в какофонию магического фона.

Бутырцев запоздало спохватился, прислушался к Сумраку сам и приказал Ныркову внимательно следить за происходящим магическими чувствами.

Сумрак кипел. Ему было чем поживиться — эмоции воинов захлестывали все пространство. Филиппу было сложно разобрать отдельные детали в этом реве, но даже он услышал эхо от гибели еще одного Иного. Кто он? На чьей стороне сражался? Потом это выяснится, но сейчас предсмертный стон умирающего больно отозвался в сердце Светлого.

И много, очень много Силы текло рекой, обрушивалось водопадом, уходило безвозвратно в жаждущий песок Сумрака.

— Зачерпни себе, только аккуратно, понемногу, — подсказал опытный Темный молодому Светлому, — сейчас не возбраняется. Все равно даром теряется.

Трудно было Филиппу переступить себя, зная, что может лишить кого-то решимости в бою, отваги, легкого боевого сумасшествия, даже упоения битвой. И он изо всех сил пытался разделять эти маленькие ручейки Силы, брать только те, что вытекали из погибших, вытекали вместе с жизнью.

Иные почувствовали его усилия. Иронично-насмешливо оглянулся на Филиппа Темный де Сен-Тресси, снисходительность промелькнула на лице невозмутимого лорда, одобрительно кивнул юноше Мустафа Эфенди. Их помощники совсем не обратили внимания на терзания молодого мага, у них были свои сомнения. Или не были.

Печально было лицо Льва Петровича Бутырцева. Но Филипп не мог его видеть — Бутырцев наблюдал своего помощника из-за его спины.

Семь минут длилась беспощадная рубка. Всего лишь семь, но как много было пролито люд-

ской крови! Русской больше — тяжелая конница англичан сделала свое дело. Казаки и гусары отступили к линии редутов. Но англичане не стали их преследовать, ожидая нового слитного удара превосходящих сил противника. Эх, если бы Меншиков решился бросить резервы в дело, если бы его генералы были бы решительнее! Балаклава вполне могла быть взята, англичане теряли бы свою базу с припасами и транспортами. Это изменило бы ход всей кампании. Французы это отлично понимали и спешно собирали резервы для помощи союзникам. Но русские отчего-то не наступали. Создавалось впечатление, что либо они удовлетворены захватом линии редутов, либо… либо их командующий не знает, чего сам хочет, и уж точно не верит в то, что может сейчас одержать победу.

Между тем союзники стягивали к месту битвы все новые и новые части. Русскими был дан сигнал отходить, их полки, преследуемые англичанами, попятились к Чоргуну. Видно было, как шестиорудийная конная батарея открыла огонь картечью в спины гусар и казаков, продолжавших нести существенные потери. Российская артиллерия тоже вступила в бой, и их войска прошли, отступая, между вторым и третьим

редутами. Англичане в пылу погони за поверженным врагом бросились в этот проход. Тут-то и прогрохотали свою смертельную песню русские пушки, накрыв огнем британских драгун с обоих флангов. Десятки английских кавалеристов были убиты и ранены. Пришлось англичанам отступать так же поспешно, как только что делал их противник.

В битве наступило затишье. Было уже десять часов утра. На Федюхиных высотах, лежавших восточнее Сапун-горы, появился еще один многочисленный русский отряд. Британцы тоже спешно перестраивали свои полки.

III

Что-то затевалось на наблюдательном пункте. Лорд Джеймс опять отошел за свежими новостями, а де Сен-Тресси беззастенчиво распустил магические уши и пересказывал, о чем толкует генерал-лейтенант лорд Раглан со своими генералами. Как выяснилось, главнокомандующий английскими войсками решил отбить орудия в редутах, захваченные русскими. На что главнокомандующий французов дивизионный генерал Канробер возразил, что раз союзники находятся на хорошей позиции, то пусть уж русские по-

пробуют их атаковать. Но Раглан стоял на своем. Пехота еще только подтягивалась, и воодушевленный успехом своих драгун британец приказал атаковать русских кавалерией. Де Сен-Тресси даже дословно пересказал расслышанный им приказ Раглана для генерала Лукана: «Кавалерии идти вперед и использовать всякий случай для овладения высотами. Пехота будет наступать двумя колоннами и поддержит ее». С точки зрения Ныркова это был вполне разумный приказ, если уж было принято решение атаковать.

Некоторое время ничего внизу не происходило. Потом дальняя от наблюдателей часть английской кавалерии выдвинулась вперед. Британской пехоты для ее поддержки там еще не было.

На командном пункте союзников опять случилось оживление. Лорд Джеймс вернулся к дозорным и рассказал, что Раглан нервничает: кавалерия не атакует, русские спокойно увозят захваченные орудия и перестраиваются. Поэтому он надиктовал новый приказ генерал-майору лорду Лукану: «Кавалерия должна быстро выдвинуться вперед и не позволить неприятелю увезти орудия. Сопровождать ее может конная артиллерия. На левом фланге у вас французская кавалерия. Немедленно». Приказ повез капитан

Нолан.

— Мне кажется это правильным, — де Сен-Тресси пожал плечами.

Бутырцев был вынужден согласиться: русские войска ничего не предпринимали, и если союзники хотят вернуть потерянное, то их надо атаковать либо признать статус-кво.

Филипп смотрел с горы в долину. Сколько людей и Иных сегодня уже погибло, сколько изувеченных сейчас при смерти, сколько раненых лишатся ноги или руки, сколько из них не выживут? Ради чего все это? Амбиции империй? Императоров? Забота русского Государя о христианах в Османской империи? Попытка западных держав спасти Османскую империю — «больного Европы»? Что мешает людям договориться? Договорились ведь Иные. Вот они — дозорные четырех империй. Нет, не совсем так — живущие в четырех империях. Стоят вместе, делают одно общее дело. Отдают должное и храбрости русских, идущих в штыковую атаку, и доблести шотландских горцев, не пустивших русскую кавалерию в Кады-Киой. Скорбят вместе по погибшим.

Или все это — тоже напускное, ненастоящее, игра? Лев Петрович постоянно подозревает, что союзники из Дозоров преследуют свои непонят-

ные цели, что Инквизиция выжидает момента, когда сможет наложить лапу на… На что? Что тут такого может быть в этих скалистых степях, в синей бухте Севастополя, в невысоких лесах холмов над Чоргунем?

Что делает здесь он, мичман Нырков, когда не защищает Севастополь? Знать бы.

Тем временем посыльный Фицроя Раглана добрался в долине до лорда Лукана. Непонятно, каким образом можно было атаковать позиции русских, имея на флангах, по бокам лежащей перед англичанами долины, неприятельских стрелков и батареи. Но граф Лукан приказал бригаде легкой кавалерии Кардигана атаковать русских. Генерал-майор лорд Кардиган, известный своими экстравагантными сюртуками, «унаследовавшими» его фамилию, отлично понимал, что приказ в таком виде означает идти на смерть. Но это приказ, а приказы положено выполнять.

С Сапун-горы было сложно разглядеть все действия бригады Кардигана, но за сорок минут до полудня стало видно, что его конница двинулась вперед шагом, и долетели запоздавшие звуки труб. Эскадроны в три линии постепенно разгонялись на равнине, и уже кавалерия перешла на

рысь, занимая чуть ли не пятую часть ширины долины.

Это было великолепное зрелище. Отборная конница, где служили преимущественно младшие отпрыски знатных родов, на лучших, призовых конях, которыми могли похвастаться не только британцы, но и любая другая страна, держа строй, накатывала на русских. Правее бригады Кардигана такими же четко видимыми с Сапун-горы тремя линиями шла в бой тяжелая бригада.

Это впечатляло, но с такого расстояния не устрашало. Пока не устрашало.

От штабной группы союзников раздались одобрительные возгласы.

— Сейчас будет жарко, жарче, чем на осеннем солнце, — заметил шутник де Сен-Тресси.

И тут началось. Полковое каре русских выстроилось у второго редута. Стрелки открыли огонь. Батареи с Федюхиных и Балаклавских высот накрыли английскую кавалерию перекрестным огнем. Бомбы, ядра и под конец картечь сыпались на британцев. Конница Кардигана неслась уже галопом, строй ломался. Тяжелая кавалерия Скарлетта тоже несла потери и, не выдержав плотного огня русских, отступила на исходные позиции.

Бригада легкой кавалерии осталась одна перед

противником. Английские конники навалились на батарею тяжелых орудий русских. Батарея дала залп в упор — гром докатился до наблюдателей на Сапун-горе, и клубы дыма закрыли кавалерию и батарею. Никто из видевших это не сомневался, что там сейчас кромешный ад.

— Кого-то ранили, — вдруг бесстрастно заметил турок.

Филипп даже не сразу сообразил, что речь идет об Ином. Но тут же попытался тщательнее прислушаться к магическому фону. Тот ревел громким шепотом, скрежетал болью и азартом боя, гудел ужасом впопыхах творимых заклинаний — в битве принимали участие немало Иных.

— Умер, — через минуту добавил вздрогнувший Бутырцев.

Тут даже Нырков сумел расслышать стонущий звук смерти. Это было так противно естеству юного Светлого, что его передернуло.

Наконец дым отнесло чуть в сторону. Стало видно, что на батарее идет жестокий бой. Английские кавалеристы, похоже, уланы, рубили артиллеристов. Очень скоро они сломили оборону батарейцев и рванулись дальше, где в нескольких десятках шагов за клубами пыли

угадывались российские солдаты и гусары.

Англичане бросились на них. И русские запаниковали.

Пехота начала отступать, внося хаос в гусарские ряды, и вся масса русских войск попятилась на север к Чоргунскому мосту. Английская кавалерия плотно сидела на плечах отступающих, врубившись в русские войска чуть ли не до моста.

Но не было слышно криков радости из штаба союзников. Там все понимали, что этот клин очень легко подрезать, что отчаянная атака без поддержки обречена.

Кавалерия русских, уланы, стоявшие у второго и третьего редутов, бросилась на англичан. Русская артиллерия тоже проснулась и с двух сторон открыла огонь по зарвавшейся бригаде легкой кавалерии Кардигана, иногда доставая в этой куче и своих. Гусары, толпившиеся у моста, наконец-то опомнились, развернулись и тоже бросились на англичан. В сражении замелькали казаки, решившие присоединиться к этому избиению.

Даже отсюда, с далекой Сапун-горы, было видно, что долина устлана телами людей и коней.

Вздох магического фона достиг обострившегося слуха Филиппа. Вот так слышится уход Иного в

Сумрак?

— Готов, — бросил сурово нахмурившийся Бутырцев.

— Боже, сколько еще? — не выдержал англичанин.

В ответ на его вопрос де Сен-Тресси продолжил счет:

— Еще один… и еще.

Дозорные переглянулись — как долго будет продолжаться эта бойня?

Глава 9

I

Русские между тем гнали остатки бригады Кардигана чуть ли не до четвертого редута.

На командном пункте союзников уже некоторое время было шумно: отдавались приказы, громкие восклицания и даже ругань на французском и английском языках сливались в ропот. Что-то возмущенно кричал командир французского корпуса, стоящего на Сапун-горе, Пьер Боске.

Русские наверняка истребили бы еще больше английских конников, но наконец-то им на выручку бросились французы. Их кавалерийский полк навалился на батальон безобразно обмундированной пехоты противника.

— Африканские конные егеря д'Алонвиля, — удовлетворенно заметил де Сен-Тресси, — четвертый полк. Один из лучших в мире. Лев, что это за оборванцы, которых он атакует?

— Пластуны Черноморского войска, одни из лучших в мире разведчиков, — в тон ему ответил Бутырцев. — Интересная будет стычка.

Конечно, пластунов в батальоне было не больше роты, остальные были вполне «справными казаками». Но Бутырцев не ошибся, казаки сумели удивить немало повидавших и повоевавших в Африке кавалеристов. Батальон был одним из немногих, если не единственным подразделением русской армии, которое умело действовать в рассыпном строю. Казаки пропускали кавалерию через себя: они ничком падали при приближении конного противника на землю, а когда всадники проносились мимо, стреляли им в спину. Потери французов, конечно, были не такими громадными, как у англичан, но тоже ощутимы.

В это же время еще один полк африканских егерей атаковал досаждавшую англичанам русскую батарею. Их натиск был столь стремительным, что кавалеристы успели ворваться на батарею и изрубить всю прислугу раньше, чем стоящий рядом русский полк сумел двинуться артиллерийским на выручку. Французы тот же час отступили.

Если бы не эти смелые выпады французов, то русская «охота на зайцев» бригады Кардигана окончилась бы совсем плачевно для английских конников, которые группами по два-три всадника уходили вверх по долине.

— Должен сказать, Лев, что меня удивили эти твои диковинные *plastuny*, но согласись, что и французские егеря показали себя, — удовлетворенно заметил французский Иной.

— Увы, Шарль, лучше бы мне никогда не видеть ни этой схватки, ни этой отваги, ни этих храбрецов. Точнее — лучше бы им никогда не пришлось выказывать эти свои прекрасные качества, убивая друг друга, — устало ответил ему Бутырцев.

Битва, это людское крошево, настолько вымотала опытного, повидавшего многое Иного, будто он сам дрался на поле боя с превосходящим по силе противником.

— Я хочу вам выказать мои соболезнования, лорд Джеймс, в связи с гибелью столь достойных воинов, людей и Иных, — обратился он к англичанину по поводу разгрома бригады легкой кавалерии. — Я наверняка знал и знаю многих родственников павших здесь воинов. Ведь в кавалерии было много Иных из аристократических родов?

— Именно так — много. Увы, господин Бутырцев, я знаю не только родственников, но знал и многих павших в этой долине. Мне еще предстоит нелегкое дело поделиться свидетельствами очевидца с их родными, друзьями и возлюблен-

ными.

— Мир их праху, — скорбно сказал турок.

Ныркову очень хотелось надеяться, что это пожелание относится и к тем десяткам турок, которые пали в самом начале битвы.

* * *

Удивительно, но все действо, начиная с момента, когда британские трубачи протрубили атаку, заняло не более получаса. Как раз наступил полдень.

Главы дозорных наконец-то перешли к тому, ради чего здесь собрались, — к обсуждению действий Иных в битве, к разбору случаев применения магии. Но сегодняшний день внес существенные дополнения в ранее сложившуюся картину. Имея возможность наблюдать большое сражение с удобного места, в непосредственной близости от него, дозорные тут же начали подробно исследовать увиденное и прочувствованное. Обменивались запомнившимся, опрашивали своих помощников и рылись в их памяти, сопоставляли.

В результате сошлись во мнениях.

Сравнив свои наблюдения, главы Дозоров выяснили, что погибли девять Иных и существенно

ранены не менее десятка. Светлых и Темных примерно поровну. Согласились, что амулеты применялись строго для личной защиты, магических воздействий степеней выше пятой не случилось, да и почти нет среди подопечных Иных магов более высоких степеней. Выдержать полный запрет на воздействия в таких условиях невозможно, но выявить, предостеречь и хотя бы формально наказать провинившихся придется.

Три замеченных через магический фон на поле боя упыря ничем сверхъестественным себя не проявили — они были уже сыты, и им хватило выдержки напиться крови из смертельных ран. Но вскоре с вампирами что-то придется делать, они переполняются Силой и теряют рассудок.

Оборотни разных мастей тоже никого не напугали, кроме лошадей, что понятно: эти низшие Иные предпочитают геройствовать в ночных вылазках и уже навоевались, сбили оскомину, подустали. Если кто-то и перегрыз супротивнику горло в рукопашной, то это было делом секундным, окружающие могли смело подумать, что им это померещилось в пылу боя. К тому же оборотни в отличие от магов, волшебников и прочих колдунов были в массе своей презираемы «истинными» Иными и, как правило, служили

рядовыми. Кто обращает внимание на простых солдат? А свои товарищи не выдадут. Подумаешь, Петро Вовк в волка перекидывается, так ему и фамилия такая еще от дедов дадена.

Ныркoв участвовал в этом совещании, помалкивая, слушая старших, наматывая услышанное и увиденное на отсутствующий ус, — учился. Потихоньку голова начала звенеть от постоянного спроса с памяти, от применяемой дозорными магии, просто от усталости. Разболелась раненая рука, и он машинально начал поглаживать ее через повязку. Француз заметил это и, не прерывая своего анализа, мимолетным пассом убрал эту боль. Филипп благодарно поклонился Темному, а сухарь Бутырцев даже не заметил произошедшего.

* * *

Рано или поздно заканчиваются и битвы, и совещания. Внизу в долине не происходило ничего существенного: войска либо стояли на отведенных позициях, либо неспешно передвигались, не вступая в боевое соприкосновение. Отдельные ружейные хлопки иногда лениво перебивались еще более редкими громами орудий.

Союзники подтягивали силы, подкрепляя опас-

ные для прорыва направления. К удивлению командования экспедиционных войск, русские так и не стали развивать успех, достигнутый утром. Похоже, князь Меншиков не был готов к такому течению событий и не предусмотрел резервов для усиления удара. Угроза Балаклаве становилась все более призрачной.

II

Раглан вместе со своим штабными и частью французских генералов между тем начал спускаться в долину. Всем было понятно, что сейчас он очень хочет узнать, почему не был выполнен его первый приказ, почему второй приказ был выполнен столь несвоевременно и столь малыми силами. Чувствовалось, что он жаждет найти виновного, на которого можно будет списать столь ужасную гибель такого количества молодых людей из достойнейших семей. Де Сен-Тресси, комментируя это стремительное удаление лорда Раглана для судилища, добавил:

— И столь варварское истребление столь дорогих лошадей.

Лорд Джеймс холодно посмотрел на насмешника, позволившего высказать такую непристойность. Ныркова так и не понял, что более задело

англичанина: то, что Френсис Раглан стремится быстрее обелить себя, или то, что француз сказал по поводу отношения англичан к лошадям.

Наконец дозорные начали разъезжаться по своим местам дислокации: надо было собрать сведения о погибших и раненых Иных, уточнить подробности гибели или ранения, осмотреть трупы.

Бутырцев решил присоседиться в хвост штабу союзников, спуститься вместе с ними в долину, потом проехать вдоль подножия Сапун-горы мимо французов к Инкерману и пробраться на сторону русских войск. Там можно будет узнать о наших потерях, уточнить, какие полки бились у него на глазах. Узнать о погибших Иных-русских…

* * *

Так они и поступили. По дороге Бутырцев многое рассказал об английской армии. Применительно к флоту Ныркова и сам мог поведать немало, но Лев Петрович раскрыл ему глаза на то, каким ударом станет для британцев сегодняшняя гибель бригады легкой кавалерии.

— Как ты знаешь, Филипп, у англичан офицерские патенты продаются. Дело обычное, я во

времена Регентства во Франции был знаком с полковником, просто-напросто купившим патент командира полка. Знатный был вояка! Но у англичан есть еще одна беда — майоратное право наследования. Земли и имущество передаются от отца к старшему сыну и далее старшему внуку от этого сына. Никаких шагов вбок, к братьям, никакого дробления. Спрашивается, куда деваться младшим сыновьям лорда? Известно куда — на службу. Можно на флот, можно в армию. Если в армию, то куда? И думать нечего — в кавалерию. Почему туда? Сам понимаешь… впрочем, куда тебе, моряку, лошадников понять. Ты учти, англичане — это страшные спорщики, любители ставок и пари. Они спортсмэны — люди, занимающиеся всякими физическими занятиями — спортами. У них в почете мордобой, игры типа нашей лапты, игры в мяч. Хорошо, что хоть на коньках не бегают, как наши мальчишки или голландцы. Возможно, британцы еще что-нибудь придумают. Но самый главный, самый почетный *sport* для них — это лошадиные скачки. Уж тут они денег не жалеют. Сам понимаешь: если в кавалерии служит молодежь голубых кровей, то и лошади у них…

— Голубых кровей? — съехидничал Нырков.

— Дорогие! Отборные лошади, призовые. Покрасоваться на параде любят все. Только не говори, что тебе это не знакомо. Я помню, как ты придирчиво мундир разглядывал, принимая его от портного. Так вот. Ты сам видел, какие потери понесли англичане. По моему мнению, не меньше, чем полтысячи кавалеристов там полегло. Почитай, каждый английский дворянин кого-то будет оплакивать, когда весть об этом бое до Лондона докатится, хотя я даже не знаю, кто отважится об этом доложить. Это же не наших солдатиков из крестьян, которых в России без счета, убили. У погибших родословные — не чета нашим с тобой. Наверняка все от Вильгельма Завоевателя с соратниками род числят. И лошади у них такие же… были. Призы на скачках, которые в Англии зовутся «дерби», брали. Ими гордятся, кичатся друг перед другом. А наши солдаты этих коняшек на мясо пустили. По лошадям будут горевать чуть меньше, чем по людям. — И добавил: — Кто-то и больше.

— Быть такого не может, Лев Петрович, чтобы по лошадям, как по людям…

— Тебе моряки не рассказывали, с какой болью сердечной корабли свои топили, чтобы поперек бухты на дно уложить, загородить вход на

Большой рейд? Как не тонули расстреливаемые своими «Три Святителя», пока с героя-синопца забытую корабельную икону не сняли? Говорят, Павел Степанович Нахимов потом ходил чернее тучи, а многие офицеры плакали, не стыдясь слез.

— Так то ж корабль, Лев Петрович! Он же… это же святотатство — своими руками… он… это же дом, это же… он же как живой! — задохнулся мичман от такого непонимания.

— Конь, голубчик, и есть живой. Он для кавалериста — и друг, и защитник, и спаситель. Лошади иной раз сами уже валятся, а всадника своего раненого из боя выносят. Потом уж подыхают.

Непонятно было, отчего Бутырцев, только что едко насмехавшийся над любовью британской нации к лошадям и скачкам, тут же в опровержение своих слов воспылал такой нежностью к благородным животным. Возможно, что-то подобное рассказанному было в его судьбе.

III

Вечером уставшие дозорные, оставив лошадей в конюшне флотского штаба, решили по пути к квартире пройтись по бульвару Казарского — Бутырцев уговорил молодого коллегу переночевать

у него на Морской. Нырков рвался на службу в штаб, но Лев Петрович резонно заметил, что служит он перво-наперво в объединенном Дозоре Севастополя, которым командует…

Пришлось мичману согласиться с начальником.

В погожие вечера полковые оркестры в очередь давали концерты на бульваре. Война войной, но люди хотят жить. Сегодня тоже не стали нарушать традицию — музыканты играли. К удивлению Бутырцева, среди публики было много дам, далеко не все офицеры, чиновники и купцы вывезли свои семьи из осажденного города.

Давно ли столичные Иные прибыли в город — недели не прошло. Но Лев Петрович уже настолько отвык видеть женщин в мирной обстановке, что было удивительно приятно лицезреть элегантные наряды дам, раскрасневшиеся на свежем воздухе лица барышень, кокетливо постреливающих глазками в сторону бравых офицеров, погрузиться в эту неспешную атмосферу осеннего вечера, послушать музыку.

Полковой оркестр играл марши и мазурки. Они радовали, веселили, гнали кровь по жилам, снимали тяжесть не хуже магии. Бравурно звенела

медь труб и тарелок, флейты и гобои смягчали звон металла, а рожки и вовсе настраивали слушателя на что-то пасторальное. Музыка омывала душу, унося ужас, оставляя светлую печаль. «Светлую», — усмехнулся про себя Бутырцев, а вслух спросил Ныркова:

— Ведь молодцы, хорошо ведь, как думаешь?

— Конечно, молодцы, душа даже запела, — созвучно мыслям старшего Иного ответил молодой маг. Он тоже испытывал подъем, жизнь в осажденном городе уже не казалась ему такой зловещей. И он все чаще поглядывал в сторону барышень, гадая, которую из них он мог бы назвать своей дамой сердца: вон ту притворную скромницу с маменькой-наседкой или совсем юную девушку, зябко кутающуюся в розовую ротонду, которую «сторожили» два серьезных широкоплечих лейтенанта, похожих друг на друга и на… сестру?

Музыка стихла, оркестранты взяли перерыв и теперь стояли, переговариваясь и поправляя что-то в инструментах. Дозорные подошли к музыкантам. Ближе к ним стоял высоченный светловолосый трубач-капрал. Он заботливо протирал свой блистающий инструмент, попыхивая трубкой. Трубки очень любили севастопольские

матросы, теперь и солдаты переняли у флотских эту моду.

— Скажи-ка, братец, какого полка оркестр будет, вижу, что гусарского, но не пойму которого? — поинтересовался Бутырцев, не вполне разглядев знаки на форме музыкантов.

— Киевского гусарского полка, ваше высокоблагородие! — вытянувшись во фрунт, отрапортовал бравый капрал, по-солдатски растолковав знаки коллежского советника на петлицах мундира «офицера».

— Так это же ваш полк нынче храбро дрался в Балаклавском деле с драгунами англичан?

— Так точно, вашвысбродь! Мы, — еще шире расправил плечи трубач.

— Теперь здесь музыкой публику потчуете? — удивился Лев Петрович. — Да вам сносу нет! Железные вы, чай?

— Обычные, из костей и мяса, — под общий смех пошутил кто-то из оркестрантов.

— Мы и в Альминском бою были, — добавил седой барабанщик.

— И ты в строю был? — продолжал опрашивать бравого трубача Бутырцев. — Да ты кури, голубчик, кури.

— Знамо дело, вашвысбродь, без трубачей ка-

кой же строй? — солдат даже удивился нелепому вопросу.

— Известно ли вам, братцы, что штуцерники в первую очередь выцеливают офицеров, а во вторую сигнальщиков: трубачей, барабанщиков?

— Как же, знамо дело, — рассудительно отвечал трубач. — Сегодня Петра Бойко убили, навылет грудь прошило. Мы ведь приказы своими трубами передаем. Без нас делу труба, — невольно скаламбурил он.

— И все равно идете в бой?

— Как не идти? Кто же сигнал к атаке исполнит? — удивился непонятливости заезжего господина капрал.

— Так и ретираду трубить сегодня пришлось, — вступил в разговор Нырков. — В чем же разница?

— Пришлось. Но атаку я трублю с радостью, а отступление — с сердечной печалью, — поделился пониманием своего ремесла музыкант.

— Поняли, господин мичман? Как тонко и точно сказано! Порадовал, братец. Как же звать тебя? — У Бутырцева от слов капрала даже настроение улучшилось.

— Капрал Скиба, вашвысбродь! Антоном родители нарекли, — сконфузился от похвалы

капрал.

— Ждет ли тебя кто дома? Жена аль родители?

— Не женат я. А маманя ждет. Сын нашего барина в нашем полку служил. Поручик Петровский. Он перед войною в отпуске был, иконку от мамани моей передал, не погнушался просьбу простой бабы выполнить, царствие ему небесное, еще в Альминском деле голову сложил.

Помолчав несколько секунд и думая о чем-то давнем, Бутырцев подошел впритык к капралу и сказал:

— Ты вот что, Антон Скиба, ты уж порадуй меня, братец, выживи, вернись с этой войны к матушке своей живым. Сдюжишь? — и, повернувшись к Ныркову, попросил: — Филипп Алексеевич, дайте ему целковый из казенных денег, я свой кошелек не захватил.

— Так пропьет же, Лев Петрович! — удивился щедрости Темного Светлый.

— Конечно, пропьет. Вы уж, братцы, помяните товарищей, что головы за царя и за Севастополь сложили, — добавил он, обращаясь к музыкантам.

— Благодарствуем. Не извольте беспокоиться, ваше высокоблагородие, помянем, — нестройно отозвались оркестранты.

— Сдюжу, — твердо пообещал минуту спустя Скиба в спину офицерам.

Бутырцев его услышал.

* * *

Когда в темноте они подходили к дому на Морской, Бутырцев поинтересовался у Ныркова:

— Филипп, а ты, часом, не услышал сегодня там, на Сапун-горе, в шуме магического фона звонкого голоса трубы?

— Нет, Лев Петрович, не припоминаю такого, — подумав, отвечал Нырков.

— Странно. И никто из других дозорных на это не указал. Неужто мне почудилось?

Глава 10

I

Не сумев сразу овладеть Севастополем, союзники начали планомерную осаду города. Русские понимали, что пока у интервентов есть слабые места, а собственные войска свежи, надо попытать счастье в большой битве. Хорошим ударом рассечь позиции противника, расстроить его планы. Назревали серьезные события.

Немудрено, что двадцать четвертого октября мичману Ныркову случилось побывать в самой гуще событий. Вопреки надеждам Бутырцева на то, что морскому офицеру нет никакой возможности там оказаться. В тот день состоялась одна из самых кровопролитных битв Крымской войны — Инкерманское сражение.

Накануне Лев Петрович, будучи в штабе Меншикова, случайно узнал от адъютанта светлейшего, что поутру затевается большое дело, колонны уже собираются к местам дислокации. Но не предстоящая битва занимала адъютантский ум, а прибытие в армию сыновей Государя: Михаила и Николая. Меншиков по этому случаю

нервничал. Стремясь обезопасить себя и царских детей, желал дать сражение до их приезда, поэтому изо всех сил подгонял только что прибывшие из Южной армии, стоящей в Молдавии, и не разбирающиеся в здешней местности полки. Даже командующие колоннами генералы Саймонов и Павлов толком не знали ни дорог от бухты на высоты к югу от Инкермана, ни расположения сил неприятеля. Но великие князья приехали в Севастополь аккурат к сражению, что никак не способствовало спокойствию главнокомандующего.

Бутырцев даже обрадовался своему неведению о наступлении — перебежчики из русской армии, в основном из поляков, тоже ничего существенного не смогут выдать неприятелю, как это частенько случалось. Он решил не ставить в известность другие Дозоры об этом деле, собираясь лишь назавтра ментально оповестить коллег о необходимости пристального слежения за происходящим. Что касается Ныркова, то Лев Петрович не собирался брать его с собой. Мичман после ранения вернулся к выполнению своих обязанностей ординарца, в день такой баталии ему найдется работа. Да и толку от слабого мага в наблюдении за магическим фоном было ма-

ловато.

Лев Петрович много думал и принял решение побывать в деле непосредственно в рядах наступающих русских войск, понять, может ли простой Иной удержаться от применения магии в такой оказии. Да и другие резоны сподвигли его на такую авантюру — были у него сомнения по поводу стороннего влияния на Иных.

К двум часам ночи он присоединился к Тарутинскому полку одиннадцатой дивизии генерала Павлова. В полку как раз выдали обед: кашу с мясной порцией и по чарке водки. Настроение у тарутинцев было бодрое, солдаты рвались принять участие в битве и взять «его» на штыки.

Но время шло, и настроение потихоньку улетучивалось. Занудный дождик поливал полковые колонны все время долгого ожидания переправы через бухту, шинели пропитывались влагой и наваливались пудовой тяжестью на плечи. Тарутинцы топтались на месте, месили грязь на топких в этих местах берегах. Флотские, наводившие мост, пригнали части его конструкции по бухте еще ночью, но до самого утра возились, не умея собрать доставленное воедино. В это время с вершин холмов, не двигаясь ни назад, ни вперед, уже гремела пушечная канонада и

ружейные залпы — полки генерала Саймонова, подобравшиеся вдоль Килен-балки к английским позициям, бились насмерть с британцами.

Бутырцев с началом русского наступления оповестил глав Дозоров о начинающейся битве и ушел в себя. Как и недавно на Сапун-горе, он слушал кипящий от заклинаний магический фон. Иные, попавшие в жернова сражения, исподтишка использовали обычную защиту: ставили щиты, отводили удары, разряжали амулеты против пуль и ядер. Сразу дошло дело и до магии целительной. Но нескольким Иным никакое врачевание помочь уже не могло — битва разворачивалась гораздо более кровопролитная, чем Балаклавское дело.

Лев Петрович, закрывшись от наблюдения, дергался, не находя себе места. Зачем тут Иные? Что гонит на смерть тех, кто может жить долго и благополучно? Эти две недели в Севастополе измотали его. Нет, физически он чувствовал себя прекрасно, да и магической Силы в нем было столько, что хоть на бой с каким-нибудь неопытным (ха!) Высшим выходи. Но он истерзался душою, не понимая ни сути своего здесь присутствия, ни ненужной гибели такого количества Иных. За полтора века его отношение к жизни

простых людей сделалось почти равнодушным, но жизни Иных, Темных и даже Светлых, ему никогда не были безразличны. Никогда и никого из магических противников он не убил с легкою душою. Ему всегда казалось, что этот волшебный дар, данный Иным, надо беречь, и гасить огонек такой жизни нельзя попусту. Даже если это был вампир, тронувшийся умом от неутолимой жажды.

Бутырцев иногда входил на минуту в Сумрак и смотрел на его возмущения. Ничего необычного на первый взгляд. Но приводил в трепет вид нескончаемой реки синего мха, этого паразитирующего на эмоциях нечто, текущего на стоящие перед ним высоты, где для него так много обильной дармовой пищи.

Наконец переправились через реку и двинулись наверх полки дивизии Павлова.

II

Филипп рано поутру был отправлен Нахимовым на второй бастион с пакетом. Он вызывался съездить на шестой бастион — прослышал, что там готовится большая вылазка на французские позиции для подкрепления действий русской армии, которая начала наступление на далеких

Инкерманских высотах. Но начальство распорядилось иначе.

Заспанный Нырков тащился на полуголодной кляче — в городе было катастрофически плохо с фуражом — по Пересыпи в конце Южной бухты, когда со стороны розовеющей восточной части неба, где-то там, далеко за Малаховым курганом и, пожалуй, даже за Килен-балкой, начало громыхать. Филипп откровенно обрадовался этому: он ехал на второй бастион, вблизи которого затевалось что-то важное. Если ему повезет, то, передав приказ командиру бастиона капитан-лейтенанту 36-го флотского экипажа Ершову, он сможет поучаствовать в бою. Сколько же можно только чужие рассказы слушать, пора и самому отличиться. Или даже пасть с честью!

По молодости в последнее не очень верилось. Даже ранение в руку не произвело отрезвляющего впечатления на молодого Светлого. Казалось бы, сколько уже успел повидать на батареях, на бастионах, на полях Балаклавской битвы, где сейчас пировали черные стаи падальщиков: воронов и грифов. Не впечатляли его и частенько встречающиеся на дорогах города фуры, везущие груды трупов для отправки на кладбище, что на Северной стороне. Людей было жалко, да. Иных

тоже. Иных он из числа людей не исключал.

Но он, Филипп Нырков, не должен быть убит никоим образом! Как же иначе? Зачем тогда весь этот мир, если его не будет? Нет, он погибать не собирался. Даже не думал, что ему может оторвать ногу ядром или хирург отрежет искалеченную взрывом бомбы руку. Нет, это не для него. Ему предстоят еще подвиги и свершения.

Даром предвидения Нырков не обладал, даже линии судьбы, или линии вероятностей, как в последнее время стало модным в среде Иных их называть, толком просматривать не умел. Но тут все свершилось, как ему грезилось.

Доставил он Ершову пакет, и капитан-лейтенант его отпустил, попросив не в службу, а в дружбу заехать на обратном пути на Малахов и передать записку адмиралу Истомину. Филипп тут же стал интересоваться у офицеров, что за битва происходит неподалеку. Со второго бастиона Килен-балка хорошо просматривалась почти на всю длину. Начиналась она от узкой и глубокой Килен-бухты, где было так удобно ставить на киль корабли и чистить их от ракушек. И где-то там, в самом конце этого извилистого оврага с крутейшими скальными скатами, шла ожесточенная битва. Там же в верхах балки, насколько

позволяло разглядеть зрение и серый день, толклись русские роты. Они туда добрались по дну этой трещины средь севастопольских холмов, но никак не могли выбраться на поле боя. Вдоль дальнего края тоже виднелись залегшие русские. На бастионе никто не мог понять, что происходит, куда нацелена эта масса людей и почему они не принимают участие в битве. Кто-то сказал, что это наши резервы. Даже признал дивизию генерала Жабокритского: Владимирский, Суздальский, Углицкий, Бутырский полки с артиллерией.

«Вот и «именной» полк Льва Петровича подошел. Самого бы его сюда», — подумалось Ныркову.

Пяток минут посмотрев на неорганизованное движение русских войск, мичман оседлал свою кобылку и неспешным шагом двинулся в сторону Малахова холма, видневшегося к югу от бастиона.

Ехал он недолго. Возможно, вид этого беззаботного всадника оказался обидным для какого-то артиллериста союзников или самоуверенность Ныркова притянула к нему беду, но дурная бомба из тяжелого осадного орудия прилетела не на бастион или на Малахов курган, а к юному мичману. Конечно, скорее всего, неприятельскому

артиллеристу что-то, возможно, даже атака русских, помешало прицелиться, и бомба была самая что ни на есть шальная. Но Нырков впоследствии гордо утверждал, что стреляли именно по нему — офицеру, везущему важный приказ. Пойди проверь, так ли это. Бомба была? Была. Никого вокруг не было? Не было. Значит, стреляли именно по нему. Свидетели со второго бастиона могут подтвердить.

Филипп потом никому, кроме Бутырцева, не говорил, что получил сильную контузию, привалился в беспамятстве к холке лошади, и бедное животное с перепугу изо всех сил понесло еле живого наездника по левому краю Килен-балки вверх, туда, где шел ожесточенный бой.

Как лошадь не переломала ноги, несясь вдоль убийственного оврага? Непонятно, почему никто из англичан, на позиции которых она выскочила, не перехватил ее, не взял в плен русского моряка-кавалериста. Но случилось именно так — полуживой Нырков очнулся, сидя верхом, в центре боя.

Солдаты Томского полка дивизии генерала Саймонова шли здесь в штыки на английских пехотинцев бригад генералов Пеннефетера и Кодрингтона. Их встретил разящий огонь британ-

ской артиллерии, но томцы лишь сомкнули ряды и пошли дальше на редут. Очумевшая лошадка Ныркова потащилась вслед за русскими. Филипп начал приходить в себя, нащупал в кармане амулет, позволяющий восстановиться, и выпил из него Силу до дна. Голова прояснилась, он смог выпрямиться.

Выпрямился и понял, что из огня взрыва бомбы попал в полымя атаки на вражеский редут. В этот момент его кобылка наконец засипела, выдувая кровавые пузыри из ноздрей, и пала. Моряк еле успел соскочить с тяжело рухнувшей туши.

Дальше Филипп Алексеевич все успевал делать в самый последний момент. Он успел выстрелить из пистолета в бросившегося на него британца. Он успел проскочить пространство перед редутом до того, как орудие, которое, казалось, целилось именно в него, выстрелило. Но оно не выстрелило — вместе с солдатами Филипп ворвался в укрепление и штыком ружья, невесть каким образом оказавшегося у него в руках, лично заколол вражеского артиллериста.

Нырков огляделся — отчаянные томцы добивали артиллерийскую прислугу. Кругом валялись убитые и раненые, русские с англичанами вперемешку. Все были в мокрых тяжелых ши-

нелях — сразу и не отличишь. На фоне стонов, криков боли и ярости слышался чистый звон — несколько солдат заклепывали два захваченных британских орудия.

Где-то в стане противника запели трубы, и их гулко поддержали барабаны. Опытный офицер понял бы, что англичане отнюдь не бежали, не повержены, что сейчас последует контратака на русских. Но петербургский дозорный не был ни опытным, ни пехотным командиром. Он и морским-то офицером был без году неделя.

Филипп совсем забыл о том, что он Иной, что может прямо сейчас воспользоваться еще одним амулетом, который укроет его пологом невидимости. Что можно поставить магический щит — Силы у него сейчас много, что можно если не сбежать, то с достоинством ретироваться с поля боя, вернуться к обязанностям дозорного — стороннего наблюдателя происходящего.

Нырков огляделся — поблизости русских офицеров не было, даже унтеров не осталось среди тех, с кем он шел на редут. Выходило так, что командовать надо ему. И он скомандовал как умел:

— Ребята, сомкни ряды! Заряжай! Цельсь!

Ничего не оставалось, как умереть с честью. Но умирать не хотелось.

* * *

Нырков пришел в себя от жгучей боли в боку, когда четверо солдат-томцев несли его на носилках по старому почтовому тракту вниз к бухте.

— Очнулись, ваше благородие? — спросил его седой дядька-капрал с забинтованной правой рукой.

— Пить… — Филипп еле смог выдавить запекшимися губами незнакомые звуки. Лицо его было мокро, дождь продолжался, но жажда мучила неимоверно. «Опять потерял много крови», — вяло отметил Нырков. Подумал как бы со стороны, не о себе.

— Стой! — скомандовал солдат товарищам. — Ожил наш командир, пить просит. У кого вода есть?

Поднесли флягу к губам, приподняли голову, благодатная жидкость смочила шершавый пересохший язык, живительно наполнила ободранное горло. Филипп поперхнулся, закашлялся. Тут же отдалось новой болью в боку.

— Будет жить, точно! — обрадовался капрал. — Я таких перевидал. Этот жилец, точно говорю.

— Как там… — вяло поинтересовался раненый.

— Светопреставление, — коротко и емко сфор-

мулировал ветеран. — Еле отбились, екатеринбуржских в овраг британец опрокинул. Наши, кто жив остался, почитай, все ранетые. Мне вот руку прострелили. Вам, ваше благородие, поклон земной — вовремя вы командовать начали, многие к нам прибились, больше роты, почитай, набралось, а это уже сила.

И наклонившись, добавил шепотом:

— Я тебя, ваше благородие, малость поправил амулетиком, так что не помрешь, Светлый. Да и я еще поживу.

«Оборотень», — понял Ныркoв, теряя сознание. Но успел сказать:

— Спасибо тебе, братец…

III

Ныркoв был ранен, когда британцы в кровавой атаке выбили томцев из редута. Русские отступали, огрызаясь огнем и бросаясь в штыки. Потери с обеих сторон были невиданные.

Но битва еще только разгоралась. В тумане из низко осевших облаков Бутырцев вместе с Тарутинским полком к восьми утра взобрался на холмы, стоящие к югу от бухты. Бросились в штыки, вторично взяли вражеский редут и продвинулись до северного края Сапун-горы.

Это облегчило положение полков одиннадцатой дивизии. Ее командир, генерал Саймонов, вместе с большим количеством своих офицеров был убит еще в самом начале дела. По сути, полки колонны, в которой был Лев Петрович, выручили зачинщиков дела — полки, в рядах которых бился раненный к тому моменту Ныркoв.

Но англичане понимали, что им никак нельзя пропустить русских в глубь Инкерманских южных высот, к тылам на Сапун-горе. Они пошли в контратаку на тарутинцев. Опять обагрились штыки и приклады. Бутырцев, не принимавший непосредственного участия в схватках, был завязан в узел неимоверной боли — наблюдение за лихорадочными всплесками магического фона давалось ему нелегко: тут и там получали ранения Иные, срабатывали защитные амулеты и заклинания. Когда погибал Иной, он, вслушивающийся в эту магическую свистопляску, получал жуткий удар по обострившимся нервам. А Иные погибали, погибших было явно больше, чем при Балаклаве.

Совсем худо стало Бутырцеву, когда среди прочего он уловил немой и отчаянный крик оседающего на землю Филиппа. Кто он ему? Обычный молодой русский Светлый из бедных

столичных дворян — патриот России, слуга Государю, романтический юноша, мечтающий о подвигах, славе, богатстве, любви. В меру умный, чересчур доверчивый, верящий в идеалы. Немного ловелас, но ради чести дамы готов жизнь отдать. Ненавидящий Темных, из-за козней которых божественный Свет не доходит до всех людей. Вот, поди ты, — прикипел к щенку старый Лев, будто к сыну. И эта дурацкая боль…

Долго вслушивался Лев Петрович, позабыв обо всем, боясь услышать последнее дуновение уходящего Иного Филиппа Ныркова. Но услышал слабенькое трепыхание сердца, уставшего, истерзанного болью, но живого. Даже чужую поддержку учуял, так вслушивался, оттолкнув от себя все остальное.

* * *

Между тем на подмогу тарутинцам пришел Бородинский полк, оттеснив англичан. Британцы отступили на пятьсот шагов и огнем своих штуцерников положили целые ряды русской пехоты. Артиллерия неприятеля тоже наносила чувствительный урон русским полкам. Из резервов подтянулись новые английские бригады. Но потерявшие почти всех офицеров ополовинен-

ные русские полки раз за разом шли в штыковые атаки.

К девяти часам утра… «Всего-то! Когда же это закончится…» — пронеслось в голове Бутырцева, когда он бросил взгляд на свои карманные часы… наши установили до сорока орудий на Казачьей горке. Англичане, вновь овладевшие редутом номер один, тоже не отстали от русских — привезли в основательно порушенное укрепление три десятка пушек. Успели вовремя, и атака Охотского полка была в упор встречена шрапнелью британской артиллерии. К плотному туману добавился дым от орудийных выстрелов. Пришло время и этому полку показать, чего стоит русская пехота. Охотцы, в сотни глоток даже не выкрикивая, а рыча «ура!», взяли в штыки редут и успели заклепать девять орудий, прежде чем на них насели войска генералов Бентинка и Каткарта. Генерал Бентинк тут же был тяжело ранен, погибли двенадцать офицеров, но шотландская гвардия охотцев из редута выбила.

Селенгинский и Якутский полки в постепенно тающем тумане с новой силой навалились на первый редут, расстреливая и встречая штыками шотландцев в медвежьих шапках. Стоны раненых сливались в гул, заглушающий орудийную

пальбу. Тела у разбитых строений громоздились в три слоя, там были еще живые люди, но никому не было до них дела. Те живые, которые еще держались на ногах, с остервенением пытались навалить поверх четвертый слой тел.

Охотский полк выбил британцев из второго редута.

Редуты несколько раз переходили из рук в руки. Голыми руками русские пехотинцы и британские гренадеры душили друг друга, хватали из-под ног камни и били ими друг друга, а то и просто кидали во врага. Повергнув противника, отыскивали упавшие ружья и сабли и били, кололи, рубили человеческие тела дальше.

Офицеры силой и криком останавливали бегущих обезумевших солдат, собирали вокруг себя, ставили под знамена и вновь вели в бесконечные атаки. Схватывались с неприятелем, орудуя саблями, кинжалами, а то и кастетами с дубинками.

Все было одинаково у русских и англичан.

Британцы подтягивали и бросали в бой последние резервы из ближайших бригад и дивизий. Генерал Каткарт дробил свою дивизию, поротно и побатальонно затыкая бреши в британской обороне. Герцог Кембриджский галопом носился по всем британским частям, еще не вступившим

в бой, и собирал подкрепления.

Французы пока не вмешивались в битву, ждали приказа своего командующего. Отряд Горчакова, который еще со времен Балаклавского сражения стоял в долине перед Сапун-горою, в битве участия не принимал: лезть на приступ Сапуна казалось генерал-лейтенанту делом безнадежным. Полки Жабокрицкого отсиживались в Килен-балке, но несли потери от штуцерников, осыпающих их пулями сверху. Эх, если бы Меншиков и Жабокрицкий были решительнее!..

Лорд Раглан бросил остатки дивизии Каткарта на поддержку гвардейцев.

Уже проглядывало солнце, многие солдаты сбросили шинели. В традиционных красных мундирах англичане стали отличными мишенями для русских стрелков, которые неожиданно оказались в тылу британцев. Русские дали убийственный залп в спину красномундирников. Англичане оказались зажаты в плотном кольце. Практически никто из них оттуда не выбрался. Там же полегли последние генералы и офицеры. Джордж Каткарт был не согласен с планом однорукого Раглана, но приказ выполнил до конца. До своего конца — он получил пулю в лоб.

Мясорубка на пятачке продолжалась с попе-

ременным успехом. Солдаты с обеих сторон изнемогали от усталости. Бутырцев, пытающийся выжить в этом аду, был вынужден убивать тех вражеских солдат, кто случайно налетал на него. Он не мог покинуть проклятое место — куда бы он ни двигался, все время попадал в крутую переделку. Он даже пробовал уходить с группами раненых, но все время приходилось с кучкой солдат защищать спины уходящих.

Многие солдаты просто валились на землю, прячась за какими-нибудь укрытиями, и офицерам не было никакой возможности заставить их подняться и идти на противника. Да и офицеров оставалось все меньше и меньше.

Постепенно среди русских наметилось движение вниз в долину, туда, откуда пришли. Люди исчерпали запас прочности, и было трудно просить их держаться. Никто не приходил им на помощь. «Где Жабокрицкий, где Горчаков? — отчаянно спрашивал пустоту Бутырцев. — Чуть-чуть нажать, и англичане побегут. Тогда русский клин между британцами и французами будет не выбить». Но не шли на подмогу резервы. Бутырцев знал наверняка, что силы есть, что они выделены для этого дела. Он даже знал, ментально пробившись к своему заместителю Суровкину,

что на другом краю обороны в районе шестого редута отряд генерала Трофимова собрал на себя немалые силы французов, что солдаты Минского полка дерзко атаковали французские траншеи и овладели ими.

«Почему же нет подкреплений?» Этот вопрос занимал умы русских солдат.

IV

Англичане сумели погнать русских вниз, в долину. Упоение кровью достигло накала, сравнимого с чувствами взбесившегося вампира. Напрасно герцог Кембриджский отдавал приказы вернуться в строй. Его мало кто слушал.

В спину его отряду вышли русские батальоны, только что разбившие дивизию Каткарта. Кузен королевы Виктории сумел собрать последние остатки самообладания и вывел свой штаб из окружения. Ему это дорого обошлось — внук Георга III и тоже Георг, а именно Георг Вильям Фредерик Чарльз, герцог Кембриджский, граф Типперари, барон Куллоден, потерял лошадь, был ранен в руку, контужен и тронулся умом.

Бутырцев был своеобразным провидцем — случались у него редкие, не очень точные озарения. Узнав впоследствии от главы английского Дозора

сэра Джеймса о несчастье, постигшем двоюродного брата королевы, Лев Петрович заявил, что не стоит переживать о не сложившийся судьбе страдальца. Что *Duke of Cambridge* в будущем станет фельдмаршалом и главнокомандующим британской армией, первым, кто займет через многие десятилетия этот пост после фельдмаршала семи стран великого Веллингтона, победителя при Ватерлоо. И совсем в далеком будущем мелькнуло перед внутренним взором Темного молодое лицо очередного *Duke of Cambridge* по имени Уильям, в день свадьбы уже принца Уэльского.

* * *

К этому моменту у англичан оставалось не более девяти тысяч человек живой силы, но наконец-то соизволили вступить в бой французы. Силами, примерно равными общей численности англичан. Русские полки, потерявшие до трети личного состава, все же собрались для удара по «туркам», за которых солдаты приняли африканские части французов. Якутский и Охотский полки мощной фронтальной атакой сумели потеснить врага, отбили два орудия. Селенгинский полк насел на англичан на левом фланге.

Бутырцев опять не смог уйти из наступающих

колонн и был вынужден принять участие в этой безумной попытке переломить ход битвы в пользу русских.

Но переломить не получилось. Не было подкреплений, военачальники дружно устранились от принятия решений. Корпус П. Д. Горчакова, усиленный 12-й дивизией генерала Липранди, бездействовал в долине. Причем Петру Дмитриевичу дали всю конницу севастопольской армии: три драгунских полка, сводный полк улан, два гусарских полка и десять сотен казаков. Двадцать две тысячи личного состава и около девяноста орудий. Князь Горчаков ждал приказа от другого князя, Александра Сергеевича Меншикова, который в свою очередь полагал, что корпусной командир сам догадается принять решение об атаке.

Генерал Осип Жабокрицкий, участник сражения под Лейпцигом и Венгерского похода, тоже так и не ввел силы своих резервов в сражение.

Другой русский генерал, Данненберг, не смог собрать разбитые полки погибшего в начале дела командующего одной из двух колонн русских генерал-лейтенанта Федора Ивановича Саймонова, приказал отступать и спокойно уехал в Севастополь. Погибли несколько полковых командиров

и многие обер-офицеры. Управлять войсками было некому. Владимирцы ретировались в панике, оставшись без своего полковника Дельвига, получившего ранение.

Об этом Бутырцев узнал позже. Пока что он отступал в арьергарде среди перемешавшихся батальонов тарутинцев и бородинцев. Колонны медленно ползли вниз к бухте, унося раненых и забрав с собою всю артиллерию, не потеряв ни одного из шестидесяти четырех орудий, бывших в деле, ни одной целой фуры. Стекались к мосту, к плотине на реке Черной. По ним вели огонь английские орудия. Британцы и французы то и дело норовили атаковать. Тогда русские разворачивали фронт и давали отпор, огрызаясь до последнего. Легкораненые в большинстве своем не покидали строй. Через головы арьергарда вела огонь по врагу дальнобойная артиллерия пароходов «Херсонес» и «Владимир».

* * *

Через несколько недель сэр Джеймс даст Бутырцеву почитать номер лондонской газеты «Морнинг кроникл». Корреспондент писал об этом отступлении: «…в их рядах незаметно было ни малейшего колебания и беспорядка. Поражае-

мые огнем нашей артиллерии, они смыкали ряды свои и храбро отражали все атаки союзников, напиравших на них с фронта и фланга. Минут по пяти длилась иногда страшная схватка, в которой солдаты дрались то штыками, то прикладами. Нельзя поверить, не побывав очевидцем, что есть на свете войска, умеющие отступать так блистательно, как русские.

Преследуемые всею союзною полевой артиллерией батальоны их отходили медленно, поминутно смыкая ряды и по временам бросаясь в штыки на союзников. Это отступление русских Гомер сравнил бы с отступлением льва, когда, окруженный охотниками, он отходит шаг за шагом, потрясая гривой, обращает гордое чело к врагам своим и потом снова продолжает путь, истекая кровью от многих ран, ему нанесенных, но непоколебимо мужественный, непобежденный».

V

Страшны были потери обеих сторон. Герцог Кембриджский, сказавший после первого сражения, когда экспедиционные войска коалиции сбили русскую армию с позиций на берегах Альмы: «Еще одна такая победа, и у нас не останется армии», даже не мог себе представить, что даже

не за победу, а за удержание статус-кво можно заплатить такую высокую цену.

В тот день в английском лагере повсеместно был слышен плач овдовевших британских женщин, сопровождавших своих мужей-солдат в этот бездушный и гибельный Крым.

Русских солдат полегло больше, чем солдат союзников. Поле боя было усеяно не только трупами, но и тяжелоранеными. Англичане, собрав тела своих офицеров, подобрав своих раненых, несколько дней хоронили погибших. Русских раненых, которых во множестве находили среди камней и кустов, сносили к палаткам лазаретов, где большинство испускало дух, так и не дождавшись помощи. Медицинская служба англичан была поставлена из рук вон плохо и испытывала страшный недостаток во всем.

Русских хоронили в общих могилах, стаскивая трупы и сваливая в ямы как попало. Для этих работ британцы в основном использовали турок. Людей не хватало, и союзники просили Меншикова помочь похоронными командами. Князю после неудачи дела, которое он так любовно планировал и на которое делал основную ставку, было уже не до покойников, он и живыми-то не сильно интересовался. Все знающий сэр Джеймс

поведал Бутырцеву, будто русский главнокомандующий заявил, что по правилам ведения войны павших хоронит тот, за кем осталось поле боя.

Бутырцев уговорил глав Дозоров сделать вылазку на поле боя и лично осмотреть его. Даже на третий день здесь было слишком много неубранных трупов, в большинстве своем русских солдат. Тела лежали в самых причудливых позах — смерть не старалась быть красивой. Этот в последние мгновения жизни цеплялся за землю, как за последнюю надежду, а тот умер с такой гримасой боли, что смотреть было жутко. У другого в руке был обломок ружья с измочаленным прикладом, его погибший товарищ лежал рядом, зажав в руке булыжник, повернув к небу голову с отсутствующим лицом. Сэр Джеймс вскользь и весьма холодно заметил, что русские добивали раненых англичан штыками. На что Лев Петрович ответил, что русские штыковые раны оставляют мало шансов выжить даже при хорошей медицинской помощи, и чтобы солдаты противника не мучились, русские их милосердно добивают. В отличие от гуманных союзников, которые просто оставляют русских раненых умирать на поле боя, даже не озаботившись напоить их.

Осмотрели место тщательно, в мире настоящем и в Сумраке. Ничего, кроме следов боли и страдания, не нашли.

Бутырцев все же вынес из этой скорбной местности троих обнаруженных среди тел умирающих русских солдат, до которых никому не было дела. Сэр Джеймс позволил Льву Петровичу забрать их с собой. Даже выделил двух турок в помощь. Как он себе представлял их переноску? Ничего, Бутырцев справился с этим за две ходки чуть ли не к бухте. Третья не понадобилась — отошел страдалец.

Как ни старались тщательно подсчитать погибших и раненых, но с точностью хотя бы до десятков человек низшие чины учтены не были: тот пропал без вести, другой объявился в плену, этот был доставлен в лазарет безымянным и там скончался. Военачальники всех армий, подавая рапорт наверх, не сильно торопились огорчить ни русского императора, ни английский парламент, ни Наполеона III. Командующий британскими силами Раглан, дабы сразу не ошеломить британское общественное мнение, дал несколько последовательных депеш, уточняя потери, увеличивая их в большую сторону. Британия содрогнулась, а лондонские газеты

впоследствии утверждали, что генерал так и не решился привести настоящее число.

Через месяц де Сен-Тресси рассказал Бутырцеву, что Наполеон III тоже подсушил официальные списки потерь, дабы избежать потрясений на бирже и не смущать французов. Более того, в честь «большой победы» был устроен салют из пушек у Дома инвалидов. Прах маршала Сент-Арно, начинавшего крымскую кампанию для французов, лежал рядом на кладбище при тамошней церкви в компании двух величайших полководцев Франции: Тюренна и Наполеона.

Считалось, что у русских убиты и ранены 10,6 тысячи солдат, у союзников — 5,7 тысячи, из них 4,7 тысячи англичан. Еще одна тонкость состояла в том, что штуцерная скоростная пуля-дура если не убивала русских солдат, то во многих случаях оставляла чистый раневой канал, позволяющий надеяться на благополучный исход лечения. Русский штык-молодец выворачивал противнику потроха и ливер. Пережить такое ранение было делом практически невозможным. Так что значительная часть раненых у интервентов впоследствии скончалась. Тем более что дальнейшие события зимы сложились для осаждающих самым печальным образом.

Офицеров погибло с обеих сторон в Инкерманском деле почти одинаково: двести шестьдесят три человека у союзников (в том числе семнадцать Иных), двести восемьдесят девять у русских (пять Иных). Перекос по потерям Иных был все из-за того же: потомственной аристократии у англичан среди офицерства было гораздо больше, чем в русской армии. По генералам у русских было преимущество: шесть погибших против одиннадцати у союзников.

Не пережил эту битву ветеран, любимый адъютант Веллингтона, участник сражений с Наполеоном под Лейпцигом и при Ватерлоо, подавивший Канадское восстание и победно закончивший в Капской колонии войну с кафрами в 1852-м Джордж Каткарт, Светлый маг шестой степени. Пуля нашла его голову, когда он собрал разрозненные части своей бригады и повел их на якутцев. Обычная пуля, как установили Дозоры.

Среди нижних чинов полегли по пять Иных с обеих сторон.

Армия союзников так и не решилась на новый штурм города до наступления зимы, хотя их было 60 тысяч против 45–50 тысяч русских.

Глава 11

I

Второго ноября 1854 года ранним утром, затемно, Лев Петрович отправился в Балаклаву к лорду Джеймсу — дозорные договорились поочередно проводить совещания в штаб-квартире каждого из объединенных Дозоров. С одной стороны — делают общее дело, с другой — надо же поглядеть, как заклятые друзья устроились, вдруг прояснится какая-то мелочь. В том, что каждый Дозор станет преследовать в Севастополе свой интерес, Бутырцев не сомневался с момента получения задания. Было понятно, что дозорные будут по возможности покрывать нарушителей Договора из числа своих Иных и пытаться обвинить неподконтрольных. Все это отчетливо проявилось после Инкерманского сражения. Мясорубка была страшной, сорвались, не соблюли Договор несколько Иных. Был наказан лишением магии на пятьдесят лет русский унтер-офицер Бородинского полка, прикрывший магическим щитом своего поручика. Аналогичному наказанию подвергся французский солдат из корпуса

генерала Боске, из зуавов, сумевший залечить смертельные раны своим двум товарищам — обычным людям. По требованию Инквизиции развоплотили шотландского гренадера-оборотня, в момент смертельной опасности перекинувшегося в медведя и задравшего насмерть троих русских солдат. Дозорным по горячим следам пришлось подчищать память свидетелям этого преступления Иного.

Рассмотрели и дело русского капрала-оборотня, того, который доставил Ныркова в госпиталь. Нашлись свидетели, видевшие, как он по двое-трое раненых за раз из Килен-балки вытаскивал и отводил, относил на дорогу к бухте. Когда капрал предстал перед судом, всем — серым, белым, черным и прочим судьям — стало понятно, что этому дядьке даже оборачиваться не надо было — богатырь мог бы и четверых по ровному месту унести. Единственный слабый целительный амулет он потратил на дозорного — не дал Ныркову потерять чересчур много крови. Пришлось отпустить русского.

Разобрали по косточкам еще много мелких магических вмешательств, за которые наказали мягко, но потом Дозоры долго сводили баланс — кто кому и сколько должен разрешить ответ-

ных действий.

Бутырцев был против чересчур суровых наказаний, в частности, он считал, что оборотням трудно контролировать себя в пылу боя, и на британца можно было просто наложить «путы» и лишить магической подпитки, чтобы он хотя бы здесь, на войне, не мог перекидываться. Да и всех известных оборотней можно «спутать» заклинаниями. Но Инквизиция решила, что нельзя лишать свободы выбора даже таких низших Иных, а Темная часть Дозоров поддержала в этом Серых. Циник де Сен-Тресси потом утверждал, что на самом деле все упирается в дороговизну «путающих» заклинаний: тратятся редкие амулеты, расходуется много накопленной Силы. Кто же пойдет на такое ради каких-то оборотней? Но вампиров пришлось удалить с театра действий: убрать из армии и отослать по домам. Одуревающие от крови упыри наливались Силой и становились неуправляемыми.

Но в чем заключаются скрытые интересы, что является истинной целью Инквизиторов и верхушки собравшихся здесь дозорных, Лев Петрович, к своему стыду, до сих пор не мог даже предположить, тем более доложить Шаркану. А московский начальник настаивал: ищи, рой зем-

лю носом, Ахрон, провоцируй — пусть противник раскроется.

Как провоцировать? Чем? Подойти к лорду Джеймсу и сказать: я все знаю? Предложить французскому приятелю якобы найденный в глубине Крымских гор артефакт? В упор спросить коварного турка, скольких Иных из крымских татар он нашел и завербовал? Устроить покушение на кого-то из Инквизиторов? Что это даст? Джеймс пожмет плечами, Шарль потребует предъявить находку для оценки, Мустафа… Допустим, он скажет, что Иные-татары — его старинные друзья, с которыми он вспоминал детство босоногое, пил чай и кушал жгучую самсу из тандыра. Серые проведут облаву на покусителя или допрос с выворачиванием мозгов того, чьи магические следы обнаружат. Конечно, можно толковое покушение организовать, такое, что и следов не найдут, главное — повод для допроса-мозголома не давать. Но в чем смысл этого? Нет, ничего толкового на ум не приходило. Может быть, потому, что разум занят постоянной мелкой работой?

В помощники в этом расследовании никто из русских дозорных не годился. Оселок, на котором Лев Петрович оттачивал свои умозаключения — Светлый Ныркoв, — лежал после серьезного ра-

нения в госпитале, слишком усердно его лечить магией Инквизиция не разрешила. Жив? Подлатали вы его? Хватит целительства, пусть дальше сам, нечего магический фон заклинаниями портить. Филипп маялся в госпитале на Северной стороне, представление его к ордену за участие в Балаклавском деле ушло в столицу, а у Бутырцева не хватало времени навестить страждущего. Но Лев Петрович лелеял надежду, что барышня, которая принимала раненого мичмана в госпитале, не останется равнодушной к страданиям юного… Филиппа. Интуиция опытного Иного, в свое время потратившего немало сил в амурных битвах, подсказывала ему, что между молодыми людьми сверкнула искорка взаимной симпатии.

Обо всем этом думал Бутырцев, проезжая в предутренней темноте через многочисленные русские, французские, английские посты в Балаклаву. Механически он то прикрывался сферой невнимания, то натягивал на себя личину, то читал в памяти караульных пароли и отзывы — все это для него было делом простым и обыденным.

Зато погода доставала. Конец октября выдался не просто ненастным — противным до невозможности. Затяжные дожди расквасили глинистые севастопольские дороги, разбитые тяжелогруже-

ными фурами. Траншеи наполнились водой по колено. На батареях и бастионах, где ежедневно ядра и бомбы перепахивали грунт, а каждую ночь велись земляные работы — ремонт дневных повреждений, земля превратилась в болото. К тому же стали задувать холодные ветра с моря, а по ночам дождик оборачивался колючим злым снегом. Русские караульные мерзли, что уж говорить о союзниках, особенно турках.

Адъютант Меншикова обмолвился, что Государь в одном из своих писем светлейшему писал, что надеется, что осенние шторма, издавна известные плавающим в Понте Эвксинском нациям, изрядно затруднят союзникам подвоз припасов и снаряжения, а то и потреплют их флот.

«На бога надейся, да сам не плошай!» — напомнил в тот день опытный сухопутный вояка Бутырцев излишне восторженному адъютанту.

II

Сейчас тоже дул юго-западный порывистый ветер, и холодные колючки снежного дождя впивались в лицо всадника. Бутырцев плотнее закутался в шинель и надвинул фуражку на самые уши. Но ветер не унимался, становился настойчи-

вее и нахальнее. Барометр на метеостанции, что была оборудована на Павловском мысу между Севастопольской и Доковой бухтой, падал третий день подряд, что говорило о приближающейся буре. Дернул же его черт за язык, когда он предложил устраивать совещания с рассветом, чтобы подводить итоги дознаниям, которые дозорные обычно устраивали в войсках по ночам. «Надо же, в Ночной Дозор записался!» — Бутырцев даже рассмеялся этой очевидной нелепости.

Выезжая через Сапун на дорогу, стекающую со склона горы змейкой вниз, Лев Петрович обострившимся зрением посмотрел в сторону Балаклавы. Увиденное его не порадовало. От невидимого отсюда городка, спрятавшегося в узкой долине между скалистыми высотами, и до Кады-Киоя раскинулись конусы армейских палаток англичан и отчасти турок. Сейчас они выгибались ему навстречу, то тут, то там распахивая полог и трепеща полотнищами на усиливающемся ветру.

Кобыла Бутырцева уже с трудом шла против стремительного воздушного потока, который вскользь бил ей в правый бок, норовя своротить с дороги, сбросить вниз со склона. Лев Петрович припомнил простое заклинание воздуха и окутал

себя вместе с животиной невидимым мешком со спокойной атмосферой. Лошадка благодарно вздохнула и пошла резвее. Маг опять посмотрел в сторону Балаклавы. И обомлел.

Всякое он повидал в своей жизни: магические битвы, закончившиеся ураганами и бурями, воронку вихря, обещавшего проглотить город, тонущий в волнах град Петра, рушившиеся скалы и взрывающуюся гору, когда верхушка новорожденного вулкана взлетает в воздух, и на ее месте в клубах пепла и дыма начинает расти огненный столб. Но такое он видел первый раз.

Со стороны Балаклавы выпорхнули и понеслись стаей белокрылых… простыней палатки с мелкими пташками — листами бумаги. За ними катились, периодически перепархивая, а то и воспаряя, предметы, совсем не склонные к полетам: бочки, тюки с сеном, оторванные ветки деревьев, обломки досок, даже камни. Вал из вещей катился по долине к северу. Наперегонки неслись, стараясь опередить друг друга, небольшой котел и барабан. Косяк кур, выметенных ураганом из непрочного сарая, летел вслед одуревшему барану, истошно кудахча. Последним из птичьего племени несло петуха. Перья хвоста кочета задирались до самой головы. Куриного

предводителя крутило в воздухе, но он молчал.

Почему-то молчание петуха окончательно добило Льва Петровича. Он плотнее запахнул воздушный кокон и продолжил свой путь в Балаклаву, из которой ураган со всей очевидностью решил вымести все добро в сторону русских позиций у Чоргуни.

Ураган быстро пронесся и ушел дальше через Мекензиевы горы на север, оставив после себя недобрый ветерок. Можно было снять заклинание. Небо посветлело, солнце выглянуло в разрывы между рваными клочьями облаков. На сердце и в воздухе потеплело, лошадка перешла на рысцу. Вот уже и край лагеря, и до Балаклавы рукой подать.

Тут только Бутырцеву открылась полная картина разрушений.

Устоявших палаток практически не было. Сараи, бараки, склады стояли без крыш. Те, что уцелели. Повсюду валялись вещи, снаряжение: кастрюли и кружки перемежались тряпками, в которых с трудом угадывались одежда и белье. Врытые в землю столы были опрокинуты, нелепо уставившись в небо облепленными землей ножками, стулья громоздились кучами, будто их было решено отправить на дрова. Посреди дороги

лежали туши овец — небольшую отару, которую выгнал на дорогу ураган, прибило поваленными высокими пирамидальными тополями, опрокинутыми, как неустойчивые свечи в канделябре.

Ошеломленные люди приходили в себя, пытаясь понять, где искать свой скарб и где же теперь жить.

Но налет урагана оказался всего лишь увертюрой к симфонии стихии.

Сначала с юго-запада, из-за скалистых гор, окружающих городок, вслед первому порыву надвинулись тучи. Точнее, одна большая черная сердитая донельзя ТУЧА. Подошла, ощетинилась заледеневшими змеями молний и начала бить ими по земле, бухте, горам. В сгустившейся тьме она зверствовала, освещая все вокруг, грозясь погубить огнем. Поджечь ничего не смогла и тогда обрушила на Балаклаву страшный ливень. Вода валилась вместе с небом на землю, а холодный ледяной ветер загибал потоки вдоль земли и бил этими струями все, что еще пыталось устоять. На земле воцарился сумрак. Не тот, невидимый людскому обычному глазу, а обычный. Но уж очень пакостный.

Бутырцев всерьез забеспокоился о себе и лошади. Подпер заклинанием уцелевшую стену

какого-то сарая, затащил на подветренную сторону кобылу, сам привалился спиной к боку животного и выставил защитный полог в сторону ветра. Через несколько минут к нему в укрытие набилось около десятка английских солдат во главе с сержантом. «Будто овцы в кошаре, непогоду пережидаем», — подумалось Льву Петровичу.

Порыв ветра принес несколько досок и кинул их на головы людей. Обломанный занозистый край доски съездил Бутырцеву по шее и чуть не оторвал ухо. Маг плюнул на всякую маскировку и подпер еще одним заклинанием конструкцию из стены и воздушного шатра. Теперь он понимал, как погибли овцы на дороге. Буре было не трудно устроить этакое.

Но так же легко могли погибнуть люди и Иные — уж очень свирепа была стихия. Очень? Необычайно? Бутырцев ушел в себя, слушая магический фон. Он даже позволил себе по-быстрому заглянуть в Сумрак.

Сумрак кипел, яростный ураган был и в нем. Не такой страшный, как в обычном мире, но не менее разрушительный. Целых домишек среди атмосферной каши не оставалось. Громоздились скалы, угадывались фундаменты древних храмов, остатки крепостных стен давних эпох были

обозначены внушительными рядами камней, стояли пеньки от бревен частокола военного лагеря. Как бы еще не римской центурии.

И ветер: кинжально острый, холодный. И вода в воздухе: забивающая легкие влагой, удушающая, холодная. В Сумраке было нехорошо. Но чьего-либо присутствия или непонятных рукотворных чудес не чувствовалось. Только привкус соли на губах.

Бутырцев поспешно вынырнул в обычный мир, оказавшись где-то под брюхом лошади, придавленный трясущимися от холода телами солдат в насквозь пропитанном водой обмундировании. С одной стороны его лягнули, с другой кто-то заехал ему локтем в бок. Похоже, что в его укрытие набились еще люди. «В тесноте, да не в обиде? Как бы не так», — решил Лев Петрович.

Он выбрался из этого клубка тел, пытающихся остаться на ногах и сохранить тепло. Вывел лошадь, мгновенно создал вокруг нее полноценный защитный кокон, вскочил в седло и медленно двинулся к домику, где остановился сэр Джеймс. Бутырцев еще ни разу не был в штаб-квартире английского объединенного Дозора, но резонно полагал, что британский первостатейный маг позаботился о крепости своего дома.

Удаляясь от спасительной стены, Бутырцев быстро вычеркнул из памяти собратьев по укрытию память о себе. Подумал, не стоит ли вообще убрать защитный полог, но решил быть великодушным. «Имеет ли Темный право побаловать себя милосердием?» — задал он себе вопрос из курса подготовки неофитов. И дал грамотный ответ: «Темный имеет право на все, что ему хочется!» Прожив более полутора веков, он до сих пор никак не мог однозначно решить: эта сентенция — глупость беспросветная или чистая правда?

Проезжая по Балаклаве, Бутырцев видел, что натворил и продолжал вытворять ураган — по сути, английский лагерь превратился в огромную мокрую кучу изломанных вещей. Больше всего его поразили раненые британцы, лежавшие под насквозь пропитанными водой одеялами в тех местах, где с трудом можно было угадать стоявшие там еще ночью палатки лазарета. Они привязались к койкам, но ураган так и норовил перевернуть эти лежаки и сбросить людей в лужи. И этому страшному потоку воздуха и воды частенько удавалось сбивать людей с ног, катить несчастных по земле, разбивая головы и ломая конечности.

Да что там люди! Ядра катались по земле, как

будто невидимый великан играл в шары.

Пришедшее на ум сравнение опять повернуло мысли Бутырцева. Маг снова вслушался в магический фон, потом еще раз заглянул в Сумрак. «Кто здесь? Зачем ты это творишь?» — вложил он Силу в брошенный наугад вопрос. На этот раз что-то отозвалось на его призыв. Но так невнятно, так глухо, что дозорный не мог бы уверенно это подтвердить.

Почему он выделил этот причудливый звук ветра среди прочей какофонии звуков стихии? Вот сейчас буря вообще разрыдалась по-человечески. Но он понимает, что это выла всего лишь природная стихия.

Нет, не было доказательств магического происхождения или сознательного усиления происходящего кем-то из владеющих магией такой интенсивности.

До берега бухты Бутырцев не добрался, среди зданий определив по наложенным заклинаниям штаб-квартиру британского объединенного Дозора. Впрочем, было понятно, что это и есть прибежище сэра Джеймса — домик был единственным неповрежденным среди ряда таких же недавних построек. Но на взгляд обычного человека он тоже стоял с покосившейся крышей.

Лев Петрович ментально связался с Фюссберри, и сэр Джеймс впустил его в дом. Внутри было несколько небольших комнаток — тесновато для Дозора даже с учетом того, что часть дозорных квартировала в полках. Бутырцеву самому было нечем похвастаться, но у него все же был обустроенный для Дозора пакгауз в Адмиралтействе. Вспомнив о нем, Лев Петрович тут же задумался: «А как там в Севастополе? Надо бы связаться с Суровкиным».

— Полагаю, что Севастополю, да даже и французам достается от бури гораздо меньше, чем нам здесь, в Балаклаве, — ответил сэр Джеймс на невысказанный, но очевидный вопрос Бутырцева.

— Да, я видел своими глазами…

— Увы, Лев, вы наблюдали только малую толику.

Удрученный вид невозмутимого сэра Джеймса заставил русского мага внимательнее вслушаться в слова британского коллеги.

— Вы даже не представляете себе, что сейчас творится на море…

Только тут Бутырцев понял, что, пораженный происходящим в долине и в Балаклаве, он действительно забыл о море.

III

Когда они с сэром Джеймсом и двумя его дозорными подходили к бухте, то издали увидели угрожающе раскачивающиеся верхушки мачт. Даже в бухте, отлично защищенной от волнения, море изрядно буянило, раскачивая пришвартованные парусники и пароходы. Матросы с трудом удерживались на палубах, цепляясь за леера и канаты. Ураган не пощадил многочисленные транспорты, стоящие в бухте, и раскидал груды грузов на берегу. Даже ящики с гвоздями валялись разбитые, а ядра раскатились из пирамид, в которые они были сложены. В воде вперемежку с обрывками парусов и обломками такелажа плавали доски, колотя в борта прыгающих на волнах судов.

Больше всего к этой картине подходило слово «хаос».

Но не по этим судам болела душа сэра Джеймса. Бутырцев прекрасно его понимал: если в закрытой бухте творится такое, что же происходит там, на рейде, где должны стоять на якоре транспорты, ожидающие разрешения на разгрузку в бухте? Какова судьба кораблей и судов, которым просто не хватило места в тесном для такого количества

плавсредств заливе? Что с моряками?

Сэр Джеймс накрыл дозорных воздушным коконом, и небольшая группа двинулась против ветра к башенке, стоящей на скалах у входа в бухту ниже полуразвалившейся генуэзской крепости.

Идти было тяжело, ветер вбивал воздух и море в извилистое, зажатое скалами ущелье Балаклавской бухты плотнее, чем артиллеристы трамбуют банником пыжи в жерло орудия.

Извилистой тропой, вырубленной в горе, они выбрались к открытому морю на отвесный склон и замерли, потрясенные.

Море кипело, бушевало, стараясь как можно лучше перемешать небо и море. Валы грязной воды один за другим накатывались на скальные стенки берега и разбивали о них все, что сумели доволочь до бездушного орудия казни: мачты, бревна, чемоданы, ящики, тюки, людей… Срывали с якорей суда и били их вместе с моряками о камни до тех пор, пока от несчастных не оставался только самый непотопляемый мусор. Спасательные команды пытались бросать веревки живым, которых волны подтаскивали к этим беспощадным стенам. Редким счастливчикам удавалось выжить и подняться наверх.

Небольших суденышек не было видно на рейде,

скорее всего, их обломки давно покоились на дне. Крупные суда еще боролись за свою жизнь, но буря громила и их. Ничего нельзя сделать со стихией такой силы, и эта беспомощность угнетала опытных магов Фюссберри и Бутырцева.

На скалах, кроме спасательных партий, были люди, наблюдавшие за трагедией, развернувшейся на море. Ветер пытался сбросить их вниз, всем приходилось цепляться за каменные выступы. Седоусый провяленный ветрами английский офицер торгового флота на вопрос сэра Джеймса, что происходит, ответил коротко:

— Ад.

Помолчав, очевидец рассказал жуткие вещи, выкрикивая короткие фразы слушателям чуть ли не в уши. Только так можно было разговаривать, рев бушующего моря перекрывал все звуки, а ветер уносил даже те, которые рождались в непосредственной близости от слушателя.

Первым из больших кораблей, которым, казалось, ничто не может угрожать, сорвался с якорей, разбился и пошел на дно американский транспорт «Progress», зафрахтованный англичанами для перевозок. Вслед за ним разбился английский парусник «Resolute», полный дорогих грузов. Капитана выбросило волной за борт, но он сумел

уцепиться за конец, болтавшийся за кормою. Именно кормою судно припечатало к скалам.

— Я подумал, что буря специально… хотела убить капитана… чтобы он не увидел… как гибнет его судно.

Видавших виды дозорных передернуло от слов старого моряка. Лев Петрович припомнил, что в 1839 году у берегов Кавказа случилась подобная буря, которая разбила в щепы несколько российских военных судов и почти пятьдесят мелких, по преимуществу торговых. Но сам он этого не видел, а тут на его глазах творилось нечто еще более масштабное, грандиозное. Убийственное и безжалостное.

Тут же сорвало с якорей и понесло в их сторону еще одно американское парусное судно — «Wanderer». Ветер и волны быстро домчали его до берега, слегка приподняли и начали методично бить о скальную стену. Спасатели кидали веревки экипажу, но, даже ухватившись за конец, удержаться не смог никто. Шансов выжить у моряков не было…

— Именно так погиб «Резолют», — прокричал дозорным моряк.

* * *

Буря не собиралась утихать. С пугающей методичностью гибли суда. Английский морской волк только успевал креститься и озвучивать названия:

— «Kenilwoth»… «Peltoma»… Прими, Господи, души моряков…

Бутырцев магическим зрением вгляделся в разбушевавшееся, воистину черное море. На паровом судне «Vesuvius» срубили грот-мачту, и оно еще держалось на своих якорях. Без мачт болтались щепками среди штормовых валов паровой «Melbourn» и несколько транспортов. Моряки сбрасывали в море все, что могли, в попытках облегчить суда и уйти в море. Кое-кому это удалось.

Лопались якорные цепи, сильные порывы ветра срывали моряков с палуб, и они исчезали в огромных волнах. Пароход «Niger» отчаянно дымил, пытаясь помочь якорям машиной. Другой пароход, «Avon», ранее столкнувшийся с «Kenilwoth», пошел в Балаклавскую бухту. Только страшная участь уже разбившихся судов могла заставить капитана попытаться пройти в такую бурю узкий S-образный вход в бухту. Бутырцев по-

пятился назад по тропе, чтобы наблюдать, удастся ли отчаянному экипажу смелый замысел.

«Avon» сумел войти в битком забитую гавань. Но и в бухте дела обстояли невесело, стоящие борт о борт суда еле удерживались на швартовах. Ворвавшийся пароход начало носить по бухте. Он сталкивался с другими судами, наваливаясь на них, круша борты и сшибая рангоут с небольших парусников.

Бутырцев искренне порадовался тому, что хоть кто-то спасся, и вернулся к дозорным. В море на глазах англичан разыгрывался следующий акт трагедии — на скалы несло новейший, этого года постройки, английский пароход «Prince», который английское Адмиралтейство приобрело для перевозки грузов и войск за более чем сто тысяч фунтов. Это было современнейшее железное судно длиной более 300 футов и с машиной невероятной мощности — в 300 лошадиных сил. На днях Лев Петрович издалека видел стоящий в море однотипный пароход «Jason». Систер-шип «Принца», как говорят англичане, не произвел на него впечатления. Скорее всего из-за расстояния. Но сейчас вид прекрасного мощного судна, которое ничего не может поделать с морским чудовищем, тянущим его к гибели, словно быка

на бойню, очень впечатлил много повидавшего мага.

Да что там Бутырцев! Все, кто видел это неотвратимое движение колеса рока, застыли в безнадежном ожидании. Никто уже не верил в счастливый исход драмы.

Бутырцев оглянулся на Фюссберри.

Раскрасневшийся, мокрый от дождя и долетающих до них брызг сэр Джеймс потерял всю свою невозмутимость, нервно кусал губы. Пальцы его правой руки лихорадочно двигались, сплетая какое-то сложное заклинание, а в левой он держал амулет, немалую мощь которого сразу же оценил русский маг. Было понятно, что сэр Джеймс еще и собирает Силу, чтобы вложить ее в свою попытку спасения «Принца».

Англичанин призвал своих дозорных объединить усилия и помочь судну выстоять. К Бутырцеву он с этой просьбой не обратился.

Лев Петрович пожал плечами, он не видел надобности помогать британцам: ни судну, ни морякам, как бы ни было ему жаль людей. Более того, это грубое вмешательство в сугубо человеческое дело заслуживало разбирательства Инквизицией и серьезного наказания британских дозорных. Он вслушался в магический фон.

Там тоже все ревело и трещало. Шагнув в Сумрак, Бутырцев обомлел — в соленой мокрой тьме кто-то гигантский ревел ему в лицо. От неожиданности Темный присел и упал на бок, уходя с линии возможного удара, — старая привычка, пару раз спасшая ему жизнь. Доброе ведро морской воды влепилось ему в лицо, и он на мгновение прикрыл глаза. Это действительно было мгновение — какая-то доля секунды, но он тут же заставил себя смотреть. Ничего необычного уже не было в Сумраке: обычная серость, свинцовые тучи над грязными волнами вяло бушующего моря. Но оставшийся на окраине сознания странный привкус сущности исчезнувшего гиганта был эму знаком. Русский Темный маг, где-то в глубине своей души даже чернокнижник, был твердо уверен, что встретился со Светлым гигантской мощи. Если не с самим Светом.

Это было очень странно, непонятно, не поддавалось логическому объяснению. Но Лев Петрович, успокаивая себя после мимолетной встречи с неведомым, решил, что Свет можно увязать с тем, что делает сейчас сэр Джеймс. Англичанин попросил помощи у первооснов?

Больше ничего необычного в Сумраке не было, и русский маг вернулся в обычный мир, ставший

к тому моменту с головы на ноги.

Море опрокидывало «Принца» и раз за разом било красавец-пароход о скалы с такой очевидной жестокостью, с такой человеческой ненавистью, что Лев Петрович поразился: за что?

Железный корпус долго не продержался, вмятины в бортах на глазах превращались в дыры с рваными краями. Сорвались с места и исчезли в море трубы и надстройки, пар из недр парохода окутал погибающее судно. Какое-то время море еще звучно крушило железный остов парохода о скалы, дробя на более мелкие части, потом и они скрылись под водой.

Иногда среди волн и плавающих у берега обломков мачт, досок, тюков сена и одежды, сундуков и мебели показывались головы моряков. Иногда до людей на скалах даже доносились крики несчастных. Самым удачливым случалось даже зацепиться за скалы, подняться выше волн, которые продолжали тянуться за человеческими фигурками, хватая их, срывая со скальной стены и бросая вниз на камни и обломки судов.

Но ничто уже не могло помочь обреченным людям.

Бутырцев недоуменно посмотрел на сэра Джеймса: на что же направлены усилия англий-

ского Светлого, если не на спасение людей? И с удивлением понял, что Фюссберри до последнего пытался спасти пароход, но не смог противостоять стихии. Энергия бури была много больше той Силы, которую смог собрать Иной.

«Была ли эта буря только природной? Или так: была ли эта буря природной?» — спросил себя Бутырцев. Если бы не это непонятное первое мгновение, когда он вторгся в Сумрак, его ответ был бы однозначным: буря — дитя природы. Но любое, даже такое невнятно обоснованное сомнение, как сейчас, он привык всегда укладывать на чашу весов с надписью «против». Возможно, там появятся и более тяжеловесные доводы.

* * *

На скалах радостно закричали — удалось поднять на веревках сразу двух моряков. Сэр Джеймс поспешил к ним, ему явно не терпелось о чем-то расспросить спасенных. «О чем он так волнуется? О каких сокровищах? Что было на борту злосчастного парохода?» — задал себе новый вопрос Бутырцев и подкинул малюсенький довесочек на пока еще практически пустую чашу весов.

IV

После гибели «Принца» сэр Джеймс не стал более задерживаться и наблюдать за продолжающейся трагедией на море. Буря начала стихать, дождь давно прекратился, ветер угомонился. И только море еще бушевало, стараясь унести на дно как можно больше этих жалких паразитов, плавающих по его поверхности. Еще несколько судов были потоплены, как «Rip Van Winkle» и «Maltese», или сильно повреждены, как «Vesuvius» и «Retribution», к тому же потерявший значительную часть экипажа.

* * *

По дороге в Балаклаву сэр Джеймс молчал, уйдя в себя. Казалось, что Светлому абсолютно безразлично море людского страдания, затопившего городок. Люди потерянно бродили по колено в грязи между луж, пытаясь собрать имущество, восстановить те палатки, которые не унесло, и отремонтировать домишки, у которых уцелели хотя бы стены. Проходя мимо лазарета, Лев Петрович видел и койки с умершими, не пережившими бурю ранеными и больными, и скучившихся

мокрых и промерзших живых пострадавших, многим из которых, похоже, тоже оставалось недолго мучиться.

* * *

К двум часам пополудни небольшая команда английского Дозора вместе с Бутырцевым добралась до штаб-квартиры в Балаклаве. Там их ждало краткое сообщение от де Сен-Тресси о том, что лагерь французских экспедиционных войск в маленьком Париже, или попросту в Камышах, немало претерпел от бури, что есть потери на флоте, французский Дозор занимается своим обустройством. Шарль извинился за невозможность своего визита в Балаклаву. Мустафа Эфенди еще раньше ментально дал знать, что ему не до встреч сегодня.

* * *

Первого ноября союзники потеряли столько, что можно было подумать, будто проиграна крупнейшая морская битва. Именно так восприняли бурю в Европе. Потери случились не только под Балаклавой. На рейде и в устье Качи тоже было разгромлено немало военных кораблей, как ан-

глийских, так и французских и турецких. Были затонувшие, выброшенные на берег, сгоревшие, разбитые среди военных и коммерческих судов. Союзники потеряли корабли и в Евпатории.

Всего погибли около тысячи моряков. Потеряны грузы и снаряжение для армии на громадные суммы. Без этих грузов союзникам пришлось серьезно задуматься не о штурме Севастополя, а о том, как бы зиму пережить.

Общее число потерянных судов никто не афишировал. Слухи ширились и росли, поговаривали чуть ли не о сотне затонувших, но вскоре это число вдвое уменьшилось.

Как потом выяснилось, за сутки до того буря прошлась по Средиземному морю, потрепав военные и коммерческие флоты от Мальты до Босфора, набирая силу и свирепость к выходу на просторы Черного моря. Но особенно она расстаралась на балаклавском рейде. Как она убивала пароход «Принц», Темный не мог припомнить без содрогания.

* * *

Наполеон III, узнавший об этом природном катаклизме, задумался над созданием службы оповещения о таких бурях, да и о прогнозирова-

нии погоды. К ее созданию был привлечен самый известный астроном Франции Урбен Леверье, математик, который вычислил существование еще одной планеты Солнечной системы — Урана.

* * *

В Петербурге радовался потерям союзников Николай I. Он написал Меншикову: «…желательно бы и еще такой». Сам главнокомандующий русскими силами в Крыму перед катаклизмом перебрался из караульного домика на Северной стороне на «Громоносец». Но в бурю пароход был выкинут на берег и накренился. Светлейшего со штабными опять перевезли на берег.

Русский флот — то, что от него еще оставалось, — тоже потрепало. Но он все же стоял в более защищенной от ветров южных румбов бухте. В том, что в порту не пострадало ни одно судно, заслуга Нахимова. Он энергично распоряжался, какому из столкнувшихся под натиском штормового ветра судов помогать, какой корабль тащить с мели, какому буксиру где работать. С его флагмана «Двенадцать апостолов» сигнальщики непрерывно подавали команды. Пароход «Владимир» ходил по бухте, успевая помогать судам во всех ее уголках. Павел Степанович то и дело велел

сигналить благодарности командиру и экипажу. Матросам же перепала чарка водки невзачет.

Глава 12

I

Ноябрь прошел вяло. Ничего существенного не происходило. Армии кисли в промокших шинелях и гнили в затопленных траншеях. Ночные вылазки русских со своих бастионов были самыми заметными боевыми действиями в это время.

Погоды стояли мерзейшие: затяжные дожди с противным северо-западным ветром перемежались ночными заморозками. Военное снабжение и у союзников, и у русских было налажено откровенно плохо. Если французы после бури второго ноября, починив свой «маленький Париж» в Камышовой бухте, существовали более-менее сносно, то англичане в Балаклаве откровенно бедствовали. В бурю они потеряли товаров, снаряжения и вооружения на 2 миллиона золотом и испытывали острую нехватку во всем. К тому же в балаклавском порту стояла такая неразбериха, что отвечающий за грузоперевозки адмирал Боксер зачастую даже не знал, что у него есть свободные суда, в то время как разгруженные транспорты стояли на рейде. На берегу же, сва-

ленные в кучи, лежали под дождем и в лужах так необходимые продукты, порох, обмундирование. Бутырцев, посещая английский Дозор, искренне удивлялся царящей среди тыловых британских офицеров бюрократии. Она составляла достойную конкуренцию российской. Все же у французов учет, да и снабжение были поставлены лучше.

Лев Петрович имел на этот счет свое особое мнение, суть которого заключалась в том, что еще Наполеон I встряхнул Францию и умно поставил многие дела в своей империи. Нынешнему Наполеончику и его правительству оставалось только пользоваться этой машиной. Но даже французам много чего не хватало.

О турках и говорить было нечего. Пасынки при англичанах, они влачили жалкое существование и умирали десятками не от боевых потерь, а от холода, голода и болезней. Англичане урезали пайки своим солдатам, которые к тому же не имели возможности ни обогреться, ни приготовить себе даже кофе, хотя зеленые кофейные зерна им исправно выдавались, — катастрофически не хватало дров. Туркам вообще ничего не доставалось — они были на положении бездомных собак, одевались, раскапывая кладбища и раздевая

покойников, питались тухлой падалью.

Болезни свирепствовали в армиях союзников. Медицинское обслуживание было очень низкого уровня. У заболевших почти не было шансов выздороветь, и они умирали в переполненных лазаретах и госпиталях. Удалось потушить вспышку холеры, которую притащил сорок шестой полк, две роты которого успели высадиться со злополучного «Принца» накануне бури. Но тут скорее сыграла свою роль холодная погода, не способствующая эпидемии холеры.

В кавалерийских полках умирали от бескормицы лошади. Тягловый скот тоже было нечем кормить. Туши волов, лошадей, ишаков валялись и тухли вдоль всех дорог. Но даже эти отбросы были желанны для многих несчастных.

Русские солдаты выживали благодаря своей неприхотливости и умению приспособиться к любой обстановке. Все, что принесла им буря второго ноября с вражеских лагерей и позиций, было подобрано и с язвительной благодарностью пущено в дело, начиная с нескольких десятков палаток и заканчивая полковым барабаном.

Все понимали, что расчет интервентов на быструю вылазку в Крым, показательный разгром русских и овладение Севастополем оказался в

корне неверным.

II

Нырков, много общавшийся в госпитале с армейскими офицерами, чего с ним раньше не случалось, с недоумением как-то спросил своего опытного коллегу:

— Лев Петрович, зачем союзники затеяли осаду и штурм Севастополя? В чем смысл, если город атакуется только наполовину, с южной стороны, а с севера связан с империей, пути подвоза свободны?

— Пути подвоза… гм… ты сам видел их состояние… да. Но ты прав, никакого смысла в такой осаде нет. Интервентам надо было полностью блокировать город, оттеснив от него армию. Мы бы уже давно перемерли от голода и без воды. Во времена оны скифы оставили Херсонес без воды, и город пал.

— Так почему генералы англичан и французов не поступили более разумно? — Филипп в силу возраста еще верил в мудрость вышестоящих.

— Уволь, голубчик, я не генерал, ответить за столь высокое начальство не могу. И не могу тебе объяснить даже, отчего наша равная по численности армия не препятствовала высадке

интервентов под Саками, хотя могу предположить, что опасалась десантов в других местах. Не знаю, почему на Альму Меншиков не привел все силы. Могу его понять, когда он приказал затопить флот, чтобы перекрыть вход в бухту флоту союзников, — военному министру и адмиралу нужны были пушки и матросы с кораблей, чтобы вооружить и укомплектовать бастионы. Я со многими из действий нашего командующего и его генералов не согласен. Более того, голубчик, я вижу также немало дурных приказов, исходящих от Раглана и Канробера и их штабов. — Лев Петрович разволновался и мерил длинными шагами комнату в домике на Морской, где они с Нырковым частенько беседовали о происходящем. — Пойду дальше — я не понимаю логики творящегося в закулисном севастопольском мире, куда нас с тобой направили разбираться. Ты заметил, что в ноябре приток Иных резко сократился? И у нас, и у союзников.

— Да, я знаю, к англичанам прибыл только один, двое у французов, двое у нас. Турки…

— У них вообще нет новых Иных, да. К тому же, Филипп, все новоприбывшие — низшие чины, которым гораздо сложнее уклониться от службы в армии. Все седьмой степени. Неумехи

необученные. Если посмотреть на то, какие Иные рвались сюда и прибыли на войну в самом начале, то картина разительно поменялась. О чем это говорит? — Лев Петрович остановился посреди комнаты и строго, будто педантичный учитель, поглядел на молодого коллегу.

Филипп, не ожидавший подвоха, поперхнулся чаем. Чаевничать по вечерам, обсуждая дела дозорные, стало у них любимым занятием. Теперь, когда у Бутырцева был денщик-солдат, ему не надо было самому наведываться к хозяйке с просьбами.

— О чем?

— Я полагаю, что случилось что-то существенное, что изменило притяжение Севастополя в глазах Иных! — торжественно изрек Бутырцев.

— Что же именно, не томите, Лев Петрович! — восторженно подыграл ему Филипп, понемногу научившись понимать, когда у его начальника просыпается любовь к игре на публику. Сейчас он хотел даже рот округлить от удивления, но последний обжигающий глоток из кружки не дал ему состроить задуманную гримасу.

— Прохвост! — рассмеялся старый маг. — Уел дядьку. Ладно, будем серьезными. Давай подумаем, что такого необычного было в последнее

время?

— Ничего не было. С самой бури, почитай уж больше месяца, ничего не было, — Филипп отвечал, не задумываясь, он знал положение дел не только со слов своего дозорного начальника, но и постоянно бывая в морском штабе и на позициях.

— Ты сам сказал, Филипп Алексеевич. — Бутырцев-учитель пристально смотрел в глаза ученика, ожидая правильного ответа.

— Что… То есть… Вы хотите сказать, что буря… — не мог толком сформулировать ожидаемый от него ответ ученик.

— Именно! — прервал его мучения Темный. — Именно буря. Я тебе не говорил, но после бури из лагеря союзников уехали на родину шесть Иных. Пять англичан и один француз. Светлые и Темные поровну. Четверо воспользовались отпусками по ранению, а двое, оба Темные британцы, нагло заявили, что им на этой войне делать нечего, вернули свои офицерские патенты и убрались восвояси!

— Как же так? Присяга… Они же обязались… — не понимал Ныркoв.

— Темные, — пожал плечами Темный Бутырцев. В его устах это прозвучало как ругательство,

очевидно, Лев Петрович разделял взгляды младшего коллеги на верность слову. — Но не в этом суть. Их перестало удерживать то, что их притягивало сюда. Я имел беседу со Светлым английским офицером, он откровенно высказался, что изначально он видел какой-то Свет, зовущий его сюда, на поле боя, где бы он мог добыть себе славу и честь… Ничего не напоминает?

— Напоминает, — не стал скрывать Нырков, — но война быстро учит.

— Да, я тоже именно так подумал. Но все же есть некое иррациональное зерно в его словах, кроме обычной усталости воюющего военного. — Бутырцев присел за стол, взял чашку с остывшим чаем и невидящими глазами уставился на пламя магического огонька, заменяющего им свечи, которых в городе катастрофически не хватало.

— Итак, что мы имеем? Была буря. Необычная, мне даже показалось, что некто… нечто… не знаю, как сказать, было в самом ее существе. После бури простые Иные потеряли интерес к происходящему. Дозоры затихли. Сэр Джеймс ходит как потерянный. Шарль пьет с французскими офицерами в шантанах маленького Парижа. Мустафа отплыл в Стамбул. Инквизиция спит в своем доме в Камышах… — Бутырцев замолк.

— Что же вы в буре учуяли? — заинтересовался Филипп.

— Что сказал, то и учуял, не больше, — не стал раскрывать тонкости увиденного при входе в Сумрак Лев Петрович.

— Скрываете, да? Потому что я Светлый? — обиделся Ныркoв. Скорее картинно, чем серьезно, пробуя разговорить следователя.

— Нет, Филипп, не поэтому — просто мне нечего пока сказать. Кстати, ты сегодня в Балаклаву ездил, к сэру Джеймсу. Как у него настроение, не изменилось?

— Как же, будут передо мною первостепенные волшебники свое настроение и мысли выказывать, — уязвил своего начальника юноша. — Сидит сэр Джеймс в своем домике, бумаги интендантские просматривает. Я краем глаза заглянул, он на это даже внимания не обратил.

— И что же за бумаги? — Бутырцев щелкнул пальцами, остывший чай в его чашке задымился плотным паром, вкусный аромат разлетелся по всей комнате.

— Список грузов с погибшего Her Majesty's Ship «Prince». Его теперь «Черным Принцем» частенько величают.

— Что же там было? Англичане убиваются,

будто там сокровища какие утонули. Даже у нас офицеры шепчутся, что там жалованье чуть ли не для всего английского экспедиционного корпуса было, — вяло заинтересовался Бутырцев.

— Про золото и я слыхал. Но у господина Фюссберри в перечне более прозаические вещи были: шинели, пальто меховые, тулупы, носки, рубахи, простыни и одеяла, спальные… как это перевести? Ага — спальные мешки, сапоги. Десятки тысяч штук! Всего добра на полмиллиона фунтов стерлингов. Часть его до сих пор в мусоре у Балаклавы под скалами плавает. Там вообще все прибрежные камни толстым слоем обломков и рвани забросаны…

— Полмиллиона?! — присвистнул Бутырцев. — Так это они припасы всей армии на зиму с этим пароходом потеряли. Мне Джеймс говорил об этом вскользь, но я не придал значения. Да, зимовать англичанам будет трудно. Пока они новые запросы составят и отошлют, пока в Лондоне их рассмотрят, пока деньги выделят да с поставщиками договорятся… К лету меховые пальто и тулупы придут!

— Как будто у нас не так, — буркнул Филипп. — Казнокрадов поболе будет.

— Так, да не так. Мы знаем, что такое зима,

даже крымская, у нас одежда есть. Наши солдаты умеют землянки оборудовать, все высоты над Чоргунью и Инкерманом перерыли, — размышлял Бутырцев, успокаиваясь и готовясь ко сну.

— Лев Петрович, совсем забыл, на «Принце» еще кое-что было, — подозрительно безразлично на взгляд Бутырцева сказал Нырков и замолчал в ожидании реакции собеседника, как будто закинул крючок с приманкой.

— И что же там такое было? — вяло поинтересовался старый маг.

— Листок со стола сэра Джеймса сквозняком сдуло, я поднял и на стол положил, а он даже не поблагодарил…

— Еще и благодарить тебя!

— Я взгляд-то бросил искоса, в Корпусе на уроках наловчился. А это продолжение списка. И значится в нем не то водолазное, не то еще какое-то подводное оборудование, я не разобрал толком.

— Не разобрал он, видите ли! Умением взгляд обострять не владеете, господин Светлый? Чему вас только учили, — недовольно буркнул Лев.

— Я в шпионы не нанимался! Я — мичман флота, — гордо заявил Филипп.

— А меня в шпионы назначили. Я — глава рус-

ского объединенного Дозора в Севастополе, — в тон ему ответил Бутырцев. — Так что, ваше благородие, извольте мне вашу память предоставить, сосредоточьтесь на увиденном.

Пристыженный Нырков добросовестно припомнил несчастный листок. Бутырцев перенял увиденное из головы юноши, прикрыл глаза и стал внимательно рассматривать бумагу внутренним взором.

— Вы, голубчик, интересную информацию перехватили. Но не для Дозора. Я заметил в перечне электрический телеграф и что-то вроде подводного оружия для подрыва. Но тут секрета нет даже для русского командования. Англичане закончили прокладку кабеля от Балаклавы до Варны. Вот откуда телеграф. А под водой что-то подрывать… Они в Балаклаве строят набережную и причалы. К тому же наши корабли, что на входе в Севастопольскую бухту затоплены, можно взорвать, тем самым убрать препятствие.

— Да они сами от штормов разваливаются. Первой линии, почитай, уж и нет вовсе, — выдвинул контраргумент Нырков. — Во время бури «Силистрию» разломило, всплыла. Павел Степанович Нахимов, бывший ее командир, обрадовался было, что крепок корабль был, да на второй

день выяснилось, что поднялась со дна палуба с бортами. Оторвало ее от корпуса, совсем дерево сгнило, да червь поел. Так светлейший приказал затопить там же, на фарватере, старый линейный корабль «Гавриил» вместо развалившегося.

— Мне кажется, я в Балаклаве водолазную роту видел, — припомнил Бутырцев. — Все же благодарю вас, господин мичман, за службу, — перешел начальник на официальный язык.

— Рад стараться, ваше высокоблагородие!

III

Еще через неделю о таинственном грузе на борту «Принца» заговорил де Сен-Тресси. Они встретились на пятом бастионе по делам Дозоров. Никто его за язык не тянул, сам между прочим поинтересовался, не знает ли Лев, что везли англичане на погибшем пароходе? Ходят слухи о золоте и таинственном оружии.

— Какое золото, какое оружие? Там даже пуль не было. Одежда зимняя, палатки. Шарль, это я точно знаю. Англичане без них с трудом выживают, сам видишь каждый день их мучения.

— Вижу. У нас в лагере и на позициях немногим лучше. Да и у вас, как я погляжу. Но что-то ведь там еще было. Слухи ходят. Как у вас, русских,

говорится, нет дыма без огня, — выразил уверенность француз. — Я бы на твоем месте, Лев, обязательно бы проверил.

— На каком таком моем месте? — насторожился Бутырцев.

— На месте Шаркановых глаз и ушей, Лев. — Француз был серьезен. Это наводило на мысль, что не просто так он припомнил сокровища «Принца».

— Да ты, Шарль, никак всерьез решил завладеть английским золотом? — рассмеялся Лев Петрович, сводя разговор к шутке. — Что же не ныряешь за ним?

— Мог бы — нырнул бы, — все так же серьезно ответил француз. — Ты сам не пробовал? Попробуй.

— Как-то в голову не приходило. Но ты прав — надо нырнуть. На сто тыщ золота, говорят. Вот спасибо — надоумил. Если разживусь английской армейской казной, по гроб жизни тебя не забуду, — иронизировал Бутырцев.

— С тебя процент от добычи, помни — я тебе подсказал. — Шарль внимательно глядел старинному приятелю в глаза.

Они хорошо знали друг друга, и Лев понимал, что неспроста француз посоветовал ему сыграть

в кладоискателя на морском дне.

— Сколько просишь, Шарль?

— Сочтемся, Лев. Мыслится мне, ты будешь щедрым.

* * *

В тот же день Бутырцев запросил Шаркана на переговоры. Московский Высший долго не отзывался, Лев Петрович уже хотел было отложить связную раковину в сторону, когда в ней недовольно зарычало.

Глава русского Дозора в Севастополе доложил московскому начальству о неутешительных результатах расследования («Плохо, Ахрон, отвратительно! Я тебя не узнаю»), поделился наблюдениями на тему убыли в притоке Иных («Занятно, займись этим всерьез»), рассказал и о разговоре с де Сен-Тресси по поводу гипотетических сокровищ «Принца».

— Так и сказал «попробуй» и «ты будешь щедрым»? Ну-ка, покажи. Я сейчас буду.

Секунды не прошло, как в комнате дома на Морской открылся портал, и из него вышел господин во фрачной паре — похоже, Шаркан или… кто он сейчас?.. граф Шарканский?.. шагнул прямо с бала на скромную палубу «шлюпки» коллежского

советника Бутырцева.

— Давай, мне некогда, — потребовало начальство.

Лев Петрович безропотно скинул Высшему кусочек своей памяти.

— Занятно, — ответил Шаркан спустя несколько минут. — Хорошо закрылся, так мне его мысли не прочитать, непосредственный контакт нужен. Но твой дружок был серьезен и напряжен, очень ты ему в этом деле нужен. Подталкивал он тебя изо всех сил. Конечно, до того предела, когда ты мог бы насторожиться. Возможно, он даже включил в свою игру меня: знал, что ты доложишь, я отзовусь, пошлю тебя туда, не знаю куда. Именно так! Мы ему пособим.

Шаркан азартно топнул ногой. Бутырцев никогда не видел Высшего в таком состоянии. «Играет со мной?»

— Нет, Лев, не играю. Ты наконец-то наткнулся на кончик нужной нити. Надо тянуть за него или идти по этой ариадниной пряже. Говоришь, Джеймс в уныние погружен? Его ауру с последней встречи показать мне можешь? Угу, вижу. Похоже, потеряли британцы не золото в подштанниках, а кое-что поважнее. Говоришь, водолазное оборудование было? Зачем оно им было нужно

— это тебе еще придется разгадать, но сейчас его у них нет. А раз нет, то… Ахрон, ты в Сумраке под водой ходить умеешь? — Шаркан неожиданно перевел разговор на дела практические.

— Не припомню за собой такого умения, — честно признался Бутырцев.

— И я не припомню. Жаль, вдруг ты научился. Я-то умею, но мне нельзя в Севастополе появляться, я даже сейчас тут с помощью друга. — На последнем слове Шаркан ухмыльнулся, будто одновременно мысленно общался еще с кем-то. — Поэтому советую найти в окрестностях города одного Иного. Не знаю, как его сейчас зовут, раньше Нектоном величали. Но он точно тут… если жив. Это его место обитания. Он тебе поможет под водой таинственную пропажу поискать. Я тебе сейчас его черты дам и несколько слепков ауры для опознания. Он — старый крымчанин, ищи среди греков. Если найдешь, передай привет от меня и от Хены. Хену знаешь?

— Который в саблезубого льва перекидывается? Слыхал, но встречаться не доводилось.

— И не встречайся, вдруг он тебя неправильно поймет, — хохотнул Шаркан. — Только не во льва, а в тигра. О Нектоне никому ни слова. Если кто спросит, скажешь, что случайно на него

набрел, аурой заинтересовался. Разыщешь — и в Балаклаву искать «Принц» вместе с ним. Только аккуратно, никому не говори, куда направляешься. Этому своему… ученику-помощнику… — Высший сделал вид, что запамятовал имя.

— Ныркову?

— Вот именно! Филиппу скажешь, что поедешь в Бахчисарай деньги получать. И разыграй перед ним свой отъезд убедительно. Сделай все предельно чисто, без тени сомнения и пятнышка на ауре, как будто меня обмануть хочешь. — Шаркан вдалбливал Бутырцеву инструкции будто зеленому неофиту.

— Нырков? — удивился Лев Петрович.

— За ним могут следить. Пасти его. Особенно Светлые из других Дозоров, ты мог бы и сам такое представить, — раздраженно ответил начальник. — Все, Лев, мне пора. Я тебе еще веревочку дам. Хитрую. Эту веревочку Нектон пусть в зубах зажмет, когда в воду пойдет. Или обвяжи его. Вообще думай, проявляй находчивость и смекалку. Где твой нюх, в конце-то концов?

Добавил куда-то в сторону:

— Агний, действуй.

И тут же бесшумно исчез.

«Надо же, парой работали. Вот кто спрятал его

визит в Севастополь. От Дозоров или Инквизиции? Кто тут еще способен засечь появление Высшего в округе? Ведь Шаркан Агния специально упомянул, чтобы я уразумел, с кем он в деле», — запоздало понял маг.

Глава 13

I

Поиски Нектона Бутырцев начал с греков, которые проживали в Севастополе. Показал картинку нескольким балаклавцам, тут пожилой седоусый грек-виноторговец и признал разыскиваемого. Сказал, что до интервенции проживал Зозимос (оставшийся в живых) Псарас (рыбак) в небольшой лачуге на берегу бухты в Балаклаве. По слухам, в его домишке сейчас стоят англичане, а сам нелюдимый рыбак ютится неподалеку не то в пещерке, не то в норе, вырытой в склоне холма.

Пришлось навязаться Фюссберри в гости и поехать в Балаклаву по дозорным делам, оспаривать правомерность действий уэльского оборотня в ночной стычке с пластунами, ходившими на вылазку с третьего бастиона прошлой ночью. Громадная овчарка в этой схватке серьезно порвала двух казаков-разведчиков, еле уползли. Сэр Джеймс, как всегда, был корректен и невозмутим. Он упирал на то, что пластуны ведут войну не по правилам, цепляя крюками часовых, сдергивая их с насыпей, убивая или утаскивая в

плен. Такого издевательства и наглости сердце британца не выдержало, и он в дозоре позволил себе перекинуться. Своего подопечного Фюссберри отстаивал умно, ссылаясь на прецеденты и решения Дозоров, но делал это бездушно, по необходимости, исполняя должность. Что-то окончательно погасло в старом английском Ином после убийственного шторма. Бутырцев не верил, что гибель людей и судов могла так подействовать на повидавшего жизнь мага. Значит, было что-то еще, что Лев Петрович упустил из виду. Еще одна узкая полоска лыка в строку его наблюдений и подозрений.

Обговорив с сэром Джеймсом наказание для валлийца, он скрепил составленный документ подписью и сказал, что хочет прогуляться к скалам за входом в бухту, желает посмотреть на следы трагедии второго ноября. Если сэр Джеймс не будет против, все же эта территория относится к компетенции английского Дозора. Сэр Джеймс против не был.

Когда Бутырцев покидал домик штаб-квартиры, Фюссберри проводил его долгим понимающим взглядом. Русскому магу даже показалось, что его иноземный коллега позволил себе иронично улыбнуться: иди, мол, знаю, что ты ищешь. Но не

к Нектону же это относилось?

* * *

Грека он нашел с трудом. Пришлось пройтись вдоль бухты в поисках местных жителей. Попадались ему британцы, турки и нанятые интервентами строители из числа татар, болгар, а то и вообще непонятно какого народа. Если офицеры выглядели более-менее, то низшие чины и рабочие имели вид сущего сброда: укутавшиеся в разномастные тряпки, оборванные, изможденные. Не лучше выглядели и солдатские жены, в основном крикливые ирландки, увязавшиеся за своими мужьями-вояками. Женщины на войне всегда поражали Льва Петровича — зачем они здесь, где гибель может настичь каждого в любое мгновение? Женская природа чужда войне и смерти, зачем же здесь, среди боли, грязи, болезней — они, дающие жизнь? «Жена да последует за мужем своим…»? Зачем? Чтобы умереть в один день? Неужели любовь гонит их сюда? Скорее безысходность.

Сам он холостяковал уже добрую сотню лет, стараясь не связываться с противоположным полом, оберегая себя от обреченных на смерть отношений. Возможно, если бы ему встретилась

Иная, подобная ему самому, он мог бы себе позволить…

Лев Петрович отогнал ненужные мысли. Надо искать Зозимоса Псараса.

Ближе к выходу из бухты он обратил внимание на топтавшегося у самой кромки воды человека. Высокий, выше него самого, но в отличие от Бутырцева полный. Пузцо незнакомца хорошо проступало даже через просторную зимнюю одежду. Такой же оборванец, как и все простолюдины, он поражал холеным упитанным гладким лицом. Лев Петрович обратил внимание, что феска этого… грека, турка?.. была украшена маленьким серебряным значком-рыбкой. Какой-то мелкий торговец?

Толстяк что-то внимательно разглядывал в грязной воде бухты.

Бутырцев накинул на себя личину турецкого офицера и подошел к незнакомцу:

— Позволь, любезнейший, поинтересоваться… — начал по-турецки Бутырцев.

— Проходи, Темный. Я тебя не знаю. Знать не хочу, — не поднимая головы, ответил…

Кто? Лев Петрович мгновенно перестроил зрение и посмотрел на ауру загадочного человека.

Иной, Светлый, перевертыш. Много непонят-

ного в ауре — очень сложное сочетание цветов, оригинальный узор. Кто же это? Где он мог видеть этот рисунок?

— Не гадай. Не поймешь, — слова Иного были резки, даже визгливы.

«Рисунок! И на старуху бывает проруха, — укорил себя Бутырцев. — Это же Нектон. Вот нежданное свидание».

— День добрый, господин Псарас. Или вам удобнее на имя Нектон отзываться? — уже по-русски спросил Иного Лев Петрович.

— День добрый. Но здравствовать я тебе пожелать не хочу. Кто таков? — На лице Псараса не было ничего, кроме равнодушия.

— Разрешите представиться: Бутырцев Лев Петрович, начальник русского объединенного Дозора в Севастополе. — Маг коротко поклонился, точнее, кивнул головой.

— А-а, слыхал о тебе… слыхал… — тянул паузу грек. — Зачем я тебе понадобился?

Спросил коротко, зло, с каким-то носовым присвистом. Болен, что ли?

— Привет хочу передать. Просили, — явно подстраиваясь под собеседника, ответил Бутырцев.

— Кто ж просил… — не было интереса в вопросе рыбака.

— Шаркан… И Хена.

Будто солнце осветило физиономию угрюмого собеседника русского мага. Улыбка от уха до уха прорезала чисто выбритое лицо, вмиг сделав его добродушным и даже простодушным.

— Хена… Жив, значит, котик? — Радость Псараса была неподдельной. Ровные белые зубы улыбающегося рыбака превращали его в молодого человека.

— Жив, кланяться велел, да и Шаркан присоединился. — Бутырцев постарался вернуться к делу.

— Шаркан… Значит, нужен я вам. — И опять никакого интереса со стороны Зозимоса.

— Да, Шаркан. Рекомендовал обратиться к вам за помощью в одном деле. Сказал, что, кроме вас, никто не сможет помочь. — Лев Петрович постарался чуть-чуть польстить собеседнику.

— Что за дело? — Псарас опять ушел в себя и уставился в воду бухты. Что он там пытается разглядеть?

Бутырцев в самом начале разговора накинул сферу невнимания на них двоих, теперь потер амулет, который будет доносить до ушей разговор подслушивающего, буде таковой найдется, сущий вздор, произносимый их голосами. Можно было продолжать:

— Второго ноября в бурю разбились о балаклавские скалы и затонули английские суда. Среди них был пароход «Принц»…

— «Принц»!

Когда он только упомянул бурю, гибель судов, Псарас аж вскинулся и повернулся к Бутырцеву. При упоминании «Принца» он чуть ли не подпрыгнул. «Что подумает при виде этого движения грека дотошный наблюдатель, который слышит, как мы несем всякую чушь о погоде? Не усомнится ли он в чистоте наших намерений?» — подумалось магу.

— Да, «Принц». Сейчас пошли слухи, будто вез он что-то необычное, не то сокровища, не то страшное английское оружие, не то все разом, — продолжил Лев Петрович.

— Да-да. Вез! Я знал, я почувствовал! Большое, мощное, невиданное! — Перевертыш был возбужден и суетлив. — Что же это? Что?

— Я, признаться по чести, и сам не ведаю, — обескуражил Зозимоса Псараса русский. — Я полагал, что мы совместно это сможем установить.

— Как? Как мы это сделаем? — Видно было, что толстяку хотелось прыгать на месте от желания услышать ответ.

Лев Петрович даже изумился при виде такого перехода настроения собеседника от равнодушия к экзальтации.

— Я хочу взять лодку, ночью приплыть на место гибели парохода и с вашей помощью исследовать там глубины. В истинном мире и в Сумраке. Мне сказали, что вы можете свободно двигаться под водой. — Видя такую явную заинтересованность в деле и даже нетерпение, он выложил карты на стол.

— Да-да-да… Я бы и сам уже это сделал, но англичанин и еще какие-то Иные постоянно следят за Сумраком, за магической изнанкой мира. Всех предупредили, что нельзя ничего делать, нельзя перекидываться, нельзя лезть в войну, нельзя помогать. Меня один раз чуть не поймали, когда я просто хотел рыбки наловить. — Неразговорчивый до этого толстяк вдруг зачастил, заглядывая в глаза мага и продолжая присвистывать и как-то прищелкивать при каждом слове. Будто он до этого долго молчал, а теперь ему понадобилось срочно выговориться.

— Я прикрою, мы будем вести себя максимально аккуратно, будем стараться не пользоваться магией.

— Как же магию не пользовать? Мне же надо

будет перекинуться, — округлив глаза, спросил Зозимос.

— У меня есть на такой случай средства, — не стал пояснять Бутырцев и спросил, уже догадываясь об удивительном ответе переверты-ша: — Позвольте поинтересоваться, в кого же вы превращаетесь, Нектон?

— Вот те на! Ты не знаешь? В обыкновенного дельфина, в белобочку. Имя, что в давние-предав-ние времена еще те, старые греки мне дали, так и переводится — вольно плавающий. — Светлый явно гордился собой, своим редким умением, именем, полученным из рук тех самых греков, из легенд и преданий. Он как бы намекал на то, что знавал и Одиссея, и листригонов, охранявших когда-то вход в Балаклавскую бухту. «Ну да, знавал… непростой ты Иной», — усмехнулся в глубине Бутырцева Темный скептик.

— Дельфин. Давно я здесь живу, на этих берегах. Врать не буду, Одиссея не видел, листригонов не встречал, но времена, когда не было ни Кафы, ни Херсонеса, помню. — Задумался на пяток секунд и весело продолжил: — Соврал! Забыл все, помню только, что не было этих городов, — честно и грустно сказал Нектон.

«Да сколько же ему лет? Не менее двух с поло-

виной тысяч! Это я себя-то стариком считаю? Вот уж кто древний…» — Бутырцев не успел додумать эту мысль, как Нектон продолжил:

— Может, уже и были города эти. Ничего не помню, — и лукаво посмотрел на Бутырцева.

Лев не выдержал и рассмеялся. Перевертыш присоединился к нему, заливаясь мелким смешком.

II

Бутырцев с Псарасом не стали откладывать дело в долгий ящик. Сговорились так: грек добывает лодку и ждет признаков, указывающих на то что предстоящая ночь на море будет тихой и спокойной. Уж кто-кто, а он в этом разбирается, не одного катрана съел, заверил мага перевертыш. По получении весточки от Псараса Бутырцев скрытно появляется в Балаклаве, и они выходят на рейд.

Старый контрабандист убедил дозорного, что караульные посты они легко обойдут безо всякой магии, которую надо приберечь на самый крайний случай. На месте, куда скорее всего море уволокло обломки «Принца», дельфин Нектон пойдет под воду. Дельфины, как и коты, способны погружаться на разные слои Сумрака, но в отли-

чие от блохастых, только в водной среде. Тут уж без старого перевертыша не обойтись.

* * *

Так и поступили.

Ночь подводного дела действительно выдалась на редкость чудесной. В Крыму в конце декабря частенько случаются теплые солнечные дни, когда в полдень можно и позагорать. Но декабрь есть декабрь, и после дневной жары наступает холодная, а то и морозная ночь. Тихая, ясная, когда звезды прокалывают черный бархат небосвода иголочками лучей и подмигивают тому, кто решился запрокинуть голову и посмотреть вверх в бездну.

Но искателям сокровищ нужна была совсем другая ночь — с затяжным дождиком, когда с неба тихо сыплется мелкая водяная труха и в десяти шагах уже не отличить фигуру человека от молодого кипариса, а в перенасыщенном водой воздухе вязнут любые звуки.

Эта ночь была именно такой. В бухте не было ни малейшей волны, казалось, озеро раскинулось посреди невидимых, но угадываемых непонятно каким чувством скал. Спали все и вся, забыв о войне, о Севастополе, о боли. И только переклич-

ки сонных караульных на вышках и у складов да нескончаемые стоны раненых из госпитальных палаток нарушали этот безмятежный сон.

«Жалко будет, если мы вдруг всех побеспокоим, — подумалось Льву Петровичу. — Поэтому будем все делать тихо-тихо».

Они с Псарасом аккуратно пробрались вдоль кромки воды к месту, где пришвартовал свою лодчонку грек. Старый обшарпанный четырехместный ял с побитыми бортами, казалось, с трудом держался на воде. От него несло рыбой.

— Полезай в лодку, ложись на днище и накройся ветошью, — скомандовал Псарас и бросил ему какую-то тряпку. — Не высовывайся, пока я не свистну. Будет сие не скоро, когда уже на место приплывем. Понял?

— А как же… — хотел что-то спросить Бутырцев, но грек его перебил:

— Вот тогда свою магию применяй, я морем буду уходить. Сейчас прикрой мое перекидывание.

Видавший виды Нектон не волновался, а Бутырцев вдруг почувствовал легкое волнение, даже минутное замешательство.

Лев Петрович неловко перелез в ялик, который тут же заходил под ним, зашатался. На днище ялика была вода, то ли дождик налил, то ли

морская. Немного, на самом донышке, но эта мелкая лужица противно воняла рыбой. Пришлось ложиться в эту жижу и накрываться не менее вонючей ветхой холстиной. Бутырцев был в непромокаемом плаще с башлыком. Он запахнул полы одежды и лег спиной на днище. Вода просачивалась под плащ, холодила тело, но он не решился применить заклинание отталкивания жидкостей, ни к чему было тревожить магический фон лишний раз.

Псарас возился на берегу. «Раздевается», — догадался маг.

— Эй, Темный, я сейчас буду перекидываться, — негромко сказал грек, — колдуй.

Бутырцев потревожил амулет, с помощью которого аккуратно и незаметно для сторонних наблюдателей накинул полог, скрадывающий несильные магические действия внутри «шатра». За бортом лодчонки раздались звуки шагов, плеск, и все затихло. Потом лодку тихо подтолкнули, и она поплыла вдоль берега. Толчки периодически повторялись то в один борт, то в другой — дельфин Нектон вел лодку по бухте.

Нервы мага были напряжены, он все время ожидал окрика караульного. Но время шло, ялик плыл, дождик накрапывал. Ветошь промокла,

с нее текло на Бутырцева, плащ не спасал, рубашка, штаны и белье Льва Петровича были уже влажные. Долго еще так мокнуть? Спросить бы, хотя бы ментально…

Наконец лодку закачало энергичнее, и маг понял, что Нектон дотолкал ялик к выходу из бухты.

* * *

Опытный грек правильно оценил состояние моря в эту дождливую ночь — волн на балаклавском рейде не было. Только иногда вдруг накатывала длинная мощная зыбь, которая тащила ялик вверх, потом сваливала его в яму и, тоскливо вздохнув, укатывала вдаль. Через несколько минут в темноте со стороны скал приносился стон могучего удара «Аххах!». Балаклавские скальные стены тысячи лет сносили разные удары стихий и этот пробный толчок воспринимали как дружеский шлепок, а то и ласку своего моря. Что им эта одинокая волна, когда совсем недавно они принимали на себя многотысячные туши стальных пароходов и играючи дробили их на мелкие куски? За неполных два месяца уже и царапины от этих ударов успели сгладиться. Уже и щепки тех крушений успели растащить и выкинуть на

дальние берега шальные волны.

Но многое лежит сейчас на дне: корпуса, механизмы, грузы. Разбитое, искореженное, мертвое. Заносимое песком, заваливаемое камнями, которое море тихой сапой все же откусывает зубастыми волнами от самоуверенных скал.

Что он ищет среди этих обломков? Что хотел бы найти? Или не хотел…

Что найдет Нектон, что сумеет увидеть в ночной глубине? Где же он, кстати…

* * *

Бутырцев, убаюканный покачиванием колыбели-лодки, очнулся от своих грез, вылез из-под парусины, сел и осмотрелся. Не видно ни зги. Кругом были море и дождь, который заменял в этом месте не только небо, но и сам воздух. Бутырцеву незачем было открывать глаза, только воды под веки набрал. Берег угадывался саженях в семидесяти — ста по корме — хороший моряк более точно определил бы расстояние по тому, как быстро долетал до лодки звук отбитой скалами ранее подбросившей ее одиночной высокой волны. У Льва Петровича такого опыта не было, и он определился на месте, рискнув бросить взгляд сквозь Сумрак. Бывать на воде в сером мире ему

приходилось всего один раз до этого — на Неве в Санкт-Петербурге. В прошлый раз он был без лодки, ему тогда стало худо, еле выплыл в реальный мир.

Этой ночью он был в лодке, что обнадеживало, но он инстинктивно ждал от сумрачного моря подвоха, поэтому вцепился в борта ялика обеими руками.

III

Все оказалось не так страшно: он был хоть и в дрянной и маленькой, с сочащимися водой щелями в низких бортах, но в лодочке. Серый мир признал его право находиться в плавающей посудине, не отнял ялик. Ночь в Сумраке была такой же дождливой, но более ветреной. Берег, как ни странно, можно было разглядеть, как правильно угадал Лев Петрович, саженях в восьмидесяти.

Волны тут же раскачали утлую скорлупку, Бутырцева замутило, и он, перегнувшись через борт, отдал местному Посейдону дань в виде содержимого желудка. Неизвестно, понравилось ли такое подношение морскому богу, скорее всего нет, ибо лодчонку еще сильнее раскачало, бросая несчастного мага от борта к борту.

Сухопутный волшебник поспешил выбраться

из вдвойне неуютного Сумрака в истинный мир. Тут ничего не изменилось за несколько минут: море было спокойным, дождь — холодным, но хотя бы не несло в лицо брызги и капли.

«Где же Нектон? Сколько времени мы уже здесь?» — подумал слегка потерявшийся Бутырцев.

Как по заказу рядом с яликом вынырнул дельфин, ловко лег спиной на волны и заверещал коротким посвистыванием и сериями щелчков, перемежая их с трудом угадываемыми словами:

— Ничего… много… обломки… разные… паро… ходы… металл… гадо… сть…

Лев Петрович терпеливо собирал слова в понятные предложения, повторял осознанное вслух, получал в ответ одобрительные радостные щелчки или презрительный свист, заново разбирал слова и придавал другой смысл услышанному. Конечно, Нектон мог бы на время перекинуться в Зозимоса, чтобы нормально говорить, но это бы привело только к излишней трате сил. Не говоря о том, что в человеческом облике сильно бы замерз.

В конце концов они с дельфином сошлись, буквально сторговались на том, что на дне на глубине в добрых тридцать саженей разбросаны

останки и грузы нескольких судов. Есть куски металла, однозначно принадлежавшие пароходам. Скорее всего часть из них «принцева», но твердой уверенности в этом быть не может: на глубине и днем-то темно, а ночью и подавно. Даже для дельфина. Даже для волшебного дельфина Нектона. Найти бы кусок борта с надписью «Prince», рынду с именем судна или разглядеть заводские таблички на механизмах. «А потом сравнить их с документами верфи», — ехидно додумал идею Бутырцев.

— Посмотри, нет ли чего-нибудь похожего на водолазное оборудование, — попросил Лев Петрович Нектона. Дельфин радостно кувыркнулся, мелькнув в дождливой тьме светлым брюхом, и ушел под воду.

Минут двадцать вокруг лодки Лев слышал только периодические выдохи выныривающего зверя. Они то приближались, раздаваясь у борта ялика, то удалялись, едва угадываясь.

Потом Нектон опять улегся на воде на расстоянии вытянутой руки от мага, и «беседа» человека с дельфином продолжилась. Обоих такой способ общения сильно раздражал, но приходилось терпеть.

В итоге Бутырцев понял, что Нектон нашел

насос и обрывки шлангов и рукавов, которые ничего не доказывали, ибо могли быть на любом судне и корабле. Но когда дельфин втолковал Льву Петровичу, что видел большую помятую железную бочку без дна, но с круглым окном и скамьей внутри, в которой могли сидеть два, а то и три человека с оборудованием, стало понятно, что найден большой водолазный колокол. Он мог находиться только на «Принце», в списках грузов других судов, как сумел накануне установить Бутырцев, ничего подобного не значилось.

Все верно — обломки «Принца» пока не утащило далеко от берега в месте его крушения, не занесло песком и камнями.

Надо искать здесь тщательнее. Знать бы еще, что искать.

— Ничего необычного не заметил под водой? — поинтересовался Бутырцев. Самому ему давно было неуютно, давило под ложечкой, и в голове муть стояла. Но кому бы здесь, темной ночью в море, было бы комфортно? Разве что такому обитателю морских просторов, как Нектон, «свободно плавающий».

Вопреки ожиданию мага дельфин надолго задумался и довольно четко ответил:

— Давит… большое… очень далекое… раньше…

не было. Чую. Боюсь. Страшное. Не морское. Темное… твое…

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Дельфин, как и многие животные, чувствительнее человека. Это морской зверь, он даже шкурой понимает море гораздо лучше, чем любой сухопутный всеми своими органами чувств. Он видит-слышит, попробуй такое объяснить.

Нектон — не просто дельфин-белобочка, он имеет мощный разум человека и способности мозга животного. Нектон — очень старый перевертыш, повидавший многое. И если ему страшно, если ему непонятно и если он говорит — Темное, то ему надо верить.

Но если верить, то ничего не сходится. Во-первых, сэр Джеймс, так явно переживающий потерю груза, — Светлый. Стал бы он беспокоиться о чем-то Темном. Скорее бы де Сен-Тресси сейчас суетился. Во-вторых, если бы было утеряно… утерян мощный артефакт, незаконно доставленный в Балаклаву, то Инквизиция точно тут все с ног на голову поставила бы. Ведь поставила… бы?

Ох, как не хотелось Льву Петровичу думать, что Серые имеют свой интерес в этом со всех сторон темном деле. Но подумалось, и теперь эту неудобную мысль надо рассматривать и держать в уме.

Сейчас-то что делать? Неужели в Сумрак спускаться? Под воду. Шаркан, по сути, прямо приказал это сделать. Что же, пора Нектона запрягать.

Лев Петрович вспомнил, что так и не расспросил перевертыша, до какого слоя Сумрака он способен под водой пройти… донырнуть.

— Нектон, любезнейший, ты в этом обличье на какой слой можешь проникнуть?

— Третий… был… четвертый… надо пробовать…

«Каким бы ты ни был дельфином, но прежде всего ты — человек», — подумалось Бутырцеву.

— Я не могу тебя сопровождать под водой, но я буду идти с тобой по слоям на поверхности, на лодке. У меня есть амулет — веревка, которая поможет нам не потерять друг друга. Я тебя сейчас обвяжу ею, а другой конец привяжу к своей руке.

Бутырцев достал бухту тонкой и крепкой веревки, которую ему дал Шаркан. Он давно ее промерял, там было ровно 74 сажени. Пара саженей уйдет на обвязку тела дельфина. Если глубина в этом месте под 60 саженей, то вполне достаточно, чтобы поднять Нектона, если что-то случится. Но далеко в сторону дельфину уже не уплыть.

Маг перегнулся и обвязал туловище дельфи-

на, лежащего в воде, от спинного плавника к грудным ластам, стараясь закрепить конец так, чтобы веревка не соскочила с тела. Вроде бы все продумал еще накануне, а поди ж ты — на деле все оказалось сложнее.

Нектон спокойно поворачивался под руками Бутырцева. Казалось, что ему все равно, куда нырять: хоть в бездну Черного моря, хоть к черту в преисподнюю. Лишь краешком обостренных чувств маг ощущал трепет этого большого и мощного существа, которому море — дом родной. Но сейчас не он в этом доме хозяин.

— Ну что, вперед? — спросил Лев Петрович, проверяя надежность обвязки Нектона, который «ходил» на «поводке». — Два моих подергивания за веревку — всплывай. Ты дергаешь два раза — я тащу тебя. На всякий случай, если кто из нас трижды дернет — опасность, но я при этом все равно тащу тебя. Согласен?

— Да. — Дельфин нетерпеливо шевельнул хвостом. — Как… имя… твое… Темный?

— Ахрон. Взывай, если понадоблюсь, я даю тебе это право, Тьма слышит. — Темный маг вытянул ладонь, и маленький шарик черного света завихрился на ней.

— Взывай к Нектону, если будет туго, пусть

Свет услышит, — раздался в голове мага голос Светлого. Дельфин вертикально высунулся из воды почти на всю длину тела, встал на хвост. На кончике носа у него светился шарик, сотканный из белых лучей.

«Куда, в какую такую неведомую и ужасную бездну мы так собираемся? Не испугались ли мы раньше времени?» — подумал Бутырцев и скомандовал:

— Уходим в Сумрак!

IV

Ничего нового на первом слое иного мира за это время не появилось: дождь, ветер, холод, пьющий силы, утлая лодчонка. Дельфин изменился, но не сильно: чуть вытянулся, да зубов в пасти прибавилось, от чего улыбка его стала зловещей. Вытянулся? Темный маг проверил обвязку, затянул плотнее, прорычал:

— Ныряй!

Нектон ушел на глубину. Веревка не шибко споро уходила под воду, похоже, нырять дельфину в Сумраке было сложнее. Но наконец она провисла, потом чуть натянулась и пошла в сторону. Натяжение стало таким сильным, что утлая лодочка свободно пошла в сторону вслед за подводным

тяглом. «Как же я сразу не догадался, что Нектон может свободно таскать меня по поверхности за собой. Главное, чтобы глубина больше не становилась», — от таких обычных и понятных мыслей Бутырцев враз успокоился. Чего волноваться, что он, Сумрак не видел, что ли?

Нектон тоже дураком не был, быстро понял, что ему нет особой нужды часто всплывать, и продолжил обследовать дно сумеречного моря. Наконец он вынырнул, выдохнул и просвистел:

— Все… то же… только сумрачное… ржавое, обросшее…

Удивительно, но здесь, на первом слое, Темный лучше слышал и отчетливее понимал своего Светлого напарника.

Спокойное начало прибавило сил. Так продолжалось примерно с полчаса: дельфин нырял, несколько минут проводил у дна, поднимался, вентилировал легкие, опять нырял.

Наконец, вынырнув в очередной раз, он лег на воду и высвистел:

— Ничего.

— А неведомое? Так же давит или сильнее? — спросил маг.

— Меньше…

Это было непонятно. Бутырцев задумался. Рас-

сиживаться было некогда. Как бы они ни были сейчас защищены двумя амулетами, подготовленными для этого дела Львом Петровичем, но Сумрак все равно пил их силы.

— Пойдем на второй слой. Давай!

* * *

Второй слой встретил их неприветливо. Волнение моря усилилось, ялик стал еще меньше, течей в бортах добавилось. Моросил все тот же противный дождь, над водой тут и там клубилась вата тумана, просветы в тучах были редкими — одновременно увидеть все три луны не случилось ни разу. Обычно в небесном окне виднелась одна из них, окрашивая рваную и мутную лунную дорожку на воде в свой призрачный цвет: белый, желтый или кроваво-алый. Это были единственные цвета в этом свинцовом мире. Ветер дул мощно, тянул лодочку на скалы упорно, но без спешки. «Нелегко будет дельфину таскать меня на буксире», — пришла в голову очевидная мысль. Страха не было. Только холод Сумрака стал ощутимее. Ахрон задействовал еще один амулет и велел Нектону зажать другой в зубах — защита. Заодно пришлось заново обвязать зверя. Дельфин опять изменился, его формы стали

более бугристыми, зубастый клюв вытянулся еще больше. Лопасти хвоста стали шире, спинной плавник тоже подрос.

Когда дельфин вынырнул первый раз, на нем «лица» не было:

— Жуть… чудища…

— Что же ты… за веревку не дергал… три раза надо… — общаться стало проще, они хорошо понимали друг друга, но ветер забивал рот воздухом, вырывал слова и уносил их в сторону скал, куда тащило его лодку.

— Что там неведомое?

— Чувствую… есть оно… но не совсем там… Ты другой… стал…

Бутырцев оглядел и ощупал себя. Да, на этом уровне Сумрака его вид немного изменился: одет в рваное рубище, босоногий, волос на голове нет, ногти на руках и на ногах стали больше на когти походить, во рту… зубы хорошие, крупные, но клыки обычные человеческие. Далеко ему до сумеречного образа Шаркана, вот он демон так демон.

Ахрон проверил, надежно ли руки управляются со спасательной веревкой, не мешают ли ногти-когти. Движения были медленные, ленивые, но уверенные. Нет, руки не подведут.

— Посмотри еще.

* * *

Нектон добрый десяток раз уходил под воду и осматривал дно. Быстро нырять и плавать не получалось, этот мир не любил скоростей.

Ничего нового на этом слое дельфин не нашел — ржавые куски, даже глыбы металла, обрывки, обломки, осколки, траченные разложением. К теням, мелькающим в поле зрения, но не пытающимся приблизиться, он привык. Хуже было другое — Сумрак сосал силы, холод пробирался в глубь тела, дельфина начинал бить озноб. Пора было идти дальше, о чем он, вынырнув, сказал Ахрону. Темный согласился с его мнением.

* * *

К третьему уровню Ахрон пожертвовал еще один амулет, дающий Силу, причем большую часть полученной мощи отдал Нектону — перевертышу приходилось несладко.

Третий уровень встретил их еще более угрюмо. Здесь было немного света. Он шел от черно-багровой тучи, которая закрывала все небо, отражаясь в такой же воде: тяжелой, тягучей. Волны кати-

лись по морю мерно, большие валы неторопливо следовали один за другим, покачивая скорлупку, в которой очутился Ахрон. Его лодка здесь представляла собой каркас из каких-то веток, обтянутый коровьими или лошадиными шкурами.

В сотне саженей виднелась скучная стена серых скал, сложенных из больших плит. В этом мире не было мелких деталей, не было красок.

Двигаться не хотелось, да и не очень получалось. Каждое движение давалось с трудом, будто тяжелый спрессованный воздух сопротивлялся действию, придавливал к поверхности. Нектон лежал на воде, не шевелясь, — вытянутое веретено с длинным зубастым рылом, широкими лопастями хвоста и короткими плавниками. Сам Ахрон еще более огрубел, уподобился черту — во рту появились неудобные клыки, когти не давали плотно сжать кулаки. «Как же я буду за веревку тянуть?» — мысль была такая же неспешная, как и все вокруг.

Нечасто Ахрону приходилось бывать на третьем слое. Не хотелось сюда попадать, хоть ты убей. Да и кому бы хотелось? Что тут делать? Что искать?

Искать… Ах, да, надо велеть Нектону нырять. Получится ли у дельфина вообще уйти в эту тя-

желую воду?

— Нектон… ищи! — как собаке приказал Темный перевертышу.

Дельфин нехотя опустил голову в воду, шевельнул хвостом, разворачиваясь рылом вниз, начал погружаться. Сначала скрылась в воде голова, потом перед взором Ахрона прошла, протянулась справа налево длинная спина… спинной треугольник… опять спина… хвост… вот он начал задираться вверх. Еле-еле туловище животного скрылось под водой.

На мага навалилось оцепенение, затуманенный мозг не хотел думать. «Не заснуть бы…» — Ахрон с трудом удержал глаза открытыми, заставил себя смотреть, видеть, поворачивать голову туда-сюда. Ничего нового в этом мире не появлялось, но надо было держаться.

Нектону было трудно уходить под воду, но выныривать оказалось еще сложнее. Воздух в легких заканчивался, а быстро всплывать не получалось. Даже дважды дернуть за веревку удалось с трудом. Так же не сразу и очень медленно веревка натянулась и стала помогать ему всплывать.

Потом Нектон долго лежал на воде, пытаясь откусить от киселеобразного воздуха нужную

легким порцию. Казалось, что пришел конец. Почему он не сказал Темному, что заплывал на третий слой один раз за все эти столетия, ни разу там не нырнул и выскочил оттуда через десяток секунд? Неужели придется опять погружаться к этому пустому дну?

* * *

Дельфин нырял три раза. На дне не было ничего, кроме камней. Возможно, это были куски металлических судов, но как это было понять?

Неведомое существовало где-то неподалеку, но было чем-то закрыто. Дельфин кожей чувствовал мелкую вибрацию. Это была не магическая вибрация, которую мог бы уловить сильный Иной. Только особенная чувствительность поверхности тела животного да его способность видеть-слышать такие колебания позволяли Нектону догадываться о существовании непонятного.

* * *

Что на третьем слое Сумрака происходило быстро, так это потеря сил. Первостепенный маг и сильный перевертыш с необычайными способностями были уже на грани. У Ахрона оставался

последний амулет, способный дать им еще Силу пройти дальше. Надо было решать, попытаться с его помощью спуститься на четвертый слой Сумрака или возвращаться сейчас? Смогут ли они вернуться с четвертого слоя? Да, Ахрон был сильным магом — в некоторых моментах уже смог помериться чистой Силой с Шарканом, почувствовать себя на грани перехода в Высшие. Если, конечно, его начальник не хитрил, с него станется играть в свою игру. Чувствовалось, что и Нектон не так прост, что в нем за века накоплен большой запас Силы, который он наверняка сможет выплеснуть в критический момент. Но это были лишь предположения.

— Пойдешь на четвертый слой? У меня есть амулет, он нас туда протолкнет. Но для возвращения придется выкладывать свою силу. Заглянем одним глазком и назад. Сможешь?

Долго, очень долго он произносил эту фразу. Время утекало вместе с энергией тела и души. Либо сейчас, либо никогда. Ну, Нектон!

— Пошли!

Ахрон прикоснулся к амулету определенным образом.

* * *

Их выбросило в какой-то дурацкий мир. Розовато-белое небо, вдали плоский бесцветный берег с редкими черными камнями. И никакого моря, никакой воды.

Под ними была гладкая и твердая поверхность. Будто море стало стеклянным. Но это стекло было не прозрачным, серо-синим, монотонным. Лишь редкие искорки на его поверхности давали намек на существование других оттенков цвета в его толще.

Ахрон поскользнулся на этом поле и начал падать. Движения здесь получались более быстрыми, чем на третьем слое. Тело не сразу это осознало, не сумело приспособиться, и Темный маг тяжело приложился коленями о бывшую воду. Боль была сильной. Но не это его испугало.

В двух шагах от него, наполовину «вмерзнув» в эту твердую воду, лежал дельфин. Нектон судорожно пытался сдвинуться с места, высвободиться, но у него ничего не получалось. На третьем слое он был почти полностью в воде, даже пасть его была под водой. Здесь он оказался погружен в неведомую субстанцию ровно настолько же. Подковка его дыхала на темени, выступавшего над

поверхностью, то открывалась, то закрывалась. «Хорошо, что может дышать», — промелькнула отстраненная мысль.

Ахрон тут же свалился рядом с дельфином в приступе бессилия. Надо быстро ловить свою тень и убираться отсюда, возвращаться на третий слой, где чертовски плохо, но можно было жить.

Сразу стало понятно, что Нектона не вытащить. Надо срочно уходить самому. Темная натура Ахрона рвалась к спасению.

«Как же Нектон? Ты не можешь его здесь оставить», — прошептало что-то человеческое в старом маге.

«Могу! Отстань», — отбился Темный.

«Ты должен его спасти, хотя бы попробуй», — уговаривал, кричал в Ином человек.

«Пошел ты ко всем чертям!» — заорал маг на человека и… шагнул к дельфину. Попробовал вытащить из дурацкой массы — ничего не получилось. Ахрон начал ковырять застывшую воду когтями. Только сорвал эти ногтекогти, серая кровь потекла с пальцев, Сумрак впитывал ее, забирая жизнь. Нектон задыхался — Сумрак убивал его тоже. Ахрон запустил руки в глубь вдоль тела еле живого дельфина, вминая их в плоть Нектона, и попытался вытащить из этой ловушки. Ему

почти удалось вытащить товарища, но грудные плавники впаялись в субстанцию намертво. Их даже отрезать было нечем. Да и времени на это не оставалось. Время вообще заканчивалось. Их время.

«Бросай, ты уже попытался!» — требовал Темный в нем.

Ахрон, лежа сверху, обнял дельфина просунутыми под тело зверя руками и заорал Нектону куда-то в район дыхала:

— Ищи тень, уходим! Выкладывайся!

Легко сказать, он свою-то тень никак не мог нащупать. Но вот же она, вот! А сил уже нет…

Нашлись какие-то остатки. В нем, в амулете, в Нектоне. Он рванулся, уже почти выбрался, уже ощутил нормальную ледяную до жути, отрезвляющую воду третьего уровня Сумрака, но натянувшаяся до звона веревка, связывающая его с дельфином, не пускала.

Тогда Ахрон выскреб из себя все, оставив чуть-чуть силенки… на последующий развод, потом же надо будет как-то существовать… надежда жила в нем… и бросил эти поскребыши в веревку.

Медленно захлебываясь в тягучей воде, он тянул и тянул за неподдающуюся веревку. Но наконец она, кажется, пошла… или потянула

его за собой. Глаза заволокло серым, и Ахрон отключился.

* * *

Он пришел в себя от холода в воде. Холод сковал его всего, его трясло, но он не мог даже пальцем пошевелить.

Он был в воде, но лежал на чем-то гладком. Вода, обычная соленая морская вода омывала его тело, захлестывала лицо, глаза, забивала ноздри, и Бутырцев судорожно откашливался, захлебываясь вновь.

Стоило ему вывернуть голову, задрать лицо, как ночное небо сверху добавило воды, поливая его мелким дождиком. Одно отличие — вода была пресной, и это показалось Льву Петровичу настолько важным, что он открыл рот шире, стараясь не упустить такую драгоценную вкусную влагу, которую можно было пить!

Шум волн, где-то неподалеку неторопливо тыкающихся в скалы, подсказал Бутырцеву, что берег рядом. Но тот, кто нес его по поверхности моря, развернулся и поплыл вдоль берега, следуя за его изгибами. За очередным поворотом леденящий ветер практически стих, но теплее от этого не стало, тело окоченело напрочь.

Наконец неведомый спаситель добрался до нужного ему места. Он приткнул тело Бутырцева к берегу и шумно заплескался. Потом крепкие руки ухватили потерявшее чувствительность тело под мышками, и мага выволокли на берег. Тут Лев Петрович потерял сознание.

Виделось ему, будто бы лежит он у себя в петербургской квартире на Литейном. Стоит зима, а печка не топлена, комната выстужена, через окно без стекол метель задувает. И ни слугу позвать, чтобы окошко хотя бы подушками заткнул и печь растопил, ни самому заклинание простенькое сотворить. Перина в постели была будто вся из булыжников, одеял нет, а ведь у него их два было, оба на лебяжьем пуху. Да еще плащ был непромокаемый. С башлыком.

Догадался тут Лев, что пришло ему время помирать. Замерзать, как ямщику в метель в чистом поле. Сказать о смерти его предстоящей пришел к нему незнакомый Светлый, который присел рядом с ним, затряс его изо всех сил, склонился над ним, начал тереть больно, да как заорет в лицо ласково так:

— Левушка…

V

— Лев, не дури! Сдохнуть всегда успеешь. Лев, очнись! Ахрон, собака, очнись, — и по щекам его, по щекам. Больно вдруг стало, и вроде кровь с губы разбитой железным вкусом на языке отдалась. «Жив я, что ли? Наверное, жив… — мысли были вялыми. — Третий слой? Выбрались… Холодно-то как… Как же дальше-то карабкаться, сил уже нет…»

— Ожил! Я тебя сейчас разотру, больно будет. — Спаситель перевернул тело Бутырцева, да так неловко, что Лев Петрович лицом к чему-то приложился — не разглядеть в этой дождливой темени.

Предупреждение о боли оказалось никудышным предсказанием. Было не больно, было очень, до невозможности больно. Кто-то с силой мял его руки и ноги, скручивал мышцы, втыкал ему пальцы в спину. Везде, где прикасались руки спасителя, возникала боль. Сначала неспешная, она легко покалывала, потом колола, набирая силы, потом пронзала насквозь. Хотелось криком кричать, но сил хватало только на глухие, задышливые стоны.

— Спасибо, Лев Петрович, вытащил ты меня. На

веки вечные тебе обязан. Если бы не твоя веревка, там бы и остался, в море этом затвердевшем, как в гробнице. Я уж и жить не хотел, но ты меня выволок на третий слой. И так мне обидно стало там помирать. Что же это я, думаю? Ты меня вытянул, всех сил лишившись, а мы тут на пару ко дну пойдем, как ракушки безмозглые? Нет, не за тем мы друг за друга держались, чтобы вместе подохнуть, а затем, чтобы плыть свободно. И я вынырнул на второй уровень. Всю Силу, какую накопил за жизнь, в этот нырок вложил. И тебя на веревочке притащил. Со второго-то нас уже, как пробку, на первый выкинуло. Первый — почитай, море родное, плавай, плескайся на здоровье, тут уже и балаклавские скалы рядом. Тут я никому не дам утонуть. Никому из друзей.

Псарас рассказывал, разминая, тиская мокрое тело Бутырцева, разгонял заледеневшую кровь по жилам, согревался сам, выкладываясь на этой работе. Лев Петрович отдавался блаженному теплу, потихоньку входящему в конечности, но понимал только одно: старый перевертыш вытащил его с того света. Что они там забыли, что искали? Что-то важное… наверное…

— Нектон… Зозимос… Ты что-нибудь почувствовал на… мы докуда с тобой… на четвертом

слое? — забытые слова вспоминались с трудом, но мозг уже начал беспокоиться, уже сделал первые неверные выводы, уже выдвигал гипотезы и строил планы.

— Там оно, Лев, там. Под стеклом этим погребено. Впаяно в этот лед, не выберется. Ничего сделать не может. Но я его шкурой почуял.

— И что же это? Какое оно? — любопытство разогревало мозг, не давало впасть в спячку.

— Темное. Мощное. На что-то нацеленное. Жалеет, что до цели своей не дотянулось. Но долго не протянет. Задавит его это стекло нечеловеческое. — Грек перестал растирать Бутырцева. — Лев, возьми, прикройся, у тебя из одежды только подштанники и рубашка нательная остались, да сапоги как-то уцелели. Извини, нет у меня ничего больше.

Бутырцев в темноте с трудом разглядел, что полуодетый Зосимос протягивает ему не то старое пальто, не то халат, в котором он пришел на дело.

— Спасибо, друг. Как же ты, зима ведь на дворе? — спросил он одетого в широкие шаровары и длинную вязаную кофту грека.

— Да что мне сделается? Я рому хлебну, что англичане своим солдатам выдают. — Он сунул

руку под камень, на который присел, закончив растирать Бутырцева. В руке его оказалась фляга. Сделав пару гулких глотков, он протянул сосуд Льву Петровичу. — Хлебни и ты, прочисти горло. Пальто себе я сейчас выменяю на рыбу у них в лагере.

— Кха-ха… га… — закашлялся Бутырцев, когда по горлу прокатилась ядреная жидкость. Давненько Лев не пил такой крепкой дряни. Да и вообще пил редко, в основном вина к вкусным кушаньям. — Зозимос, где же ты сейчас рыбу возьмешь?

— Как где? Я же этой ночью ходил сеточку свою потаенную проверять, забыл, что ли? Ты же мне помогал. Вот и добыча. — Рыбак усмехнулся, подошел к берегу и потянул за незамеченную Бутырцевым веревку. Из воды показался большой плетеный садок, в нем тут же забились серебристые рыбины.

— Кефаль. Почитай, почти два пуда рыбы. Не только на пальто хватит.

— Ну, ты, брат, силен! — восхитился Бутырцев. — Что же ты скажешь, куда свою одежку дел?

— Барину одному продал. Тот, растяпа, умудрился в лужу с машинным маслом упасть, пальто

свое сгоряча с себя содрал, да в бухту выкинул, теперь в нем крабы небось живут. Так что барин мне денег за пальто не пожалел. А я, старый пьяница, денежку-то пропил. Вот теперь рыбу на одежу и вино меняю. — Грек говорил, лукаво поглядывая на Льва Петровича, и так хорошо становилось на душе от его немудреных, но продуманных завирушек, что Бутырцев поверил: все удастся сделать, разобрать, разложить по полочкам и ткнуть виновных носом в вонючую лужу.

— Ты, Лев, не грусти, Сила твоя — дело наживное. Много из тебя и меня Сумрак высосал, но до донышка амфоры… кувшина не добрался. Крошки ее в нас остались, но этого нам хватит, чтобы сейчас немного новой собрать.

— Нельзя мне сейчас, засекут дозорные англичане. И тебе нельзя по той же причине.

— Знаю, я у них на примете стою. Но полностью не открывался, да им этого и не надо было. Сказали, чтобы в дела людей не лез и не помогал никому. А я что? Никто не знает, что я такой старый, поживший-повидавший, ума набравшийся. Пьяница да рыбак известный. Забыл, когда перекидывался, не тянет меня. Выпить тянет, а в эти ваши игры играть…

Все было у Псараса продумано, замаскировано

внешней простотой недалекого слабого перевертыша. Разве способен такой местный забулдыга на что-то дерзкое? Да ни в жисть!

— Ах, молодец какой! — искренне восхитился Бутырцев., — Пошли, что ли, проводишь меня тихо до лазаретов, я там чуть-чуть Силы возьму — боли и горя там хоть отбавляй, все Темные набрались Силы на этой войне под завязку, запрещай ты им это, не запрещай.

— Да уж, мне сложнее будет, — заметил грек, поддерживая еле бредущего Бутырцева под локоть. Может быть, и сам держался за товарища. — Но я помаленьку-потихоньку, негоже радость у людей здесь отбирать, мало ее. Поэтому я у природы буду брать. До места Силы какого бы добраться.

— Много ли таких мест в округе?

— До войны поболе было. Сейчас источник, что на горе в крепости был, иссяк. Сказывают, что и севастопольские обмелели, да и дальше в горах какая-то напасть с живительными родниками случилась.

— Вот оно как… не знал, — задумался Бутырцев, — надо нам с тобой, дорогой ты мой товарищ, поговорить об этом. Может быть, на спокойную голову ты еще что припомнишь из нашего похода

в Сумрак.

— Заглядывай в Балаклаву, поговорим, а как же, — ответил Зозимос. — Уж мы и до лазаретов дошли. До свидания, друг.

— Будь здоров, Нектон. Я должник твой.

Мужчины крепко обнялись, расцеловались троекратно и пошли каждый своей дорогой.

* * *

Лев был осторожен, черпая темную Силу эмоций лазаретов, бьющих через край вблизи этих прибежищ раненых и больных. Следов оставлять не стоит, ему будет сложно объяснить свое ночное пребывание в Балаклаве, занятой вражеским лагерем. Поэтому Силы он взял ровно столько, сколько надо, чтобы проехать через позиции под пологом невидимости да сферу невнимания сейчас сотворить.

Лошадка его, тоже прикрытая сферой, мирно дремала у развалившегося домика, там, где он ее привязал. Бутырцев с трудом вскарабкался в седло. На обратном пути он планировал обдумать все, что им с Нектоном повезло узнать в ночном деле. Но не получилось — почти всю дорогу домой он проспал, вынырнув из тягучего ленивого бреда на несколько минут, чтобы пересечь пози-

ции. Судьба и полог хранили его — никто ничего не заметил.

Лишь чуткие уши пластуна-казака уловили невнятные звуки, заставили лежащего в секрете воина приподнять голову над чахлым кустиком перекати-поля на склоне Килен-балки в районе второго бастиона. Но сколько бы ни вглядывался природный ведьмак в серую предутреннюю тьму, он ничего не заметил.

Глава 14

Приказ Управляющего Морским министерством

«Декабря 6-го дня № 1260

Государь император, в ознаменование признательности Своей за беспримерное мужество, усердие и труды всех войск, как сухопутных, так и морских, составляющих с 13-го Сентября сего года гарнизон Севастополя, Всемилостливейше повелеть соизволил: чинам этих войск, каждый месяц пребывания их в составе означенного гарнизона, зачесть за год службы, по всем правам и преимуществам.

О таковой Монаршей милости объявляю по Морскому Ведомству к надлежащему исполнению».

* * *

Случайное и героическое участие Филиппа Ныркова в Инкерманском деле и последующее его тяжелое ранение доставили Бутырцеву немало неудобств. Мало того что его ближайший помощник и резонер для размышлений вслух

вдруг перестал удобно подворачиваться под руку, так еще надобно было следить за тем, чтобы молодой человек, выпавший из-под его наблюдения, где-нибудь не набедокурил без начальственного попечительства.

Восторженный патриот мог совершить подвиг, который потом пришлось бы приписывать божественному провидению, мог невзначай влюбиться и пропасть для дела Дозоров, мог кого-нибудь спасти… Скорее всего какую-нибудь девицу. В конце концов, мог чудесно исцелиться, чем он сейчас и занимался.

Сколько раз, посещая лазарет, втолковывал «дядюшка» Лев Петрович шустрому «племяннику»: лежи, Филипп, выздоравливай. В реляции об Инкерманской битве ты упомянут, представление тебя к ордену Его Императорскому Величеству направлено — болей себе на здоровье, поправляйся. Не пытайся чудом исцеления врачей изумить. Они-то тебя еще хотят на три месяца уволить в отпуск для излечения болезни, происходящей от контузии, а ты им на следующий день — нате, смотрите: зарубцевалось, легкое здорово, не хрипит, кушаю хорошо — клистеры ставить не надобно. Выздоровеешь не через день и даже не через неделю, месяца два поваляться в лазарете

надобно. Потом явишь эскулапам крепость организма и действенность их таланта.

Конечно, мичман гордился уже самим представлением к Владимиру, прикидывал, как на его мундире будет смотреться темно-красный эмалевый крестик 4-й степени ордена с бантом черно-красной ленты. Столь почетная боевая награда высоко подняла бы его в глазах незнакомых офицеров. Знакомые на бастионах и батареях уже знали отчаянного ординарца, смельчака-мичмана, не желавшего кланяться пулям и ядрам. Совсем как обожаемый Филиппом Павел Степанович Нахимов.

Многие в декабре тысяча восемьсот пятьдесят четвертого ждали наград и чинов к Рождеству. По совести говоря, большинство заслуженно. И очень надеялись дожить.

А Нырков рвался на службу, на войну, где гибли люди, по большей части неизвестные ему, но иногда и те, кого он узнал за пару месяцев службы и успел высоко оценить. Стыдно было валяться на койке ему, здоровому, когда не хватало людей на бастионах. Он даже втайне от Бутырцева еще до ранения просился на батарею, но Павел Степанович ответил, что Филипп ему и здесь нужен: ну-ка, вдевай ноги в трапы и доставляй приказ

галопом.

Кстати, о трапах этих смешных. Флотские офицеры, сошедшие со своих кораблей на береговые укрепления, умудрились дать флотские названия совсем не морским вещам. Так стремена стали трапами. Тут не трудно догадаться. Но мордобрасами Филипп Бутырцева уел. Конечно, Лев Петрович — опытный военный. Но сухопутный до самого нутра. Да и то больше инженер. Хотя, конечно, это Темный разглядел в бомбе, напугавшей Иоахима Пекуса, каленое ядро, а ведь все равно обратился к нему, морскому артиллеристу, за подтверждением. Но господину коллежскому советнику вовек не догадаться, что такое мордобрас, если не знать, что брас — это снасть бегучего такелажа, закрепляемая за нок рея и служащая для разворота паруса в горизонтальном направлении. Получается, что неведомый мордо-брас — «поворачиватель» морды, то есть обычные поводья лошади. Флотский шик-с!

Филипп развлекал себя пустыми мыслями и рвался к настоящему делу. Бутырцев, как мог, сдерживал порывы юноши и поручал ему пустяковую и скучную работу: слушать набивший оскомину магический фон, отыскивать Иных среди раненых и опрашивать их — совсем зряшное

занятие, какие раненые могут быть среди Иных? Люди Сумрака на войне либо погибают, либо сами свои раны зализывают.

Еще надо было общаться с офицерами и нижними чинами на предмет необычного, увиденного ими на этой войне. На эту тему все охотно распространялись, ведь диковинного, из ряда вон выходящего и даже чудесного на войне хватает. Одна проклятая шашка покойного адмирала Корнилова чего стоит.

Много было необъяснимых случаев на войне. Случалось, человек на бастионе за пару месяцев царапинки не получал, а погибал, выбравшись в город, в своем доме, в кровати от случайно залетевшего туда ядра. Как ни вглядывайся в эти казусы — ничего магического, одно мистическое.

Баек на эту тему Ныркoв наслушался изрядно, хоть в «Морской сборник» пиши. Или уж прямо в «Санкт-Петербургские ведомости». Честно говоря, Филипп уже несколько раз отправлял туда корреспонденцию о славных делах севастопольских защитников, но от редакторов почтенных изданий не было ни ответа, ни привета. Видно, плохой был из него литератор, не то что знакомый артиллерийский поручик с четвертого бастиона граф Толстой. Уж умел тезка Бутырцева

со словами управляться!

В частности, Филипп посылал рассказ о героических подвигах своего друга мичмана 31-го флотского экипажа Батьянова. Тот служил на Малаховом кургане, в стрелковом батальоне, составленном из моряков экипажа. Филипп на Малахов частенько доставлял приказы из морского штаба. Миша был всего двумя годами старше Филиппа, двумя годами ранее выпустился из Морского корпуса, даже преподаватели у них были одни и те же. Поэтому молодые люди легко познакомились и быстро нашли общий язык.

Как-то раз при обстреле загорелся пороховой погреб, Батьянов с несколькими матросами вынес оттуда боеприпасы и сильно обгорел. Другой раз погреб взорвался, Михаил был рядом, получил контузию, и у него обгорела правая сторона лица. Но продолжил нести службу. Первого ноября, выполнив в городе поручение адмирала Истомина (тоже ординарцем бывать доводилось) и возвращаясь ночью верхом из города по мосту через Южную бухту, свалился с лошадью в воду. Выплыл на Павловский мыс, отогрелся и на другой день был уже на посту. Кому другому одного такого случая хватило бы, чтобы отдать Богу душу, а Миша жив-здоров, воюет. И орден

уже имеет — Святой Анны 3-й степени с бантом. Тогда шестьдесят один мичман гарнизона такой орден получил. А Миша опять представлен. К Владимиру.

Бутырцев, мимолетно взглянув на Батьянова, с недоумением произнес: в будущем вижу его, мол, в чине высоком, вроде генерала от инфантерии, на посту командующего армией. Конечно, на Льва Петровича иной раз непонятные озарения накатывают, но тут он явно пальцем в небо угодил: моряк — да в пехотные генералы? Да еще в полные? Эх, Лев Петрович, Лев Петрович… Филиппу даже стыдно было бы о таком подумать, не то чтобы вслух… ляпнуть. Но Бутырцев еще добавил, что за Севастополь Михаил Георгия получит. Это, конечно, поворот! Но чтобы мичману даже четвертую степень получить… Что же такое надо совершить? Хотя, конечно, за спасенный от взрыва погреб на Малаховом стоило дать вовсе не Анну.

После Лев Петрович и вовсе ахинею понес: будто бы командовать армией Батьянов будет на русско-японской войне. Это что же за война такая? Чем же эти узкоглазые да желтолицые воевать с Россией собрались? Мечами и палками? Несуразица полная. Тоже еще предсказатель

нашелся.

Больше всего хотелось Ныркову, чтобы и о нем написали в «Морском сборнике». Принимает он, допустим, у себя в Петербурге гостей, а у него в кабинете лежит небрежно раскрытый в нужном месте том, где о нем написано, как о капитане первого ранга Юрковском: «Своим влиянием на подчиненных он из них делал богатырей…» Или совсем скромно, как о 37-го флотского экипажа лейтенанте Папаегорове: «Командуя фасом на батарее № 10 и подавая подчиненным пример храбрости и самоотверженности, исполнял мужественно и с хладнокровием свои обязанности». Пусть так просто, да. И некая барышня, симпатичная до невозможности, случайно бросив взгляд в книгу, вдруг в изумлении распахнет прекрасные свои глаза: «Как! Неужели это о вас, Филипп Алексеевич? Я даже не знала, что вы настоящий герой!!!» И…

Кого бы попросить о нем написать? «Дядюшку» Бутырцева? Этот напишет. Но такое… Если не пошлет куда подальше.

Но подальше послал Ныркова доктор-американец, лечивший его в Севастополе. В Симферополь послал. Так эскулапу Бутырцев на ухо нашептал. Отправили выздоровевшего раненого на осмотр

знаменитейшему хирургу Николаю Ивановичу Пирогову, пусть чудо исцеления сам узрит и свое докторское заключение явит. Не все же ему одному коллег изумлять.

* * *

Дорога, ведущая из Севастополя в Симферополь, мало изменилась со времени памятного октябрьского путешествия, только добавилось грязи, разбитых телег и трупов животных на обочинах. Если бы не мороз, случающийся обычно по ночам, в грязи утонуть можно было бы, да и смердело бы необыкновенно.

Сам Симферополь явил мичману картину типичного тылового города, близкого к театру военных действий: суматоха у складов, переполненные госпитали и гостиницы, разгульные поставщики и пьяные офицеры в трактирах и ресторациях. Важные, преисполненные чрезмерного достоинства чиновники и представители комитетов, денно и нощно пекущихся о благоденствии воинства в Севастополе.

Действительный статский советник и кавалер, академик, автор многих ученых трудов Пирогов в осажденном Севастополе побывал в ноябре. Сейчас чудо-хирург инспектировал работу бах-

чисарайских и симферопольских госпиталей. Тут же были и привезенные им из Санкт-Петербурга сестры милосердия Крестовоздвиженской общины, о которых так хорошо отзывались все, за кем они ухаживали.

Филипп воочию увидел нескольких из них. Все были наряжены в коричневые платья с белыми накрахмаленными обшлагами, в белых фартуках. На головах у милосердных сестриц были яркие белоснежные накрахмаленные чепчики. В глаза бросались наперсные золотые продолговатые кресты на широких голубых лентах. Поговаривали, что сама вдова царского брата Михаила великая княгиня Елена Павловна придумала эти костюмы и на свои деньги снарядила их. Только одна из виденных Филиппом сестер вместо чепца носила черный монашеский клобук — рясофорная мать Серафима. Среди сестер было много дам в летах, вдов чиновников, хотя были и девицы, тоже преимущественно чиновничьего сословия. Были и мещанки. Командовала ими пожилая капитанская вдова Стахович, дама крупная и властная, уверенная в себе. У такой раненый не забалует, сразу на поправку пойдет.

Пирогов оказался милейшим человеком. С лысиной, захватившей лоб и успешно осваивающей

темя, с роскошными бакенбардами. Не молодой, за сорок, но и пожилым его было назвать трудно. На его лице читалась усталость, но держался он молодцом. Ласковым голосом он расспросил Филиппа, прочитал бумаги из госпиталя, осмотрел зарубцевавшиеся раны — шрамы на теле Филиппа Бутырцеву пришлось оставить. Своими сильными жесткими пальцами мял его и так, и этак. Заставил дышать полной грудью, слушал легкие, приставив ухо к молодецкой груди мичмана.

— Крепкий у вас организм, голубчик! Отлично все зажило, всегда бы так, — отметил медик. — Не вижу препятствий для дальнейшего прохождения службы. Но ведь вам, Филипп Алексеевич, отпуск по ранению полагается. В бой рветесь? Похвально.

Интонациями и «голубчиком» он сильно напомнил Ныркову Бутырцева.

Николай Иванович выписывал ему бумаги, а сам подробнейшим образом расспрашивал Ныркова, как его с поля боя выносили, где перевязывали, как осматривали, кто и как оперировал, как лечили. Как, по мнению мичмана, лечат других раненых, да сколько народа болеет на бастионах, какими болезнями. Нырков по во-

просам понимал, что это не досужая болтовня, что профессор отлично осведомлен о том, что и как происходит в его «епархии», что слова его, Филиппа, всего лишь подтверждают строгую систематизацию окружающего в голове медицинского генерала. Не зря Николай Иванович пользуется таким уважением среди медиков и любовью раненых воинов, которые верят в способность Пирогова творить чудеса.

Глава 15

I

Чай был крепкий и душистый, приправленный травами. Из всего букета Лев Петрович по запаху определил только чабрец. Но было что-то еще в этом ублажающем душу напитке — природное, нерукотворное: то ли знойное дыхание летней яйлы, то ли неумолчный звон цикад на раскаленном солнцем скалистом склоне поросшей можжевельником горы. Кто-то умело перенес лето в этот чай, и время, укрывшись в этом небольшом домике от зимы, текло по-своему. Пусть февральский день за окнами был скучен и беден на краски, но здесь, сидя по-турецки на полу на небогатом потертом ковре, Бутырцев видел яркий мир.

Махсуд поначалу был немногословен. Но стоило заговорить о Крыме, о красоте его родной земли, о людях, живущих здесь, старый татарин с молодым лицом явил себя интереснейшим собеседником с философией, рожденной опытом нескольких веков.

Его взгляд на свою жизнь был прост.

— Мы тут всегда жили. Мы по-разному назывались, верили в разных богов. Нас завоевывали разные народы. Потом пришлые уходили. Новые пришлые ставили новые крепости и оставляли в них гарнизоны. Мы, люди этой земли, люди Крыма, оставались здесь. Тут могилы наших предков. В степях, горах, реках, деревьях, даже в здешнем небе живут духи наших пращуров. Когда я умру, я буду вместе с ними.

«Хорошо ему. Он помнит, как он прожил свою жизнь, он знает, где он будет после смерти», — думал Бутырцев, слушая татарина.

Неслышно вошла невысокая худая женщина, одетая в темное, по самые глаза закутанная в простую накидку коричневого цвета. Поставила на ковер широкое терракотовое блюдо со стопкой ароматных жарких лепешек. Движения ее были изящными, а тонкие смугловатые пальцы сильными — блюдо было тяжелым. Так же неслышно удалилась.

Возраст было не разобрать. Но явно не старуха. Дочь, сноха, родственница?

Махсуд внимания на женщину не обратил — уклад его жизни был давно определен, все в доме шло своим естественным образом. Хозяин взял верхнюю лепешку, разломил ее пополам

— легкий парок воскурился на месте разрыва. Окунул половинки в чашку с медом, протянул одну Бутырцеву:

— Отведай, гость моего дома. Хороший мед, добрый.

Вновь пахнуло летом. И вкус: насыщенный, с легчайшей полынной горчинкой — самое то к душистому чаю. Бутырцев даже глаза прикрыл от удовольствия.

— Благодарю тебя, Махсуд, за столь изысканное угощение. — Темный маг был искренен в своем восхищении, и это не укрылось от хозяина.

— Спасибо за добрые слова в адрес столь скромного кушанья. Живу я небогато, не могу попотчевать тебя так, как положено угощать столь дорогого гостя, — обменялся Махсуд любезностью с Бутырцевым.

— Ты можешь и дальше потчевать меня интересными рассказами, — перешел к делу гость, потянувшись к новой лепешке.

— Что же волнует тебя? О чем ты хочешь узнать? — хозяин вновь наполнил до краев пиалу Льва Петровича.

«Ох, лопну! — подумалось Бутырцеву. Он сделал добрый глоток бодрящего напитка. — Но не сразу».

— Интересуют меня, уважаемый, предания и легенды о самых могучих крымских воинах, правителях, волшебниках и колдунах. О самых сильных амулетах, оставленных ими. Спрятанных, захороненных…

— Ты сам не знаешь, чего хочешь, Темный. И ты не понимаешь, что об этом можно рассказывать вечно. Ты не слушал меня. Каждая гора, каждая скала, каждая песчинка на моей земле несет в себе память о великом подвиге, о могучем воине, о бесстрашном герое, об удивительном чуде. О любви и верности, о предательстве и смерти. Были со временем становятся легендами, но я все хорошо помню. Я немало пожил, я видел мертвые тела на полу Тысячеголовой пещеры, что на Чатырдаге, — я воевал с теми, кто погубил прятавшихся там людей. Я видел изрубленное тело Феодоры, царицы Сугдейской, тогда я приходил осаждать Кастель вместе с генуэзцами… — Махсуд замолчал, ушел в себя, невидящим взглядом уставившись в стену. Что еще он видел, перебирая полустертые картинки в своей памяти?

Пауза тянулась, но наконец татарин заговорил:

— Ты мне хотя бы место назови…

Повисла пауза, Бутырцеву не хотелось рас-

крывать карты, да и из карт на руках были непонятные самому онеры.

— Хорошо, я понял — тебе нужно то, что было вокруг того города, который вы называли Корсунь… — Махсуду было нетрудно догадаться, откуда приехал к нему русский Темный.

— Да, Херсонес…

— …а теперь рядом с ним построили Севастополь. Там, где идет война, что-то происходит? Много Иных собралось в Балаклаве, в долине реки Казыклы-Озень… Чоргунь и дальше вокруг бухт. Ты там ищешь. Я прав?

— Чоргунь? А, понял — Черная. Да, там — в Севастополе и его окрестностях. Я знаю, там что-то спрятано, его многие ищут: Светлые, Темные, Серые… Русские, турки, англичане, французы, даже итальянцы появились.

— Помню я итальянских купцов и их войска: генуэзцы, венецианцы, неаполитанцы… Все искали себе денег, воевали между собой, заключали союзы с ханами и темниками Золотой Орды… — Махсуд опять задумался.

«Не прост старик, как чисто выговорил названия итальянских городов», — отметил Лев Петрович.

— Кадыр тебе нужен, — коротко бросил хозя-

ин, как выстрелил, и пристально посмотрел на гостя. — Точно, Кадыр. Из-за него у вас свары. Вы, христиане, никак не можете разделить этого великого праведника между собой.

— Что за Кадыр такой? Чем славен? Высший? Не слыхал, — пожал плечами Лев Петрович.

— Кадыр, чье имя переводится на твой язык как «Всемогущий», жил очень давно. За тысячу лет до моего рождения. Или еще больше. Мне о нем довелось только предания слышать от стариков, которые им их деды передали от дедов своих дедов. Был он одним учеником пророка Исы ибн Марьям, мир ему. Было тех учеников числом семьдесят, и Кадыр был одним из самых достойнейших. Когда был погублен пророк Иса, сын Марьям, мир ему, рассеялись его ученики по свету, неся учение о Боге в разные земли и страны. И довелось Кадыру сеять Свет в вечном городе Риме. Это было время гонений на учение Исы, мир ему. Схватили Кадыра слуги императора Рима, хотели убить, но ничего не смогли с ним поделать и сослали его в свою дальнюю провинцию — в город Сары-Кермен, камень в инкерманских каменоломнях добывать… — неторопливо повествовал Махсуд. Женская тень опять промелькнула в комнате, сменив остывший чайник на горячий.

— Кадыр от веры своей не отрекся и даже на каторге стал обращать в нее жителей Сары-Кермена, и римских воинов, и всех, кто приходил послушать его. Велика была сила его убеждений, многих он обратил в свою веру. Но не с пустыми руками пришел Кадыр к местным жителям. Был у него амулет Света, который сотворил сам Иса ибн Марьям, мир ему. Амулет этот давал Кадыру такую власть над умами и душами людей, что в иной день он по полтысячи человек склонял к вере своей.

Бутырцев слушал и дивился, как же все переплетено в истории Крыма, узнавая в Исе Иисуса Христа, почитаемого в исламе пророком Аллаха, угадывая в Сары-Кермене, Желтой Крепости, город Херсонес. История родной земли, которую услыхал от отцов, а потом и несколько веков творил древний Иной. Знает ли Махсуд, сколько ему лет? Помнит ли то, что «вспоминает», или пересказывает дошедшие до него мифы?

Иной между тем продолжал:

— Сильно не нравилось такое поведение Кадыра надсмотрщикам, хотя даже некоторых из них он сумел приобщить к вере. Но так велика была слава Кадыра как человека праведного, что не могли они в открытую убить его. Тогда они

тайно погубили ученика Исы, мир ему, утопив каторжника в волнах морских. И никто не знал, где тело пропавшего. Амулет тоже пропал вместе с Кадыром. Искали и человека, и амулет, но не нашли ни того, ни другого. Сказывали, будто бы некий болгарин веры римской нашел спустя века нетленные мощи Кадыра, похоронили их в Сары-Кермене. Искал прах Кадыра и ваш хан Владимир, когда овладел Корсунью, как вы город зовете. Но не нашел. Сам город не пережил нашествие Ногая, а потом Идигу разрушил оставшееся.

Помолчал, подумал. Добавил:

— Я так полагаю, искать тебе надобно амулет Исы ибн Марьям, мир ему. Амулет силы Светлой, мощи неслыханной. Никто его никогда не видел, Кадыр его никому не показывал, так что никто не знает, что это. Многие искали, да все мимо прошли. Признаться, я и сам по молодости ходил под стены Сары-Кермена, слушал шепот камней в Инкермане. Не нашел там ничего. Давно те поиски заброшены. Никто и не помнит теперь историю Кадыра. Ищи, Темный, может быть, тебе повезет, явится тебе Светлый амулет.

Непонятно было, смеется над ним татарин или видит что-то другое в этом противоестественном сочетании сторон Силы.

Но историю Махсуд поведал интересную, прав был Шаркан, советуя найти старого крымского татарина с молодым лицом.

— Никто не помнит, говоришь? Если ты прав, то именно погоня за амулетом Иисуса привела под Севастополь кое-кого из дозорных и Инквизиторов. Их сюда послали знающие историю Кадыра Иные.

— Ты ведь тоже здесь не по своей воле, тебя тоже направила рука твоего хозяина, — спокойно заметил Махсуд.

— Нет у меня хозяина, — резче, чем стоило, отреагировал Бутырцев и сник. — Ты прав, Махсуд, и меня тоже послали в этот поиск: «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что…» Только думается мне, что знали Высшие: и куда мне пойти, и что найти, и с кем схлестнуться придется, разгребая для них жар голыми руками…

Горько и обидно было Льву Петровичу. Давно уже он перестал себя считать пешкой на поле чужих игр, а вот оно как поворачивается…

— Все правильно говоришь — послали тебя. Думали, что ты слуга. Но я присмотрелся к тебе, Лев. Ты слуга Тьмы и больше ничей. Обожгутся пославшие тебя. Ты — мужчина, сам себе хозяин. — Татарин смотрел на Бутырцева спокойным

взглядом, не было в его словах ничего, кроме сказанного. Он тоже был хозяином самому себе.

— Спасибо тебе, Махсуд, — поднялся на ноги Бутырцев. Вслед за гостем молча встал и хозяин.

— Я — твой должник, — сказал вместо прощания русский Темный маг старому Светлому… кому?

Махсуд склонил голову, соглашаясь. Может быть, он даже знал, что задолжал ему русский не за рассказ о делах давних, не за сведения о Кадыре, а за те слова, которыми он вернул Бутырцеву уверенность в себе.

II

— Кто же этот Кадыр? Если мы узнаем, кто он, сопоставим персонаж из легенды, рассказанной Махсудом, с исторической личностью, человеком или Иным, то поймем, где искать его следы. — Бутырцев мерил комнату шагами. Призванный им для подачи реплик Ныркoв, как всегда, сидел за столом и пил чай, иронично поглядывая на заблудившегося в трех соснах наставника. К большому сожалению Светлого дозорного, его начальник настолько глубоко ушел в себя, что не видел саркастических гримас Филиппа.

— Отчего бы вам не посоветоваться со старши-

ми: с Шарканом, с Агнием… — играл роль, вернее сказать — валял дурачка — Нырков.

— Филипп, ты же отлично понимаешь, что Высшие пожмут плечами, молча выкажут презрение тупости и слабоумию такого ничтожного Иного, как я. Даже нотации читать не будут.

— Ох, как я вас понимаю, Лев Петрович, — подыграл начальнику Филипп. — Как часто я слышу нечто подобное. Кто только не норовит ткнуть носом младшего по званию, — с хорошо наигранным надрывом в голосе подал нужную реплику юноша.

Начальник севастопольского объединенного Дозора продолжал расхаживать взад-вперед по комнате. Увы, его длинным ногам требовались куда большие просторы.

— Лев Петрович, но вы ведь за точку отсчета своего поиска взяли тезис, что это был ученик Иисуса, Абсолютного Светлого? — подтолкнул Нырков Темного к разгадке тайны.

— Да, Махсуд сказал именно это, других толкований тут быть не может. И что из этого, по-вашему, следует, юноша? — Бутырцев наконец-то расслышал нотки ехидства в голосе подчиненного, остановился посреди комнаты и выразительно посмотрел на мичмана. — Я так

понимаю, любезнейший, что вы знаете больше моего?

— Знаю. — Ведра бальзама выплеснулись на душу младшего дозорного от одного только осознания того, что благодаря своим знаниям он понял, разгадал загадку с ходу, а его наставник бродит в потемках неведения. Мучается, страдает… Хотелось длить и длить эти радостные мгновенья. «Наконец-то отольются кошке мышкины слезки», — размечтался юный маг. — Лев Петрович, а вы Закон Божий в школе изучали? Новый Завет и Жития штудировали?

— Гм… Давно это было, усердием в изучении не отличался, знания мои в этом предмете были удостоены оценки «посредственно», многое запамятовал. — Лев Петрович выжидательно замолчал. — И?..

— А нас гонял отец Феодосий в Корпусе. Ох и доставалось же нам от него! — ударился в недавние воспоминания юный офицер.

— Нелегко научить молодых людей уму-разуму, — не удержался от шпильки Бутырцев, хотя не в его положении было язвить.

— Нелегко. Но научили, — парировал Филипп. — В тех самых Житиях указан некто Климент, апостол от семидесяти, четвертый римский

епископ, лично знававший Иисуса и крещенный святым Петром…

— Сосланный римлянами в каторгу в Херсонес, там же и преставившийся, изведенный кознями приспешников императорских. Как же я мог забыть! — вскричал Бутырцев, картинно хлопнул себя по лбу и рухнул в удобное кресло.

«Переигрывает, — отметил Нырков. — Решил сделать вид, что раньше меня вспомнил. Не пройдет этот ваш номер, господин Бутырцев».

— Монастырь во славу которого находится в пещерах Инкермана, в тех местах, где работал свой каторжный урок святой, где он проповедовал и нес свет веры, — завершил разгром противника Филипп.

— Или просто Свет, — после небольшой паузы отметил Лев Петрович. — Что же, юноша, признаюсь: обошли вы меня. Замечательно, что я вас позвал на эту вечернюю беседу — вы сэкономили уйму времени. Ум хорошо, а два — лучше, права народная мудрость. Голубчик, не в службу, а в дружбу — сделайте визит хозяйской приживалке, время не позднее, старушка пять минут назад за дверью чем-то гремела. Повод у вас будет приличный — спросите на вечер Жития почитать, у нее точно найдутся. И ей радость — господа

офицеры богоугодным делом занимаются, о душе задумались, и нам источник сведений.

— Я еще Библию бы спросил, вдруг что-то интересное в Новом Завете промелькнет, но милейшая Анастасия Феофилатовна сама его читает, мне Лидия сказывала, — отчего-то засмущался юноша.

— Библия у меня своя есть, — огорошил Ныркова Лев Петрович, — а Лидию попроси еще нам чайку заварить да Савве скажи, чтобы подал, как самовар готов будет.

Ничего не изменилось в расстановке «наставник — ученик» после грандиозной победы Филиппа в области религиозных знаний: как был он ординарцем, так и остался им. Что в морском штабе, что в Дозоре. Хорошо, что хотя бы ниже него должностью человек имеется — денщик Савка.

Что стоит Темному начальнику поднять своего Светлого подчиненного хотя бы до адъютантского уровня?..

Глава 16

I

К разговору с Шарканом Бутырцев был основательно подготовлен. Проведя день в Морской библиотеке, затем наведавшись к благочинному, протоиерею Арсению Лебединцеву, служившему в расположенном не так далеко храме во имя Петра и Павла, Лев Петрович смог многое узнать о Клименте. Просто поразительная картина вырисовывалась. Даже удивительно, что никто не догадался увязать в одно целое факты, лежащие на поверхности. Хотя наверняка многие высказывали интересные суждения, размышляя в нужном направлении. Только такие чудаки-идеалисты, как он, Нырков и другие дозорные и Иные — орудия в руках Высших — кладут здесь, в Севастополе, головы, не зная наверняка истинных причин.

«Пока Шаркан с Агнием в столичных салонах дам модным месмеризмом развлекают, мы в Севастополе…» — что такого сакрального «мы» тут творим, Лев Петрович не додумал, мысленно выстраивая логическую цепочку из добытых

знаний для доклада главе Темного Дозора.

Итак. Климент родился в Риме. Скорее всего уже после того, как Иисус Христос, Мессия и Абсолютный Светлый, ушел из земной жизни. Времена были бурные, интересные, во время морского путешествия в Афины пропала мать Климента вместе с двумя его малолетними братьями. Как рос наш герой, какие науки постиг, чем на жизнь зарабатывал — не суть важно. Главное то, что, познакомившись с учением Христа, в возрасте двадцати четырех лет римлянин отправился на Восток, желая узнать обо всем из первых уст. Александрия, Иудея, последовали знакомства с апостолами Варнавой, Петром, их учениками. Петр его и окрестил. Путешествуя далее с Петром, Климент находит братьев, мать, отца. Чудеса, да и только!

Как оказалось, его братья уже давно были среди учеников Петра, родители тоже приняли новую веру.

В Риме Климент становится одним из ближайших сподвижников Петра, первого римского епископа, из его рук получает такой же сан, а после смерти соратника Христа и ряда его приемников сам становится главой христиан Рима. На этом поприще он проявляет себя мудрым руко-

водителем, защитником веры, пишет послания к коринфянам, проповедует, благословляет и исцеляет. Конечно, все это из разряда легенд и отрывочных упоминаний в разных источниках.

Но христианская церковь, тогда еще единая, причислила его к тем семидесяти мужам Христовым, апостолам от семидесяти, которые помимо основных двенадцати апостолов были учениками самого Христа либо учениками Его учеников. Климент же — преемник самого Петра. Были ли они оба Иными? Возможно, об этом есть сведения у кого-то из Высших, у Инквизиции. Но даже если московские главы Дозоров об этом знали, то Бутырцеву об этом сообщить не удосужились. Играют в молчанку даже со своим следователем? Пусть их, мы и сами с усами.

* * *

Очередная волна гонений на римских христиан накрывает и Климента. Ему предстоит сделать выбор: или принести жертву старым языческим богам, или отправиться в изгнание на каторгу. Кто бы сомневался в его выборе.

Климента сослали к черту на кулички, в подчиненную Риму небольшую республику, в греческий полис Херсонес, что на Таврическом

полуострове. Ходили слухи, что в тех дальних краях уже побывал апостол Андрей, как его потом назовут на Руси — Андрей Первозванный.

Клименту предстояло взять в руки кайло и вырубать из холмов на берегах бухты блоки мягкого белого известняка. В каменоломнях он нашел братьев по вере, которых во множестве сгоняли на каторгу. Кому, как не Клименту, возглавить паству? И он, каторжанин, взял на себя этот нелегкий труд. Утешал, наставлял, исцелял. В тех местах не было пригодной для питья воды. Климент с помощью молитвы открыл родник чистой воды близ каменоломен. Светлый? Несомненно!

Слухи о чуде быстро разнеслись по всему полуострову. Местные жители родились и выросли среди легенд и мифов, в чудеса верили и сразу же потянулись к новому чудотворцу. Климент проповедовал без устали, обращал в свою веру, крестил до полутысячи человек ежедневно. Для новых христиан строились десятки новых церквей, храмы старых языческих богов разрушались.

Когда такие новости дошли до Рима, император Траян направил в Херсонес своего посланника. Тот долго церемониться не стал, приказал привязать каторжанина Климента к якорю и утопить

в море, чтобы и тело святого не нашли. Если Климент был Иным высокой степени, то императорский каратель должен был быть еще сильнее. Но что, если Климент был Светлым невыдающихся способностей? Скорее целителем, чем магом, который был бы способен биться и противостоять силе мощного Темного? Что, если вся его Сила была внешней, шла от амулета? Тогда легко понять, как императорский посланник мог одолеть такого по легенде могучего святого, — достаточно было оградить Климента от амулета.

Мученик был утоплен. Но легенда говорит, что уверовавшие в Христа последователи усердно молились о возврате им тела своего учителя. Они отмолили его у моря, оно отступило на несколько сотен сажень от берега, и мощи святого нашли. В бухте Омега, где утопили Светлого, был песчаный намыв-островок. Там тело и похоронили. В гроте, который показывался над поверхностью раз в год — в день смерти святого.

На протяжении семи веков ежегодно море на несколько дней отступало, обнажая вход в грот, к которому устремлялись желающие поклониться могиле святого. И опять случались чудеса.

Так утверждают Жития и легенды.

* * *

Следующим большим куском сведений в логической цепочке построений Бутырцева стала история с солунскими братьями, Константином и Михаилом. В шестидесятых годах девятого века дорога на Волгу к хазарскому кагану привела будущих равноапостольных святых в византийский христианский Херсонес, в котором было немало славян. Здесь братья не только пополнили свои знания о славянах, не только работали над азбукой для этих большей частью пребывающих в язычестве народах. Они проповедовали на славянском, смеси познанных ими наречий. Переводили на понятный славянам язык и несли им свет Писания. Учили грамоте и богослужению на родном языке!

Кощунство?! Несомненно. На трех языках сделаны надписи на Кресте Господнем. На иудейском — языке Ветхого Завета, языке самого Христа и апостолов, на греческом и латинском — на языке апостолов, их учеников, христиан всего мира. И вдруг славянское звучание священных строк… За такое богопротивное дело в Константинополе император и патриарх их казнили бы. Не сносить головы братьям и по возвращении в Рим.

Но не только просветительской деятельностью занимались солунские братья в Херсонесе. Константин, носивший тогда прозвище Философ, проникшийся легендами о Клименте еще в 860 году, когда он готовился в Херсонесе к полемике с хазарским каганом и изучал языки, начинает поиски тела Климента! Прошло семь с половиной веков со дня кончины святого. Песчаную возвышенность-островок в бухте Омега размыло окончательно, несколько десятков лет она не показывается из-под воды даже в сезон «низкого» моря.

Константин настойчив в своих поисках, он привлекает к ним местного епископа Георгия Блаженного и священников, прибывших из константинопольской Святой Софии. И он добивается успеха. Мощи найдены и с почестями внесены в храм в Херсонесе. В честь обретения мощей Константин написал краткую повесть, похвальное слово и гимн на греческом языке.

Братьев ждал Рим. Еретиков, посмевших проповедовать на нецерковном языке, ждет расправа. Они смиренно отправляются в дорогу, на свою Голгофу.

Движутся не торопясь: в Паннонии, в Блатнограде, столице Блатенского княжества, по просьбе

тамошнего князя Коцела продолжают свою кощунственную с точки зрения Рима деятельность, обучая славян книжному делу и богослужению на родном языке. Там и состоялось первое богослужение на славянском языке. Дальше их путь шел через Болгарию, где они опять проповедовали и просвещали.

Но «все дороги ведут в Рим». В вечный город Константин и Мефодий входят вместе с болгарскими учениками, которых обрели по дороге. Скорее всего их ждут суд и кара Папы Римского Адриана II. Церковные иерархи, несомненно, готовы к судилищу еретиков. Но тут…

* * *

Бутырцев, раскопав эту историю, с большой любовью и наслаждением выстроил в голове эту картину, раскрасив ее всякими эффектами, вплоть до пораженных возгласов и дальнейшего благоговейного молчания присутствующих.

Константин протягивает Адриану обретенную ими голову святого Климента и часть мощей.

Насколько мощи даже не Петра, привратника райских врат, а всего лишь четвертого епископа римского, были значимы для Римской церкви, что Адриан II благословил богослужение на сла-

вянском языке? Приказал положить в римских церквах книги, переведенные на варварский язык?

Что хотел обрести с помощью этих мощей понтифик? Стояли ли за ним Иные?

Кто знает…

Что же дальше? Михаил был рукоположен в епископский сан, получив имя Мефодий. Константин тяжело заболел, принял схиму и имя Кирилл и в 869 году скончался. Его похоронили в церкви Святого Климента, где уже находились обретенные им мощи. Часть была оставлена в Херсонесе, где покоилась в резной мраморной гробнице из проконесского мрамора весом в триста семьдесят пять пудов.

Известны слова Кирилла, сказанные на смертном одре брату: «Мы с тобой как два вола; от тяжелой ноши один упал, другой должен продолжать путь».

Что же за ноша такая, которую еще нести и нести?

Возможно, Мефодий все же донес свою часть ноши, посетив враждующих моравских князей Ростислава и Святополка, руководя епархией в Моравии и Паннонии, внедряя богослужения на славянском языке?

Эта просветительская часть миссии братьев хорошо известна. Что, если Кирилл говорил старшему брату о другой ноше — о поиске того, что принес с собою на берега Ахтиарской, ныне Севастопольской бухты еще Климент?

* * *

Бутырцев долго размышлял о том, был ли загадочный артефакт, в существовании которого он уже не сомневался, доставлен в Крым Климентом или уже находился там. Но он не нашел упоминаний в местных мифах и легендах чего-то подобного до появления в этих местах ссыльного римского епископа. Что подтверждало версию о Климентовом наследии.

II

Что же дальше? Не мог же такой артефакт остаться без внимания? Конечно, нет. Махсуд рассказывал об активных поисках неведомого сокровища Кадыра. Их искали и до него, и после. Безуспешно.

Кто искал? Да вот же — святой равноапостольный князь Владимир Великий, захвативший Корсунь, как называли Херсонес русские, в 988

или 989 году. Чем его так зацепило это место? Только ли высокая политика и размышления о будущем привели его к тому, что он крестился здесь, на берегу моря, приняв веру христианскую?

После всего этого Владимир «взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные и иконы на благословение себе».

Мраморный саркофаг с мощами по приказу князя был перенесен в Киев и помещен в Десятинной церкви — первом каменном храме Киевской Руси. Для мощей святого Климента была сделана новая рака, а в херсонесской гробнице впоследствии был похоронен сын Владимира Ярослав Мудрый. Та и по сию пору стоит в Софийском соборе Киева.

«…Церковное солнце, своего угодника, а нашего заступника, святого, достойного этого имени, священномученика Климента от Рима в Херсонес, а от Херсонеса в нашу Русскую страну привел Христос Бог наш, преизобильной милостью Своею для спасения нас, верующих…» — так было сказано в одиннадцатом веке в «Слове на обновление Десятинной церкви».

«привел Христос…»

Кого еще можно причислить к искателям Христова сокровища? Кому из человеческих владык могли нашептать идею поиска застывшие в недвижимом балансе Высшие? Батыя, в 1240-м, взявшего и разрушившего Киев? Что он там искал помимо обычной добычи? Кто подсказал ему идти после на Рим? Мог ли он дойти до Рима и взять вечный город? Почему повернул назад — ему подсказали, что там нет вожделенного амулета? Что искали Ногай в 1299 году и почти через столетие Едигей, разрушая Херсонес? То, чего не оказалось в Киеве — предполагаемого сокровища, вывезенного из Корсуни Владимиром? Легендарные сокровища бежавшего в Кафу из Орды после поражения на поле Куликовом золотоордынского беклярбека и темника Мамая так и не были найдены, растворились в веках. Не включали ли они в себя неведомый амулет? Вон она, Кафа, не так далеко от Севастополя, — Феодосия. Не пустили туда горожане Мамая. Поговаривают, что и могила Мамая неподалеку — курган в тех краях. Съездить, проверить окрестные холмы? Вдруг Мамай, предок по материнской линии царя московского Ивана Васильевича по прозвищу Грозный, унес некую с виду невзрачную вещицу

с собой в могилу?

Чем дальше, тем больше вопросов. Какую цель преследовали соседи-феодориты, захватившие крепость над Инкерманом? Что так искали, кроме торговых выгод, далекие от здешних мест, но близкие к римским прелатам генуэзцы, державшие крепости в Крыму по всему побережью от Балаклавы до Керчи? Турки-османы? Эти-то зачем так упорно стремились сюда, на развалины? Попробовать найти утерянное? Нашли?

С мощами разобрались. Где искать искомое сокровище — амулет Иисуса Христа? Кто является соперниками московских Высших в этих поисках? Существует ли этот амулет на самом деле?

Вопросы и версии теснились в голове Бутырцева, каждое новое событие в истории можно было рассмотреть с новой стороны — с точки зрения поисков амулета, сотворенного Христом. Даже мифические ключи от рая, от Царствия Небесного, теперь не казались ему столь нереалистичными, как раньше. Вдруг апостол Петр и вправду владел ими и передал Клименту?

Лев Петрович вдумчиво пытался представить, что за вещь мог взять с собой в каторгу римлянин Климент. Крест, на котором распяли Христа? Смешно, да. Наконечник копья, которым

стражник тыкал в Его тело? Нелепо — оружие у каторжанина. Чашу, в которую собирали Его кровь? Какое-то украшение, носимое на теле? Отобрали бы стражники.

Единственное, что приходило на ум, — простейший оберег, носимый на теле. Вроде дырявых камушков на крепкой нитке, которыми любят забавляться дети.

Голова шла кругом.

Вот еще, рядом — рукой подать. В пятидесятом году века нынешнего Николай I повелел основать мужской монастырь во славу святого священномученика Климента. Монастырь располагается в Инкермане у Монастырской скалы под развалинами еще византийской крепости Каламита, на месте тех каменоломен, где провел свои последние дни четвертый римский папа. Монахи помимо возведения новых строений выдолбили в скале белого инкерманского камня кельи и хозяйственные помещения. Использовали и уже бывшие от века, сохранившиеся от пещерного монастыря склепы-костницы, «норы» и «пещеры». Может быть, в незапамятные времена жил в них Климент, почитаемый всеми христианами святой. Возможный Светлый маг и целитель. Могло ли в тех пещерах что-то остаться неза-

меченным, спрятаться от искателей сокровищ, пройти мимо внимания обнюхавших все Иных ищеек? Вряд ли один только слабый природный маг Махсуд там искал.

* * *

Лев Петрович обстоятельно изложил свои логические построения и итоговые вопросы главе русских Темных. Шаркан только хмыкнул в ответ. Обидно заметив:

— Наконец-то ты эту историю раскопал. Долгохонько, хотя и с подробностями, которые прошли мимо меня. О поисках монголов и Орды я както не думал, — подсластил пилюлю Высший Темный и продолжил: — О соперниках наших я только догадываюсь, но точно назвать могу только одного — граф Кавур, премьер-министр Сардинии, итальянский Высший Светлый.

Не сказать, что Лев Петрович не рассматривал в своих рассуждениях фигуру Кавура. Но русский маг не знал о принадлежности сардинца к Иным. Высшие достаточно давно не стремились к высоким постам в мире людей.

— Да, Ахрон, все так. Новый союзник в стане интервентов.

«Хлебнут итальянцы лиха под Севастополем.

Город хоть и южный, да все равно русский, зима тут неласкова», — заметил про себя Бутырцев.

III

Война пожирала людей и требовала еще. Франция подтягивала части колониальных войск и резервы из Иностранного легиона. Бутырцев полагал, что такими темпами под Севастополем соберется до трети всех войск империи Наполеона. Англичане собирали войска по гарнизонам и перебрасывали их сюда откуда только можно: с Корфу, с Мальты. Не ведя крупных войн уже почти сорок лет, Британская империя в этой кампании спотыкалась на каждом шагу, заново отлаживая свою военную машину. Солдат не хватало настолько, что британцы пошли на создание иностранного легиона, подобно французскому. Планировалось завербовать туда не менее десяти тысяч человек из Швейцарии и Германии. Но дураков воевать в России не находилось, тем более что европейские газеты все откровеннее и красочнее расписывали все ужасы осады Севастополя. Списанные по ранению инвалиды, возвращающиеся потоком на родину, дополняли эти рассказы.

Союзники усердно искали себе в помощь

пушечное мясо и нашли его в лице армии Сардинского королевства. Его премьер-министр Камилло Бенсо ди Кавур в свою очередь искал помощи у европейских держав в деле независимости Италии от Австрийской империи. Ему пообещали поставить этот вопрос в повестку при заключении мирного договора после войны. И Regno di Sardegna десятого января 1855 года объявило России войну, а двадцать шестого января премьер-министр Сардинии граф Кавур подписал с Англией и Францией военную конвенцию. Де Сен-Тресси подробно растолковал Бутырцеву подноготную этого демарша далекого итальянского королевства: Кавур борется за объединение Италии, за признание ее независимости от Австрии. В числе его итальянских противников папская камарилья, но в числе союзников — католическая Франция, всегда жаждавшая иметь больший вес у западных христиан.

О том, что граф — Высший Иной, Шарль умолчал. Возможно, думал, что его друг Лев об этом осведомлен. Друг Лев еще раз задумался о том, что знает и чего не знает, что тут делает и какие козни строит его друг Шарль.

* * *

Зима была сурова к воюющим. Нехватка дров, зимней одежды, теплых палаток, продовольствия, медикаментов была чудовищной при впечатляющих объемах поставляемых припасов. Немудрено, что в таких условиях от болезней людей умирало больше, чем от пуль и бомб. Выживаемость раненых была низкой. Тяжко приходилось англичанам, потерявшим многочисленные припасы во время приснопамятной бури. Еще хуже обстояли дела у турок, но их мало кто считал за людей. Даже Светлые из турецкого Дозора относились к своим солдатам наплевательски: люди, да, мы им сочувствуем, но их много, всем не поможешь.

Помочь старались совсем другие. Во всех воюющих странах нашлись благотворители, разные сердобольные люди жертвовали свои собственные средства и устраивали подписки по сбору всего, что могло бы понадобиться солдатам воюющих армий. Женщины в Англии, Франции и России изъявляли желание быть сестрами милосердия. Их становилось все больше и больше в госпиталях. Профессор Пирогов по-новому ставил военно-полевую медицину: сортировка раненых

по срочности проведения операций, применение наркоза и гипса, поддержание санитарных мер, послеоперационный уход. В последнем ему очень помогли милосердные сестры Крестовоздвиженской общины и женщины Севастополя, работающие в госпиталях. В госпиталях Турции с пятого ноября, со дня Инкерманского сражения, работал отряд английских милосердных сестер под руководством Флоренс Найтингейл. В районе Босфора на азиатском берегу, в Скутари, было восемь госпиталей. В многочисленных бараках лежали вперемежку и заживо гнили больные тифом, рожей, обмороженные, раненые. Две-три тысячи человек. Даже на главного дозорного англичан в Севастополе сэра Джеймса, отлучавшегося в Константинополь для проверки причин ранений среди низших Темных, эта картина произвела тягостное впечатление.

Об этом он рассказал русскому дозорному сам. Коллеги прогуливались на привычном месте на Сапун-горе, с которого открывался роскошный вид на долину, по которой текла Черная речка, на Балаклавскую долину, на ближние холмы и далекие горы. В зимнем прозрачном воздухе не было даже следов дымки, привычной для севастопольской атмосферы. Холодный ветер задувал

под полы длинных меховых пальто, и Бутырцев накрыл себя с англичанином заклинанием безветрия. На что англичанин лишь одобрительно кивнул.

— Между прочим, Лев, я встретил в Скутари Джеймса Барри… В роли медицинского инспектора английского военного министерства!

— Узнаю Маргарет! Несомненно, ей мало быть просто талантливейшим военным хирургом, обязательно надо было выбиться в генералы. О том, что генерал-хирург — женщина, так никто и не знает?

— Если даже кто-то догадывается, то помалкивает. Все знают склочный и вспыльчивый характер доктора, может и на дуэль вызвать, а дуэлянт она признанный.

По ровной интонации сэра Джеймса было не понять, восхищается ли англичанин этой удивительной дамой или осуждает. Но Бутырцев понаслышке знал о романе между этими Иными, поэтому счел тоже высказаться нейтрально:

— И что же господин инспектор?

— Устроил разнос госпитальному начальству, наорал на мисс Найтингейл, указал на недопустимость содержания болеющих разными заразными болезнями в одних бараках, на вопию-

щую антисанитарию в госпиталях. Все абсолютно справедливо, вы ведь знаете, насколько целительница щепетильна в делах своей профессии.

— Да, в Англии мне довелось побывать в ее маленьких, но крепких руках, — с ностальгией припомнил эпизод из своей жизни Лев Петрович. — Передавайте ей мое почтение при встрече.

— Непременно передам.

— Что же ваша поездка в Турцию, принесла результаты? — Бутырцев задал безобиднейший вопрос и настроил все свои чувства в ожидании реакции сэра Джеймса.

Реакция была — англичанин еле заметно напрягся. Но голос его был таким же ровным и спокойным:

— Увы, нет. Точнее — прекрасный результат: Иные не переходили за рамки дозволенного. Залечивали раны аккуратно, магией излишне не пользовались, ненужного внимания к себе не привлекали. Даже дикие шотландские горцы-оборотни и вспыльчивые ирландские перевертыши ничем себя не выдали. Разве что неумеренным потреблением крепких напитков.

— Тут и наших не остановить, была бы хмельная брага. Похмелье снимается легко, пьют как

лошади… гм… как оборотни.

— Зато вы, господин Бутырцев, славитесь приверженностью к трезвому образу жизни.

Бутырцев покосился на собеседника, но понял, что не стоит принимать его слова за намек на прошлое, просто английский барин, или как они там себя называют — джентльмен? — констатировал текущее положение дел.

— Вдоволь погулял в свое время, — ответил Бутырцев. — Сейчас позволяю себе бокал вина к трапезе, не без этого, но и только. И похмелье снимать не надо.

— Да, вы не Шарль, который готов при каждом случае пропустить бутылочку-другую вина и угостить друзей. Но нам здесь, на войне, надо быть осторожными. Шальное ядро вполне может пробить ординарный магический щит, а если вдруг кто-то выстрелит заговоренной пулей… — Сэр Джеймс равнодушно смотрел вдаль на панораму высот и долин, где несколько месяцев назад разыгрывалась роковая атака бригады легкой кавалерии англичан.

— Откуда ей взяться-то, заговоренной? Мы же учли всех Иных тут и в ближайших окрестностях, — беззаботно отозвался Лев Петрович. Но сам задумался, к чему бы англичанину делать

ему такое предупреждение, которое можно было перевести так: лишнего не пей и смотри в оба. Причем пить не стоит именно с Шарлем.

Еще этого не хватало. Голова Льва Петровича пухла от нескончаемых попыток понять, кто, зачем и почему ведет игру под Севастополем, а тут еще явное предупреждение не соваться не в свои дела.

Глава 17

I

После того как у Бутырцева сложилось четкое понимание о том, что могут искать в Севастополе Иные, он никак не мог определиться, где искать наследие Христа и кто на чьей стороне выступает в этих поисках.

Взять того же Кавура. Мотивы участия Сардинского королевства в Крымской войне очевидны. Но что, если граф выступает еще и в пику другим итальянским Высшим? Честолюбие сардинца просматривается менее выпукло, но кто может поручиться, что помимо благородных целей он не пытается подмять под себя всех итальянских Иных, возглавить Ночной Дозор Италии? Его вражда с папским престолом и с иезуитами, среди которых наверняка найдутся старые римские Высшие всех мастей, ни для кого не секрет.

Даже глядя с обычной человеческой точки зрения, можно, завладев амулетом, поторговаться с папским престолом, предложить «товар» в обмен на помощь в деле объединения Италии.

Далее — понтифик руками Наполеона III

присвоил право владеть ключами от церкви Рождества Христова в Вифлееме, на территории Оттоманской Порты, что стало одной из причин нынешней войны. Нешуточный спор на эту тему между православными греками и католиками длится десятилетиями. Еще один указатель на поиски наследия Христа? Многие Высшие могли посчитать, что проще искать подсказки на этот счет, имея свободный доступ к местам, связанным с жизнью Абсолютного Светлого.

Что же касается повышенной концентрации Иных на этой войне, то тут наверняка целый сплав факторов: притяжение амулета Иисуса, офицерский долг Иных из аристократии, человеческая честь и обычный патриотизм простых Иных, еще не забывших, что они люди.

Турция, Франция, Сардиния — интересы тамошних Высших в этом деле видны. Но с какой стороны здесь замешаны наследники Мерлина? Да все с той же, что и Инквизиция, — каждый охотник не просто желает знать, где сидит фазан, но и иметь его в ягдташе. Тут годятся в дело все способы, а битвы империй и церквей просто идеальны в качестве прикрытия для поисков сокровища.

Есть, есть аргументы в пользу заинтересован-

ности британских Иных. И еще одна цепочка событий: «Принц» с непонятным грузом — странный шторм-палач, налетевший, как по заказу, — «отвердение» воды в районе крушения «Принца» на четвертом уровне Сумрака. Напрашивается вывод, что англичане доставили к крымским берегам что-то для поиска амулета. Но нечто (или некто) надежно похоронило «поисковую машину».

Лев Петрович после памятного совместного похода с Нектоном в глубины моря и слоев Сумрака стал приятельствовать с греком. Чтобы спокойно общаться с Зозимосом, начальник русского объединенного Дозора в Севастополе зарегистрировал его еще у себя. Пришлось объяснить свои встречи с перевертышем интересом не только к истории здешних мест, но и банальной покупкой рыбы у грека. Остальные дозорные начальники тут же заинтересовались и историей, и рыбой, буквально набросившись на Псараса с расспросами. Хитрый грек с серьезным видом подкармливал их кефалью, ставридой, смаридой и байками о листригонах, Одиссее, Митридате, Ифигении и других легендарных персонажах, чьи имена прогремели в Тавриде. Но ничего интересного о Клименте, Кирилле и Мефодии,

князе Владимире и других причастных к делу персонажах он не знал. Мог пересказать предания, в которых столько всего было намешано, что даже вполне реальные подробности казались выдумками.

* * *

Дважды Бутырцев и перевертыш, набравшись сил, получив дополнительные амулеты от Шаркана и Агния, тихими ночами исследовали подводные слои Сумрака в окрестностях Севастополя. И оба раза упирались в твердую воду на четвертом уровне: и в самой Севастопольской бухте, и дальше к северу, у устья реки Бельбек, что в пяти километрах от Северной стороны. Ахрон даже научился споро и без несоразмерной улову потери силы вытаскивать дельфина Нектона с четвертого уровня. Чтобы дельфин не влипал в непонятную субстанцию, как в первый раз, они додумались обоим находиться в лодках при переходе между слоями. И сразу, без задержек, шли на четвертый. Шаркан только желваки на лице гонял, видя, как разбрасываются его амулетами разведчики. Но без его поддержки им был заказан вход на такие глубины Иного мира.

Как-то раз Бутырцев заговорил с Псарасом о

том, что неплохо было бы после таких поисков подпитываться в местных местах Силы.

— Не получится, иссякли они, севастопольские закрылись еще до войны. На Малаховом было, в крепости Чембало было, на Монастырской горке в крепости Каламита было, — огорошил грек Льва Петровича. — Последнее, на Бельбеке, аккурат после ноябрьской бури закрылось. Наши сказывают, что два таких источника целехоньки, но французы к ним никого не подпускают. Это на берегу Голубой бухты и в Херсонесе, точно там, где ваш князь Владимир крестился.

— Вот те раз! — Бутырцев настолько изумился, что выразился простодушно, как в детстве.

Что же это получается? Де Сен-Тресси заграбастал два ближайших места Силы, с давних пор известных в окрестностях Севастополя, сидит на них клушей и помалкивает. Ай да друг Шарль!

Лев Петрович стал расспрашивать Зозимоса об этих местах.

Чем славен район далекой от города Голубой бухты, не мог подсказать даже проживший здесь века грек. Припомнил он только то, что Черноморский флот при адмирале Лазареве любил там артиллерийские стрельбы проводить. Проходя мимо скалистых белых известняковых

берегов, корабли поочередно палили в них из пушек всего борта, потом разворачивались на противоположный курс, тамошняя роза ветров позволяла ходить вдоль побережья бакштагом и крутым бейдевиндом, и лупили с другого борта залпом в упор «Ах-хах!!!». Глубины в тех местах подходящие, корабли приближались к берегу на расстояние, подобное дистанции между парусниками в сражениях. Высота скальных стенок не превышала высоты мачт, что позволяло артиллеристам удобно пристреливаться по природным «мишеням». Ох и доставалось же этим стенам от русских моряков-артиллеристов! Дельфину в воде было несладко от этакого грохота.

Херсонесское место Силы говорило само за себя — не зря тут греки город возвели, не зря за него потом воевали и тавры, и скифы, и готы, и все прочие приходящие и проходящие. Включая русских, тоже появившихся на этих берегах, но поставивших Севастополь в нескольких верстах восточнее — большому флоту нужен был удобный Большой рейд, как называют Севастопольскую бухту моряки-черноморцы.

— Зозимос, а есть ли источники Силы в дальних окрестностях Севастополя? — как-то полюбопытствовал Ныркoв, взятый начальником для

ведения протокола на встрече с главами Дозоров. Они прогуливались вдоль Балаклавской бухты, наблюдая, как рабочие начинают строить железную дорогу, ведущую к позициям. На грязных берегах бухты тоже кипела работа, их стали застраивать новыми причалами. Сэр Джеймс говорил, что англичане и набережную планируют сделать.

— Даже не знаю, как сейчас дело обстоит… Раньше были, как не быть. И в Инкермане был, еще Климент его открыл. И на Бельбеке был. В горах еще, где монастыри пещерные. В Доросе, столице готско-аланского княжества Феодоро был. Его задолго до готов нашли. Когда я на крымские берега перебрался, мне на него сразу указали. Все, нет его. На Байдарах тоже иссяк. Говорил мне кто-то, что еще до меня прямо посредине Севастопольской бухты был. Но даже не иссяк, просто пропал. Я там плавал, не нашел даже следов.

— В Бахчисарае, поговаривают, есть, — поделился своими познаниями Ныркoв. Мичман слушал с большим интересом, все больше помалкивая.

II

За последнее время молодой человек сильно повзрослел. Не только окреп телом, но и стал более выдержанным, более уверенным и твердым в высказываниях, не лез попусту в чужие споры. Да и то: не пристало боевому офицеру, на груди которого, если распахнуть шинель, виднелся бант с крестом Святой Анны, трепать языком.

Орден ему, как и многим другим отличившимся офицерам, был пожалован к Рождеству. Сам крест прибыл недавно, и Филипп еще частенько скашивал глаза на грудь, дабы убедиться, что все взаправду, и он — не последний воин в Севастополе.

Еще замечал Бутырцев, что его подопечный высказывал гораздо меньше восторгов. Это старого мага не то чтобы печалило, просто становилось невыносимо грустно при виде того, как огрубляет война душу человека. Душу Иного.

Но был предмет, в адрес которого Нырков восторгов не жалел, на чувства не скупился: Мария Андреевна, Маша, Машенька, дочь капитана второго ранга Пигарева Андрея Сергеевича.

История знакомства молодых людей была проста и для Севастополя обычна. Когда Филиппа

после ранения в Инкерманском деле доставили на первый перевязочный пункт, что разместился в Дворянском собрании, он попал в руки матушкиной знакомой по Петербургу Светлой целительницы Лидии Николаевны Кузьминой. Она прибыла вместе с сестрами Крестовоздвиженской общины и к моменту ранения Филиппа уже была в Севастополе. Кузьмина его быстренько подлечила еще до прибытия Бутырцева, которого она тоже знала.

Лидия Петровна даже вздохнула с облегчением, узнав о том, что запрет на применение ее способностей в лечении на дозорного Ныркова не распространяется. Еще мичману показалось, что дама очень рада видеть старого мага. Что ж, он, Светлый, тоже был рад видеть своего Темного начальника.

На следующий день госпожа Кузьмина представила раненым офицерам, лежавшим в комнате госпиталя, свою знакомую из числа городских барышень, вызвавшихся помочь докторам, — дочь морского офицера Марию Андреевну Пигареву.

Филипп увидел огромные серые глаза, глядящие на него, и пропал. Казалось бы, обычная девица, его возраста или чуть моложе, стройная, высокая, в простом ситцевом платье, с тяжелыми

темно-русыми косами, свисающими на спину из-под чепца. Но от нее повеяло мирной довоенной жизнью, домом. Она была светлая не по-Иному, она была просто светлым человеком. При виде нее офицеры постарше вспомнили своих жен и дочерей и приободрились. Молодые, даже тяжело раненные, постарались придать себе мужественный вид.

Она смотрела на него, и Филипп уже твердо знал, что это его судьба. Его человеческая судьба.

С тех пор мичман Ныркoв разрывался между флотской службой, дозорными делами и Машей, которую он хотел видеть каждую минуту своей жизни. Прощаясь с ней, он каждый раз рвал душу, оставляя с Машей ее большую часть.

Молодой человек при первой же возможности спешил заглянуть к своей избраннице в госпиталь, перекинуться хотя бы парой фраз. Если оказывалось, что девушка сейчас дома, то он норовил заглянуть и туда. Обычно Маша отдыхала, устав после тяжких госпитальных трудов. Тогда Филипп через тетушку Аглаиду велел кланяться и старался оставить какой-нибудь скромный гостинец: конфеты, ленту для чепца, связку соленых бычков, которых так простонародно любила Маша.

Чувства молодых людей были взаимными и не остались незамеченными окружающими. Филипп еще и не думал просить руки своей возлюбленной, а окружающие их уже «поженили». Вообще-то юный мичман думал об этом, думал частенько, очень хотел стать официальным женихом. Но война… Вдруг его убьют? Что с того, что он Иной, чуть ли не бессмертный. Сколько Иных уже погибло за более чем полгода войны? Почти полсотни, можно у Льва Петровича уточнить сегодняшние данные.

Бутырцев другой раз, желая подбодрить уставшего после тяжелого дня Ныркова, спрашивал мичмана, как там «капитанская дочка». Спрашивал по-доброму, с интересом. Филипп тут же расцветал улыбкой и готов был говорить о Машеньке часами.

Лев Петрович смотрел на молодого Светлого, боевого офицера, восторженного юношу: бесстрашно рвется в любое пекло, норовит принять участие в ночных вылазках, готов отдать свою жизнь Иного за Россию, летает на крыльях любви.

Живет полной жизнью.

Что же он, Бутырцев? Кто он сейчас, кем стал? Шарканова ищейка, уставший Иной, знающий

жизнь, которого трудно чем-то удивить. Трудно восхитить.

Допустим, найдет он амулет Христа. Кому он передаст его? Его заграбастает Шаркан? Агний? Не исключено, что вынужденный союз двух московских Высших продлится. Сейчас они, как и их европейские конкуренты, изо всех сил стараются не афишировать свое участие в этом деле. Но что потом будут делать с помощью амулета Высшие? Бороться за власть, укреплять свое могущество? В то, что сила этой вещи, созданной Мессией, будет употреблена только на пользу людям, старый маг не верил.

Глядя на Ныркова, Лев Петрович все чаще вспоминал себя молодого: все было так же. И жить торопился, и чувствовать спешил. Где, на каком десятке лет он растерял себя-человека? Не пора ли отыскать внутри замшелого Темного Левушку Бутырцева, рубаху-парня, который ничего и никого не боялся, а смерть попросту презирал? Или поздно уже…

Ничего не поздно!

«Нет, господа высокие маги всех мастей и стран, не того человека вы послали искать желанную для вас добычу! Найду, но никому из вас сокровище Христа не достанется. Спрячу, похороню.

Пусть потом люди решат, как им использовать божественное наследие».

Решение было выстрадано и принято. Теперь надо было работать с удвоенным рвением. Лев Петрович это делать умел и любил.

Пора было всерьез заняться местами, где жил, проповедовал и был замучен святой Климент, римлянин, уверовавший в Мессию, четвертый папа римский. Иной или нет, но он привез сюда, в окрестности будущего Севастополя, вещицу, которую создал или наделил чудесными свойствами сам Христос, Абсолютный Светлый.

Бутырцев несколько раз бывал в Инкермане: проезжал мимо бывших каменоломен, пробовал водицу из источника, открытого Климентом, осматривал новые строения и храмовые росписи архитектора и художника Струкова. Как-то мимоходом заглянул чуть дальше, в монастырский пещерный храм святого Мартина-исповедника. Именно старые пещеры, кельи, схроны, костяницы интересовали дозорного. Но он знал, что идти туда надо, все продумав и хорошо подготовившись, — в монастырской скале могли быть оборудованы ловушки. Даже просто потревожив магический фон такого места, можно вызвать такой «звон» среди Иных, что будет совсем не

просто объяснить союзным Дозорам и господам из Инквизиции, что он там искал. Или наоборот — сыграть в открытую, признать то, что и так всем известно: мол, искал следы Климента, полюбопытствовал? Сказать со смехом, намекая на неверие в серьезность легенд.

Сказать-то можно, да кто же поверит.

III

В последних числах марта, вечером ясного дня Лев Петрович возвращался в Севастополь с традиционного совещания глав Дозоров на Сапун-горе. После мерзейшей зимы наступила чудесная севастопольская весна. Местные возвышенности были покрыты сочной зеленой массой, скрывающей частые скальные выходы. Даже там, где слой почвы был тонок, цвели какие-то мелкие травянистые кустики, а желтые, лиловые, синие низенькие ирисы яркими пятнами расцвечивали проплешины в степи. Вдоль Воронцовой дороги еще цвели миндальные деревья, по оврагам виднелись покрытые белым кружевом мелких цветов терновые кусты. Высоко в небе пел жаворонок.

Пасторальная картина навевала умиротворение, которое не могли затмить ни вид пала-

точных лагерей, разбросанных тут и там, ни кладбищенский холм, прозванный Каткартовым в честь похороненного там отважного командира английской дивизии, павшего в Инкерманском деле. В братских могилах этого холма лежали уже несколько тысяч британских воинов, погибших в сражениях и умерших от болезней.

Сколько их, человеческих тел, уже гнило на таких кладбищах? Англичан, турок, французов? Русское братское кладбище рядом с Северной стороной росло на глазах. Там в больших рвах десятками хоронили павших матросов и солдат. Офицеры удостаивались отдельных могил — однополчане старались позаботиться, хоронили товарищей в складчину. Немногие высшие офицеры и генералы имели на том кладбище большие участки — там будут обустроены склепы, поставлены памятники. После войны, сейчас было не до этой роскоши, хотя кое-какие работы уже велись…

Кобылка Льва Петровича шла тихим мелким шагом по ровной дороге, он никуда не торопился, задумавшись о бренном.

Мишенью он был великолепной. Выстрел в спину даже с трех-четырех сотен шагов из проверенного штуцера мог принести хорошему стрелку

завидный трофей. Опытный фронтиньер или вольтижер, вооруженный энфилдской винтовкой или штуцером Тувенена, наверняка посчитал бы оскорблением, если бы кто-то усомнился в его способности совершить такой выстрел.

Лев Петрович как-то слышал рассказ о штуцерном Московского пехотного полка Баранове, с расстояния в 1400 шагов застрелившего на Альме французского офицера.

Все это он припомнил, когда рядом с его головой пропела и понеслась дальше пуля. Скорее всего пуля системы полковника Нейсслера, или профессора Венсенской стрелковой школы артиллерийского капитана Тамизье. А то и более изощренный по конструкции снаряд — пуля инструктора стрельбы в той же школе капитана орлеанских стрелков Минье. Пронеслась и пронеслась — что тут необычного? Война, стреляют.

Только кто же такой проницательный разглядел под сферой невнимания Льва Петровича и чья пуля сумела пробить магический щит, которым Бутырцев на всякий случай — береженого Сумрак бережет — прикрыл спину?

Конечно, и сфера была так себе, и щит не крепок — особого смысла ставить мощную защиту на давно проверенной дороге не было. Но даже

если бы шальная пуля попала в его «латы», то маг ощутил бы всего лишь толчок. Усиленный же заряд пороха, который не каждый штуцер выдержит, придал бы пуле такую кинетическую энергию, что Бутырцев почувствовал бы только удар «палкой». Синяк был бы знатный.

Эта же пуля была… заговоренная, накачанная магией. Раз она пробила магическую защиту, то ее энергии хватило бы и на то, чтобы прострелить тело или череп мага и улететь вдаль, к черту на кулички. Без пули доказать потом использование магии в этом убийстве не было бы никакой возможности.

Все это Лев Петрович понял в единый миг. Тут же многократно усилил щит, подвесил на пальцы несколько заклятий и потянулся мыслью к хитрому амулету в кармане сюртука. Но внешне ничего не изменилось: одинокий всадник, на которого никто из солдат и офицеров, мимо которых он проезжал, не обращал внимания, продолжал свой путь как ни в чем не бывало.

Но второго выстрела не последовало.

Лев Петрович всю дорогу до дома гадал, что это было: покушение или предупреждение? Враг откровенный или враг «стыдливый»? Ни к какому выводу он не пришел.

Глава 18

I

Апрельский Инкерман радовал глаз: не успели отцвести абрикосовые деревья, как тут же укуталась белоснежным кружевом мелких звездочек алыча, персиковые деревья покрылись в восточном стиле крупными розовыми и пурпурными цветами на коротких обрезанных ветвях. Готовились цвести черешни, вишни. Старые акации уже вывесили гроздья бобовых цветов. Одно лишь предвкушение их аромата в тихие теплые вечера кружило голову.

Апрель, побаловав каменистую почву степей и холмов Севастополя несколькими дождями, повернул к засухе, дороги уже изрядно пылили. Известняки Инкермана, которые испокон веков шли на строительство, выбелили мелкой пудрой дорогу, проходящую с Северной стороны в Чоргун мимо Монастырской скалы.

Русские маги изрядно запылились на этом пути и были вынуждены почистить платье и обувь при входе в монастырскую ограду — негоже появляться в таком месте грязнулями.

Их встретил сам игумен, Бутырцев накануне специально посылал к нему одного из своих дозорных с письмом, в котором просил разрешения осмотреть древнюю, пещерную часть монастыря. Игумен, знакомый Льву Петровичу по прошлым посещениям, был к нему весьма расположен, о чем опытный маг давно озаботился — всегда надо иметь хороших знакомых в самых разных местах, обязательно потом пригодится.

Среди насельников монастыря нашелся нужный человек, отец Гервасий — крепкий еще старик с хорошей памятью, который в пятидесятом году при создании монастыря вдумчиво осмотрел все норы и дыры в скале. Его отец-игумен и выделил господам офицерам в качестве провожатого.

Монах был немногословен, он явно не одобрял пустопорожний с его точки зрения интерес господ офицеров к внутренностям монастырской горы.

Бутырцев бегло проверил его ауру, так и есть — прямой искренний человек, без подобострастия. С таким и работать проще.

— Отче, я вижу, вы человек простой, поэтому скажу вам как на духу — я вместе с мичманом Нырковым послан сюда его высокопревосхо-

дительством князем Меншиковым на предмет осмотра монастыря и Монастырской скалы на случай, если нам придется держать оборону в тех местах. Никаких других целей мы не преследуем. Единственное, что нас интересует, — нет ли скрытых ходов или других лазеек в Монастырской скале, по которым неприятель мог бы от ее подножия взобраться наверх, к развалинам крепости. Поэтому попрошу вас поделиться вашими наблюдениями и впоследствии держать в тайне наш визит, — изобразил добросовестного служаку Бутырцев.

Такой подход вполне устроил старого монаха — люди пришли по делу, а не ради праздного любопытства. Посетители взяли фонари, захватили с собой кирку, какие-то инструменты, завернутые в рогожу, и он незамедлительно провел их к старой галерее, идущей в скале, — простой проход, некогда вырубленный в мягком камне. От него в обе стороны открывались проемы, ведущие в кельи монахов. Некоторые комнатушки имели выходы на наружную поверхность скалы. Иногда большие, как на балкон, но чаще окошки не больше иллюминатора на прогулочной яхте.

Маги перешли на магическое зрение, внимательно оглядывая все помещения. Часть из них

были весьма просторными комнатами в скале, некоторые были похожи на тесные чуланы, встречались и низкие занорыши, где впору было лежать скорчившись. Тесные, темные, с закопченными стенами и потолками — таково было большинство из древних помещений. Черепа и кости монахов — насельников древнего пещерного монастыря собрали в одну костницу. Ни тебе лабиринта ходов, ни потайных переходов. Просто бессистемное нагромождение сот человеческого улья, часть из которых за века открылись на западной стене скалы.

Неуютно тут было магам — магический фон был напитан давними страстями: болью и радостью, ужасом и светлой грустью. Благолепие? Возможно, набожный Ныркoв почувствовал нечто подобное, хотя по его виду Бутырцев не мог точно сказать. Самому Льву Петровичу становилось все безрадостнее — не было ничего, за что можно было бы зацепиться в этих поисках: пещерки, ходы, лестницы. Из древних следов — многовековой слой копоти на потолках, на стенах, на скалах. Тут, наверное, еще троглодиты жили.

Удобное место для монастыря. На случай приближения военных действий — подходящие

помещения для складов, для лазарета. Если спросить полковника Тотлебена, то инженер-фортификатор, уже перекопавший гору под четвертым бастионом в минной войне с французами, наверняка развил бы идеи Бутырцева до создания здесь мощных укреплений с орудийными батареями на верху горы и казематов и пороховых погребов внутри. Но возможно, до этого еще дело дойдет…

Прав был старый татарин-Иной с молодым лицом — в этих местах не было никаких сокровищ уже тогда, когда юный Махсуд поддался всеобщей заразе поиска клада Кадыра-Климента.

История у этого места была: мощная, впечатляющая. Но расспросить камни о ней не получалось — молчала скала, не умела рассказать. Или это дозорные не смогли задать вопрос и услышать ответ?

Бутырцев, тщательно подготовившийся к этой экспедиции, уговорил Шаркана даже дать ему амулет, с помощью которого можно читать историю каменных помещений: кто там жил, был ли этот обитатель исследуемого жилища Иным, кто здесь родился, кто умер. Череда этих лиц была бесконечной, уходила в глубь веков и ничего нового не давала двум русским магам: монахи, затворники, беженцы, преступники. Люди, редко

Иные. Рождений в этих норах случилось немного, смертей гораздо больше. Смотреть в толщу времен было все труднее и труднее, Лев Петрович понял, что не то что до Климента, до ногайского пришествия он не сможет добраться, вглядываясь в тени, порождаемые амулетом.

Он еще раз убедился, что ищет там, где до него в обозримом прошлом никто ничего не нашел.

II

— Лев Петрович, — вдруг вполголоса, будто боясь нарушить многовековую тишину, вскричал Ныркoв, — сюда! За этой стеной есть помещение.

Филипп незаметно кивнул на поисковый амулет, зажатый в руке, — оловянный крестик на медной цепочке чуть колыхался, пытаясь отклониться к стене. Бутырцев сначала даже не поверил своим глазам — трудно было увидеть эти колебания в свете масляного фонаря, который также покачивался в руке мичмана. Но все же был вынужден согласиться — да, амулет однозначно говорит о том, что за стеной есть пустота. Стену простучали, прислушались, сошлись во мнениях, что да, есть какая-то нора. Отец Гервасий уважительно посмотрел на указующий крест:

— Экие вы мастера потаенное разыскивать. Господь на вашей стороне.

И перекрестился, шепча молитвы.

Стали долбить киркой в стену пещеры. После нескольких десятков ударов наконец-то острие кирки не встретило сопротивления. Дыру наспех расширили, чтобы в нее можно было просунуть руку с фонарем и заглянуть одним глазом.

Это была еще одна келья. В ней были два истлевших скелета и труха на полу. Виден был и выход из нее. Когда-то давно его завалило камнями. Скорее всего обвал.

Гервасий, заглянув в дыру, разглядел в углу под потолком кельи-норы темный прямоугольник.

— Никак икона? Радость-то какую Господь послал! Обрели… явилась… надо братии сказать… молиться за вас буду, господа офицеры, за здравие вас и ваших близких… ах, радость! — засуетился Гервасий и убежал, подобрав рясу и смешно спотыкаясь в полутьме.

Бутырцев и Нырков осмотрели найденную келью в Сумраке — ничего, даже синий мох давно сбежал из этого места. Икона времен не столь давних, но и она, и само место были намолены, чувствовались страсти человеческие. И все. Для монахов радость, для дозорных — очередное разо-

чарование. Все же Филипп преклонил колена и помолился за души усопших монахов, смерть которых была столь мучительна.

Бутырцев ничего не стал говорить молодому человеку: отношения с Богом — личное дело каждого Иного. Он, Бутырцев Лев Петрович, и с детства не был набожным, а уж когда узнал о своей Иной сути, верить вообще перестал.

Ничего более интересного они не нашли. Оставалось только еще раз обследовать легендарный климентовский источник — место, где, по уверениям и Нектона, и Махсуда, еще не так давно было место Силы.

Стоило чуть внимательнее присмотреться, заглянуть в Сумрак, как обоим стало понятно: да, было, еще чувствовались его следы. Похоже, это был не очень сильный источник Силы, который не так давно угас сам по себе. Но Льву Петровичу очень не нравились такие совпадения: веками им пользовались, местным Иным, выложившимся полностью, вполне хватало его мощности, чтобы отдышаться, восстановиться, прикоснувшись к нему, а теперь вдруг, перед его расследованием, взял и угас. Почему? Нет ли в этом проявления чьей-то воли? Сильной воли. Очень сильной.

* * *

Пока петербургские маги, каждый по-своему, пытались понять, что же произошло с этим источником Силы, радостная весть об обретении иконы разнеслась по всему монастырю. Возбужденный игумен монастыря поспешил к дорогим гостям, сделавшим такую чудесную находку, пригласил их отобедать. Отказаться было нельзя, к тому же магам страшно хотелось есть после лазания по внутренностям Монастырской горы. Неделя была пасхальная, обретенная икона оказалась в честь Благовещения Богородицы, а Благовещение в этом году было накануне Воскресения Христова, и братия разговелась от души. На столе даже был местный осетр, которого не отвернула от родной бухты сама война, но подстерегли сети монастырских рыбаков.

Игумен произнес прочувствованную проповедь, пять раз вместе с братией прочитал «Богородице Дево, радуйся», похристосовался с «господами офицерами» и благословил трапезу. Кушанья были простыми, но сытными, а сам обед — радостным. Блюда подавалась с молитвой Иисусовой, и дружное «Аминь» предшествовало не менее согласному стуку деревянных ложек

о тарелки.

III

С самого приближения к монастырю у Льва Петровича было ощущение, что за ним кто-то наблюдает. Наблюдает настолько издалека, что лишь мимолетный, на грани понимания зуд где-то в голове выдает это неназойливое внимание. Настолько незаметное, что в полной мере Бутырцев понял это лишь в бесчувственной тишине недр монастырской скалы, отрешившись за толщей камня от внешнего мира.

Старый опытный маг не пренебрег этим сигналом, разложил свои воспоминания о текущем дне по полочкам, засек момент возникновения зуда и понял, что началось это в версте от монастыря.

Не так давно Бутырцев, любитель анализа мелких деталей и интуитивных предчувствий, раскладывая по секундам свои ощущения в момент покушения на него, когда пуля убийцы пролетела рядом с его головой, вычленил из памяти очень похожий зуд. Более того, ему показалось, что был и внутренний толчок, который заставил его голову чуть-чуть дернуться. Но все же Лев Петрович не мог с полной определенностью утверждать этого, возможно, это всего лишь

лошадь укоротила шаг, чтобы не наступить на камень.

Кто? Фюссберри, де Сен-Тресси, Эфенди? Тогда кто-то из них — старый опытный Высший, способный водить на поводке такого мага, как он, Бутырцев. За француза и англичанина Лев Петрович был спокоен — он их давно знал, не могли они так резко усилить свои возможности. Турка он увидел только в Севастополе и о его предыдущем опыте ничего не знает. Высшие? Свои, московские, или европейцы? Почему не восточные? Гадание на кофейной гуще. Одно понятно — слежение очень дальнее, и заработало оно при приближении к монастырю. Ничего сейчас делать супротив нельзя, но приметы этого сигнала надо запомнить.

Или все-таки что-то другое? Амулет Христа, другой амулет, способный ему противостоять, — такие вещи обладают если не разумом, то способностями почти разумно защищать себя.

Лев Петрович давно боялся признаться себе в бредовой идее, которая пустила ростки в его уме. Но сейчас и она может пригодиться.

Что, если «Принц» привез другой магический предмет? Скажем, «машину», как-то связанную с амулетом Христа. Способную указать место, где

хранится это сокровище. И Христов амулет защитился, погубил эту «машину», сначала утопив ее в море, забросив на четвертый уровень Сумрака, а потом залив этот уровень твердой водой? Звучит как бред, но многое объясняет.

Так размышлял глава севастопольского Дозора, сидя за праздничным столом с монахами.

Тем временем братия, выпив вина, расшумелась. За столом все чаще слышалось «Христос воскресе, православные!» и дружные ответы «Воистину воскресе!». Игумен не препятствовал такому проявлению радости. Громкие разговоры и даже выкрики понемногу сливались в монотонный гул.

На этом фоне почти неслышно прозвучал дребезжащий голос дряхлого старца, сидевшего через три человека от Ныркова:

— Ведаю, Господи, путь, тобою указанный. Я, недостойный раб Твой, безмерно одаренный щедростью Твоею, славлю Тебя, выбравшему мя, недостойного, из сонма чтящих Тебя…

— О чем это он? — неприлично указал на деда захмелевший мичман соседу по столу.

— Старец Евстафий-то? — ответил монах. — Не обращай внимания на юродивого, отрок. Давно он из ума выжил, пригрезилось ему, будто Хри-

стос дал ему указатель на какую-то реликвию. Возрадуемся, Христос воскресе!

С Филиппа весь хмель будто метлой вымело. Ответив как полагается, похристосовавшись с монахом и выпив вина, он небрежно спросил собеседника, который понемногу становился собутыльником:

— Это что же за указатель?

— Да ерунда, пустяк, бред сивой кобылы, — простодушно отвечал подвыпивший монах. — Как-то раз отец-келарь среди запасов нашел коробочку с иглами швейными. Старые иглы были, ржавые, некоторые уж и погнили совсем. Отобрал те, что получше, отчистил от ржи до блеска, да и отдал тем инокам и отцам, кто исполнял работу швецкую. Евстафию тоже одна игла досталась. Потом во сне ему Христос будто бы явился, сказал, что за чистоту души и безгрешность помыслов доверяет ему указатель на неведомое — иголку эту. Евстафий тут умом-то и не сдюжил. Немудрено, он по летам самый старый из нас, ему уж за девяносто перевалило. С тех пор не в себе — иглу эту баюкает, как дитя малое. Но он тихий, мирный. Пусть его. Блаженны…

Дальше Нырков не слушал.

Это что же такое? В монастыре находят какие-то

старые иголки, монаху является сам Мессия, явно говорит, что доверяет ему указатель, и никто не считает эту историю достойной внимания?

Филипп не выдержал, подсел к старцу с кружкой вина, заявив, что желает похристосоваться с самым старым из братии, проявить уважение к почтенному монаху. Евстафий нисколько не удивился, похристосовался с мичманом, бодро осушил хмельную кружку и неожиданно сказал:

— Ты, сын мой, человек непростой. Но в тебе Свет божественный есть!

Филипп так и обомлел. Еще подсаживаясь к Евстафию, он проверил ауру дедульки — обычный человек, недужный, дряхлый, сомнительно, что доживет до ста лет. И такое заявление.

— Спасибо на добром слове, святой отец, — склонился к руке монаха мичман. — Дай вам Бог долгих лет жизни на пути вашего праведного труда. Говорят, что у вас есть игла, которая будто бы указывает на некую реликвию.

— А как же! — вскричал монах, но его возглас утонул в гуле застолья.

— Нельзя ли посмотреть, отче? Приобщиться, так сказать? — несколько косноязычно спросил раскрасневшийся от вина Филипп.

— А как же. — Похоже, что Евстафий совсем

захмелел и отвечать мог только так. — В келье храню, за иконой Христа Спасителя. Пошли, покажу…

IV

Бутырцев не обратил особого внимания на уход своего подопечного с дряхлым монахом — мало ли, по нужде отошли. Он рассеянно слушал игумена, изливавшего «господину офицеру» свою печаль по поводу скудости монастырского хозяйства в это военное время. Игумен был мужчина крепкий, но пил во славу Христову и Матери Его Марии столь часто, что у него уж и язык начал заплетаться. Лев Петрович думал о своем.

Вдруг у него в кармане дернулся связной амулет. Повторяющейся чередой трех ослабевающих по силе толчков вызывать его в ситуациях чрезвычайных полагалось Ныркову.

«Что случилось?» — ментально спросил Лев Петрович подчиненного, который по своей магической слабости не мог так же обратиться к начальнику.

«Подойдите в келью старца Евстафия. Важно», — Филипп отвечал коротко, приходилось беречь Силу свою и амулета. К тому же Бутырцев давно объяснил Светлому, что их могут подслу-

шать, не стоит давать пищу для размышлений возможным соглядатаям. Сейчас такое соблюдение правил было как нельзя кстати.

Проводить дорогого гостя к юродивому старцу игумен отрядил келаря, тоже весьма древнего монаха, к тому же еле держащегося на ногах — напраздновался отче.

Так, шатаясь от стенки к стенке, монах довел Бутырцева до тесной пещерки, в которой уже ютились старец и мичман. Оба они в неверном свете свечного огарка разглядывали ржавую иглу — кусок толстой грубой железной проволоки, заостренной с одного конца и с ушком с другого.

— Игла? — задал ненужный вопрос Лев Петрович. — Что сие означает?

— Она самая, ваше высокоблагородие, — ухмыльнулся ехидный мичман, — славная игла, крепкая, сохранности прекрасной, а ведь годов ей немало.

— И что в ней примечательного, позвольте поинтересоваться? — Бутырцев быстро проверил предмет на наличие магии. Что-то в иголке было: мелкое, простое, равнодушное. Ни угрозы, ни помощи она не обещала.

— Перст указующий! — молвил Евстафий и неуверенно ткнул высохшим узловатым пальцем

в низкий каменный потолок. — На Него!

— Такой парусину хорошо сшивать, — одновременно со старцем высказался Нырков.

— Как же она на Него должна указать? — спросил Бутырцев.

— Сие мне неведомо, — смутился монах, больше похожий на собственные мощи, чем на живого человека.

— Филипп Алексеевич, а вы как себе этот карамболь представляете? — Бутырцев строго посмотрел на подопечного и даже чуть-чуть подтолкнул магически — вдруг на юношу снизойдет озарение.

— Э-э-э… — затянул пустопорожний ответ недавний гардемарин, не утративший еще привычку пытаться хоть как-то ответить невыученный урок, дабы избежать наказания. — Мне представляется, что сия игла — суть вещь необычная, но есть в ней некое сродство с предметами обычными, нами познанными, которые суть вещи простые и понятные.

— И?.. — заинтересовался Бутырцев, мысленно заключая сам с собою английское пари: нет, не вывернется боевой офицер с ответом на столь каверзный вопрос, утратил ученическую хватку.

— И этим предметом может быть… бы-ыть, —

затянул монотонно Нырков.

— Бы-ыть… что?

Бутырцев с самым серьезным видом потешался над потугами Филиппа. Лев Петрович был настолько невозмутим и искренне заинтересован в правильном ответе урока учеником, что даже старец Евстафий уверовал: этот отрок сейчас все наилучшим образом разъяснит.

— …может быть… — лихорадочно перебирал в уме предположения отрок, — бы-ыть… Компас!

Последнее слово он выкрикнул.

Бутырцев обомлел: а ведь и правда, намагниченная игла — это стрелка простейшего компаса. Только что им с того знания о севере и юге, он и без компаса может с точностью градусов до десяти-пятнадцати показать направления на эти страны света даже здесь, в скале. О чем он не замедлил сказать моряку.

— Давайте испытаем эту иглу, Лев Петрович! — предложил Филипп. Он уже сам поверил в свою выдумку, ему нестерпимо хотелось, чтобы игла оказалась указателем. Глаза его горели, щеки разрумянились. Впрочем, все это могло происходить от чрезмерного употребления вина за обедом.

— И то правда… — высказался старец. — Испытаем.

С этими словами он сунулся в темный угол, вытащил из него в освещенный кружок пола шайку с мутной водой, пошарил по полу, что-то с него подбирая. Оказалось, кусок тростникового стебля, которыми был устлан пол.

— Дай-ка, касатик, — забрал он иглу из рук Бутырцева.

Монах проткнул иглой тростинку поперек и положил ее на грязную воду. Игла тут же задралась тонким концом вверх.

«Ноги он в этой шайке моет, что ли?» — подумалось Бутырцеву.

— Нет, не так! — вскричал азартный Нырков. — Дайте мне, сейчас я…

Он вытащил иглу из таза, подобрал с пола другой кусок тростника и проткнул его железкой вдоль. Затем осторожно положил на воду. Самодельный компас крутанулся и замер, показывая острием иглы, на взгляд Бутырцева, направление на запад. Филипп вынул «прибор» из шайки и опять положил его на поверхность жижи так, чтобы острие указывало на восток. Упрямая иголка прокрутила тростинку ровно на 180 градусов, уставившись на запад. Это явно был указатель!

На что же?

— Вот! Смотрите! Я был прав! — ликовал Фи-

липп.

— Устами младенца глаголет истина! — громогласно изрек старец. Даже странно было слышать такой голосище, исходящий из столь тщедушного тела.

Евстафий добавил:

— Есть в тебе, отрок, свет Его. Неси этот свет, не расплескай, ибо многое тебе дано, но употреби сей дар с пользой. — При этих словах монах даже прослезился, стал на колени лицом к иконам и начал бить поклоны, осеняя себя крестным знамением и шепча молитвы. Нырков тоже несколько раз перекрестился.

В пещерке-келье и двоим было тесно, Бутырцев как стал во входном проеме, так там и стоял все это время. Филипп приткнулся спиной к стене. В ногах у них был старец и шайка с водой. Маги переглянулись над Евстафием — что делать? Нельзя оставлять такого важного свидетеля. Но не убивать же невинного человека, который к тому же помог им.

Бутырцев решился. Он очень осторожно и плавно заключил всех троих в кокон, отсекающий от окружающего мира. Затем так же медленно вторгся в память старца и убрал из нее всего лишь несколько минут — от момента озарения

отвечающего урок Филиппа до текущего мига. Очень тщательно, подгоняя край в край, вложил в Евстафия память о том, что господа офицеры иглой полюбопытствовали, но ничего примечательного в ней не нашли. Работа была такой тонкой, будто мельчайшим бисером вышивал. Даже вспотел весь от усердия.

«Филипп, бери иглу и выходи наружу. Быстро скачи от монастыря на версту к северу, повтори фокус с иглой, засеки указываемое ею направление. И так несколько раз — надо понять, где будет точка пересечения этих линий. Она не должна быть далеко, вряд ли дальше Херсонесского маяка. Потом галопом назад — надо иглу на место положить. Понял?»

Нырков закивал головой: ясно, мол.

«Да купи у кого-нибудь водки! Тут же вокруг войска, в полках водка есть. Будто бы за белым вином ездил. А я тут буду зубы заговаривать…» — добавил Бутырцев.

V

Когда они через два часа выехали из монастыря, то еле держались в седлах: Нырков водку привез, пришлось с игуменом и трапезником впасть в грех пьянства и чревоугодничества. Но

их совесть была чиста: грех был мелкий, к тому же Бутырцев слегка протрезвил собутыльников при отъезде, а самое главное — игла вернулась к своему владельцу.

— Лев… Петрович… по-моему, пора… — весьма нетвердо высказал свое мнение младший маг, когда монастырь скрылся из виду.

— Ты прав, Филипп.

Пары неуверенных пассов старшего из магов все же хватило на то, чтобы в головах дозорных воцарилась ясность. У обоих сразу же взбунтовались кишечники, и некоторое время можно было наблюдать только двух лошадей, небрежно привязанных к чахлому кустику бересклета у дороги. Потом из более густых кустов показались две фигуры.

— Ну и вонь тут стоит! — высказался Нырков.

— Что вы хотите, юноша? Тут же каждый день войска передвигаются. Эти придорожные кусты — единственные на две версты пути, — ответствовал Бутырцев. — Животы не только у нас с тобой прихватывает…

По пути на Северную сторону дозорные остановились у подножия холма, где было обустроено кладбище. Более ухоженные офицерские могилы выделялись на фоне холмиков с простыми кре-

стами над братскими могилами нижних чинов. Погост разрастался. И сейчас тут было многолюдно: рабочие команды рыли могилы, подъезжали фуры с телами, накрытыми бурым от запекшейся крови брезентом. Телеги подвозили гробы для людей благородного происхождения — для тех, у кого были родственники, способные оплатить недешевую покупку. Для погибших и умерших от ран офицеров полковые товарищи покупали домовины вскладчину. К зиме стоимость необходимого для нормальных похорон доходила до заоблачных цен. Но к весне пятьдесят пятого все же удалось наладить поставки многого, в том числе и гробов. Плати — и подрядчики свою выгоду не упустят, все привезут.

Темный и Светлый смотрели на кладбище с одинаковой спокойной печалью: любому человеку не доставляет радости вид этого последнего человеческого пристанища. Особенно такого — для тех, кто в большинстве своем умер смертью насильственной. Кто мог бы еще жить, радоваться и радовать.

Бутырцев стряхнул невеселые мысли и наконец-то задал главный вопрос:

— Где же искомое место, Филипп Алексеевич?

Нырков поражался выдержке своего началь-

ника. Сам он давно бы уже засыпал напарника по розыску вопросами. А Лев Петрович — само спокойствие…

— Речь идет о деле сверхважном. Разговор наш должен быть сокрыт надежно. Поэтому мы спрятались в кладбищенских эманациях, дабы затруднить подслушивание нашей беседы, — ответил Бутырцев молодому человеку на его невысказанный вопрос. — Кстати, почувствовал ли ты слежку в районе монастыря?

— Неужто была? Ничего не заметил, — пожал плечами Филипп и с неприличным любопытством уставился на опытного Темного.

— Была, голубчик, была. Будто ждали нас. И не будто, а просто ждали. Скорее всего лежит следящий амулетик на горе, а как почует кого из нашего брата, так и начинает кричать своему хозяину «караул». Тут ни особого умения, ни Силы не требуется. Главное — пометить того, за кем следить надобно. Мне в свое время де Сен-Тресси показал кое-какие закавыки, он мастак в этом деле. На ком же из нас меточка проставлена? На мне? Сомнительно. Вряд ли бы кто рискнул. Тебя же отличить сам Сумрак велел. Кому велел — вопрос? Сейчас я тебя осмотрю, спасибо Шарлю — научил когда-то, как искать…

Бутырцев ушел в себя и начал водить ладонями вдоль тела Филиппа.

Нырков от такой новости минуту стоял безмолвным столбом. Потом тяжко вздохнул, иронично посмотрел на сосредоточенного Темного и ехидно произнес:

— Вы, Лев Петрович, этот вот рукав моей шинели проверьте. Я в ней, почитай, с самого приезда в город хожу. Наверняка там. Чтобы понять, кто поставил, вспомните совещание на Сапуне, когда вы меня, раненного в руку, первый раз главам Дозоров представили… Нашли? Я же говорю…

Ошарашенный Бутырцев задержал руку над локтем мичмана и поднял голову, глядя в глаза юному магу:

— Тут она. И нашел я ее быстро, потому что меня научил этому ее хозяин…

— Шарль де Сен-Тресси. Поставил, когда мне боль с раны снял.

— Ах, пройдоха! Изящно сработал, — невольно улыбнулся Бутырцев.

— Я-то грешным делом подумал тогда, что он из благородных побуждений помог мне, еще вас мысленно за бездушие укорял, а он… Все вы, Темные, мазаны… одной стороной Сумрака, — смягчил укор Филипп. — Снимайте эту гадость ко

всем чертям. Можете?

— Ты думал, что Темные — сахар? Но торопиться снимать эту пищалку мы не будем. Теперь, когда мы знаем, кто тебя отслеживает, мы немножко поиграем в кошки-мышки! Понимаешь, о чем я?

— Как не понять… — протянул Нырков, лихорадочно браня себя за поспешное предложение убрать подсадную.

— Где же место? — повторил свой вопрос Бутырцев.

— Проведенная мною триангуляция… с пяти точек, считая монастырскую келью, недвусмысленно указывает на квадрат в Севастопольской бухте саженях в ста пятидесяти от берега со стороной квадрата в пятьдесят саженей. Квадрат оный расположен левее пристани в Аполлоновой балке примерно на сто саженей, если считать по южному берегу, — доложил морской артиллерист. — Отсюда хорошо видно.

— Только рукой не указывай! — резко воскликнул Бутырцев. — Смотри на южный берег, будто бастионы разглядываем…

Лев Петрович медленно заскользил взором по панораме Корабельной стороны слева направо: первый бастион, Ушакова балка, далее в глубине суши возвышается Малахов курган. И опять

взгляд направлен к кромке бухты — видна выемка Аполлоновой балки, пристань. Еще правее — каменистый берег, казармы, Павловский мыс со зданием, где расположена метеостанция. Искомое где-то в бухте напротив этого каменистого участка.

Надо собирать экспедицию. Опять призвать для разведки Нектона, опять спускаться на глубокие уровни Сумрака. Хорошо, что хотя бы на своей территории. Что никоим образом не сможет помешать проникнуть туда ни магам из Дозоров союзников, ни Инквизиции.

Очень тихо и незаметно надо это место разведывать.

Глава 19

I

Легко сказать: разведывать. Ты попробуй сделай. Это же опять надо целую экспедицию собирать: найти лодку, договориться с Нектоном — поднадзорным британского Дозора, выбрать ночь потемнее, да и Филиппа с его батареи вызвать под благовидным предлогом хотя бы в штаб.

Да-да, мичман добился своего — был назначен на бастионную батарею. К его большому сожалению, не на четвертую оборонительную линию, включающую в себя первый, второй бастионы и Малахов курган, а совсем на другом фланге обороны — западном, на седьмом бастионе. Но враг что на левом фланге русской обороны, что на правом был один — французы.

Ныркову пришлось командовать полубатареей. Забот хватало, без дела не прохлаждался. Одно было непривычно — приходилось сидеть на одном месте. После его разъездной службы порученцем было немного непривычно. Он утешал себя, что хотя бы среди моряков находится, но и

моряков на батареях становилось все меньше и меньше, раненых и убитых замещали солдаты. Они быстро перенимали флотские порядки и традиции, даже усваивали морскую терминологию, гордились этим перед строевыми солдатами полков и команд, но чувствовалось, что люди они сухопутные.

* * *

В самом конце апреля Бутырцев наконец-то собрал своих помощников для вылазки в бухту. Зозимос Псарас одобрил предстоящую ночь с точки зрения погоды: на море спокойно, но пасмурно, ялик, давно и по-тихому выкупленный севастопольским Дозором у вдовы местного рыбака, будет незаметен даже без всякой магии.

Вышли с пристани Аполлоновой балки. Бутырцев внимательно следил за магическим фоном и обеспечивал невидимость — береженого Бог бережет. Псарас, как и в прошлые морские вылазки, еще у берега разделся и перекинулся, поплыл-заскользил к намеченному месту в бухте. Филипп… удостоился чести грести. Давненько мичман не брал в руки весла, еще с Корпуса, с гардемаринских времен.

Когда ялик подошел к середине вычисленного

квадрата примерно в ста семидесяти саженях от берега, Нектон-дельфин уже выполнил задачу — нашел искомое и лежал на воде спиной, радостно посвистывая и пощелкивая.

Из сложной беседы между магами и перевертышем в дельфиньем обличье удалось выяснить, что Зозимос сходил в Сумрак и на втором слое обнаружил слабый выход источника Силы. Очень необычно было находиться на неприветливом сумрачном уровне и почти не терять Силу, подпитываясь из вялого родничка. Одному ему почти хватало восполнять то, что пил из него сумеречный мир.

Бутырцев думал недолго — надо идти в Сумрак, запас амулетов с собой, страховочная магическая веревка, показавшая свою надежность еще на балаклавском рейде, тоже при нем.

И они пошли все трое.

Для Филиппа это был необычный опыт. Он и на первом-то уровне бывал всего лишь с десяток раз, да и то его туда «за ручку» водили. Последние разы — Лев Петрович.

И сейчас Бутырцев был не просто поводырем, а буксиром. Не задерживаясь на первом уровне, тут же потащил Филиппа на второй. Нектон, казалось, даже не замечал этих перемещений

— настолько плавно и красиво скользил он по поверхности воды в мрачном мире трех лун. За последние несколько месяцев они с Бутырцевым четыре раза ходили на четвертый уровень — что им второй?

Зубастый водный монстр быстро привел щелястую лодчонку с когтистым чучелом и пухлым гребцом-молодцем к нужному месту. Бутырцев тут же ощутил, как ослабли тиски Сумрака — родничок Силы пронзал водную толщу и давал возможность дышать и двигаться. Даже согревал. Конечно, для троих его мощности было маловато, но тень и плоды даже одной пальмы могут спасти путников в раскаленной пустыне.

Почему Филиппу пришло именно такое сравнение, он не смог бы ответить. Наверное, собачий холод, проникающий чуть ли не в душу, навеял ему мысль о палящем зное. Есть у них общее свойство — оба они убивают.

Ох, зря Филипп вспомнил о холоде! Бутырцев, внимательно приглядывающийся и прислушивающийся к родничку Силы, вдруг что-то радостно воскликнул, аж страшные зубы сверкнули в тусклом свете лун.

— Господа, кажется, нас можно поздравить! — невнятно сказал Темный сквозь намечающиеся

клыки. — Это не обычный источник Силы, не просто проход сквозь слои Сумрака, он двусторонний. Смотрите сами.

С этими словами он опустил руку по самое плечо в родничок. Рука не встретила сопротивления.

— Вот он сделан таким слабым — по нему даже простой маг вроде меня может «спускаться» на более глубокие слои без всяких амулетов. И мне кажется, что это — искомая дорога к месту, где спрятан Христов артефакт! — полудемон-получеловек радовался, на взгляд Ныркова, «аки дитя малое».

— Не может быть, чтобы все было так просто, — засомневался мудрый Светлый. — Дайте-ка я попробую.

С этими словами он не без внутреннего трепета сунул руку в слабый поток Силы, поднимающийся из неведомых глубин. Рука свободно прошла вглубь, а тело напиталось приветливым теплом, кровь согрелась и забурлила в жилах.

— Как хорошо! — вскричал Нырков. Еще секунду назад он был скептиком, а сейчас был готов хороводы водить с милейшим демоном и дельфином-крокодилом.

— Дай… те мне, — прощелкал зубастый водяной

зверь, сунул рыло в родничок и… только хвост мелькнул перед изумленными магами.

— Пойдем на третий! — принял командирское решение Бутырцев. — Крепче держись за меня.

Филипп одной рукой вцепился в костлявого Темного, другой — в борт лодчонки и начал искать свою тень, но не успел даже толком ее приподнять, как поднаторевший в лазании по слоям Сумрака Ахрон уволок его на следующий уровень.

Темная туча с багровым оттенком встретила их на третьем слое. В неясном свете этого мира четко выделялся светлый столб некоей субстанции, идущий из-под воды. До низких небес он не добирался: истончался, распадаясь на мелкие брызги, как фонтан.

Двигаться не хотелось, да и не очень получалось на этой скорлупке, в которую превратилась их лодка. Все же мрачный черт, напарник Ныркова, нашел в себе способность взять весла и сделать несколько гребков к выходу Силы из-под воды. Впритык к светлому столбу на поверхности лежало длинное страшилище вроде толстого бревна с пастью. Бревно вяло пошевелило плавниками.

— Сюда… тут… тепло…

— Надо вниз идти, — проскрежетал черт, — я тебя сейчас Шаркановой веревкой обвяжу. Нырнем?

— Сдурели? — Нырков с трудом цедил из себя слова, стараясь держать руки в потоке Силы. Но она не успевала толком поддерживать Светлого, Сумрак тут же с жадностью высасывал из мага полученную порцию. Будто стылые губы мрачного гиганта обволакивали его тело и пили его соки, тянули из него жизнь и даже душу. Филиппу казалось, что он слышит радостное причмокивание ненасытного чудища.

Мыслить получалось плохо, но он все же нашел дельный аргумент в споре с Бутырцевым:

— Ты сам обвяжись… и в источник вместе с лодкой, а я заберусь на бревно… будем тебя ждать тут, пока Сила не кончится… ты дергай — мы вытянем.

Черт подумал и, казалось, понял замысел Филиппа.

Но поступил по-своему — он обхватил невесомый ствол фонтанчика Силы и начал сползать по нему, скрываясь под водой.

— Куда, стой… захлебнешься! — заорал, как ему показалось, Нырков, но чертяка медленно прикрыл один глаз и невозмутимо продолжил

свой спуск в… Куда?

«Подмигнул он мне, что ли?» — подумалось Филиппу.

II

— …вы таким макаром мне подмигнули и скрылись под водой. Исчезли без следа, даже пузырей не было. — Филипп закончил рассказ о том, что он видел на третьем слое Сумрака, и сделал большой глоток сладкого чая. Подумать только, он был на третьем!

Три заединщика сидели в квартире на Морской и гоняли чаи. Впрочем, сладкий чай потягивали маги, а перевертыш попивал, заедая копченой ставридкой, совсем другой напиток — сладкое душистое красное местное вино, которым его угостил хлебосольный Бутырцев. Вторую бутылку заканчивал.

Дозорные обсуждали вылазку.

Бутырцеву запомнилось, что он недолго пробыл на четвертом уровне, а его товарищи утверждали, что ждали его ужас как долго. Уже и за магическую веревку стали дергать, а затем и тянуть — без толку.

Но тут сам Ахрон шустро вылез из-под воды по потоку Силы. Демон отряхнул свои обноски и

прошамкал клыкастой пастью подъем. Нектона с Филиппом упрашивать не пришлось. Слои проходили навылет.

На поверхности отлежались, маги — в ялике, перевертыш — на воде. Быстро пришли в себя, подпитка из места Силы, даже такого слабенького, не достающего до истинного мира, пришлась как нельзя кстати.

У берега Нектон перекинулся в человека, вышел на берег, обтерся, оделся. Тут Ныркова не выдержал и засыпал Льва Петровича вопросами: ну, что там?

— Ничего. Море твердое, скользкое — ноги разъезжаются. Поток Силы все так же бьет из-под воды, Сумрак тут же половину выпивает. Я попробовал по нему дальше спуститься — на дно или на другой слой — не пускает. На этом мои возможности закончились.

Сказать, что Бутырцев был разочарован, — не сказать ничего. Столько размышлений, догадок, ожиданий, поисков. Казалось, нашли. Сейчас откроется нечто неведомое, значимое, сокровенное. Ан нет, новые препоны на пути. Тупик?

Там же, на берегу, Лев Петрович попытался связаться с Шарканом. Увы, в раковине лишь море шумело, то же самое, что тихо играло мелкой

галькой под ногами. Бутырцев продолжал свои попытки. Высший долго не отвечал, но все же отозвался — в раковине недовольно запищало.

Подчиненный доложил по команде результаты поиска и свои неутешительные выводы. Шаркан ответил, не раздумывая: Бутырцев сам ничего сделать не сможет, дальше не пробьется. И добавил, что ничем не поддержит — Инквизиция сидит сейчас у него и у Агния и следит буквально за каждым их шагом, даже связываться теперь таким макаром не стоит.

— Что же мне теперь делать? — Бутырцев был обескуражен.

— Ничего, Ахрон. — Шаркан помолчал. — Возглавляй объединенный Дозор, морочь головы союзникам, к найденному источнику Силы не суйся. Но старайся, чтобы эти наши друзья о нем не прознали. Кто-нибудь, кроме твоих подручных Светлых, о нем знает?

— Никто.

— …им бы память поправить… Но могут возникнуть сложности… Что так плохо, что иначе нехорошо… Закупорить источник… — где-то в Москве или в другом месте размышлял Шаркан. — Ладно, пусть все так остается. Меня больше не тревожь. Только в самом крайнем случае — ес-

ли артефакт проявит себя.

На этом Шаркан разговор оборвал. Ни до свидания тебе, ни спасибо. Ни помощи… Живи, как сам знаешь.

Бутырцев в двух словах объявил решение Высшего прекратить все поиски. Помощники были обескуражены, и Бутырцев решил пригласить их к себе на чай.

Так они оказались у Льва Петровича на Морской.

Даже здесь, в центре города, целых домов оставалось все меньше. После последних обстрелов пострадал и домик Анастасии Феофилатовны, у которой квартировал начальник севастопольских дозорных. Ядро пробило крышу и разнесло мебель в углу одной из комнат. Бутырцев посоветовал ей перебраться на Северную, как сделали многие из соседей. И даже помог подыскать комнату в приличном доме, пообещав молодой вдове не только продолжать платить за свое собственное проживание, но и приглядывать за домом.

Подлатал крышу, заделал дыру в углу, укрепил все магией. Теперь здесь можно спокойнее ночевать, что не так часто случалось — должность у него была беспокойной, бесконечные разъезды уже сидели в печенках. В доме же постоянно

находился денщик — пожилой хозяйственный солдат.

III

В начале чаепития настроение было мрачное. Но потихоньку от тьмы в головах отошли, вспомнили, кто какой облик имел в глубинах Сумрака. Посмеялись над чертякой Бутырцевым, саблезубым крокодилом Псарасом, пухлощеким румяным юношей Нырковым. Начали строить планы на будущее, вспоминать о житейских пустяках. Осоловевший Зозимос раскланялся и ушел спать в денщицкую, посоветовав магам сильно на магию не уповать, а выспаться по-человечески.

Но маги продолжали пустой разговор. После испытанного напряжения хотелось услышать что-то веселое. Нырков припомнил всякие нелепицы, бывшие на его батарее или придуманные мастерами их рассказывать. Был третьего дня случай — французы выстрелили в их сторону забытым в жерле орудия банником.

И насыпал горсть красочных подробностей, приукрасив рассказ всякой словесной мелочью.

Оба взахлеб хохотали, пока Бутырцев, задавив в себе последний смешок, не сказал:

— Все-все. Сейчас о серьезном. Ты сказал что-то важное про пули.

— Да я и не помню, что говорил. Но давно хотел спросить, почему у нас так плохо с нарезными ружьями? Ведь выгоды очевидные: пули из них летят дальше, бьют точнее, — посерьезнел мичман.

— О пулях… Видишь ли, мы пользуемся пулями круглыми — их проще отливать. Но еще во времена моей учебы в инженерной школе в Париже один артиллерист утверждал, что круглый снаряд больше упирается в воздухе, чем, к примеру, конический. Зато конический склонен кувыркаться в полете, теряет скорость и отклоняется в сторону. Как же быть? Придумали закрутить такую пулю. Как же ее закрутить при выстреле? Надобно нарезать выступы в стволе так, чтобы они шли винтом, тогда пуля, плотно забитая в ствол, проталкиваемая пороховыми газами, закрутится. Полетит ровно и далеко, дальше круглой. Это давно поняли. Еще при матушке Екатерине целый полк нарезными ружьями вооружили.

Но дело вот еще в чем — пуля должна плотно в ствол входить. У нас же ружья чистят чем ни попадя: и мелом, и песком, и кирпичной крошкой.

Для начальства главное — чтобы ствол изнутри блестел. И раздраивают солдаты стволы так, что калиброванные пули из стволов свободно выкатываются. Тут хоть коническую, хоть квадратную пулю применяй, толку никакого. Надобно пулю туго в дуло забивать. В нарезной ствол точно отлитую пулю надо было забивать молотком. Пока забьешь, пока прицелишься да выстрелишь, к тебе кавалерист подскакать успеет и на пику насадит. За это время из обычного ружья четыре выстрела удавалось сделать.

— Знаю я обо всем этом, учили нас, — не понял, к чему эта лекция, заскучавший юноша.

— Погоди, не перебивай. Я тебе рассказываю, а сам пытаюсь понять, что же ты такого сказал, что мимо моих ушей шмыгнуло.

— Я говорил, что наши ружья имеют убойную силу шагов до трехсот, а французские — до семисот-восьмисот.

— А то и больше, да, — подтвердил Лев Петрович. — Они придумали пули, которые легко заряжать в любой, даже в расколошмаченный нарезной ствол, и чтобы при этом они плотно на нарезку садились. Минье придумал. Его пуля имеет на донце выемку, туда вставлена железная чашечка. При выстреле эта чашка впивается

в мягкий свинец и расширяет пулю так, что она плотно входит в нарезку. Все — и заряжать удобно, и выстрел хороший. Но ты сам посуди, голубчик, это же насколько дороже становятся ружья и пули. Казна императорская не бездонна. Недаром приказ Меншиков выпустил, чтобы отбитые у неприятеля штуцеры сдавать. Да и господа офицеры у охотников штуцеры по десяти рублей себе покупают. Но не о том все говорим, не о том. Что ты еще сказал?

— Что? О том, что союзники наших безнаказанно убивают. А у нас штуцеров нехватка, свои нехороши, а вражеских мало захвачено…

— Постой-ка, Филипп. Допустим, тебе надобно кого-то из противников на их стороне да за траншеями специально убить. По заказу как бы. То ты тогда бы стрелял из штуцера, так? А если пулю заговорить, чтобы точнее летела, то такая пуля навылет тело пробьет и следов магии в ране почти не оставит. Это же специально надо рану проверять, магию крови использовать. И пулю ту не найдешь, поди узнай, куда она улетела, — тоже непростую магию надо применить. Допустим, я такими заклинаниями владею. Но такую магию наши коллеги сразу почуют. Если враг среди них, то сразу насторожится. Эх, собрать бы все пули,

что вокруг валяются, в кучу, уж тогда бы я быстро волшебство бы нашел. Но ведь не собрать…

— Как же не собрать, Лев Петрович? У нас сейчас сильная нехватка свинца — я сам в штабе Меншикова слыхал. В каком-то полку уже наладили отливать пули Минье, а свинца нет. Так отчего же не подобрать те неприятельские пули, что валяются вокруг батарей и бастионов, как желуди под хорошим дубом?

— Так кто же подбирать будет?

— Надо цену назначить. Дать за пуд десять рублей ассигнациями, так наши защитники гурьбой побегут собирать. И казне дешевле обойдется, и быстрее, чем свинец подвозят, выйдет. Вон мальчишки же ядра нужных калибров по копейке за штуку на батареи палками катают. Соберутся ватагой, глядь — уже десяток прикатили. Батарейный командир им гривенник даст, у них и праздник — пирожков накупят.

— Здорово! Я не знал, — удивился Лев Петрович.

— Да когда же вам такой ерундой интересоваться. Это мы, порученцы и вестовые, по всем городским углам бываем, все верки и мины излазили, — подкузьмил начальника Светлый. Он зауважал Льва Петровича давно и прочно, за

товарища и даже друга почитал, но все же была в этом для Филиппа неизъяснимая прелесть — поддеть Темного.

Бутырцев видел юношу насквозь и прощал мальчишество и фрондерство — молод пока, еще успеет набраться серьезности. Зато польза от юнца есть немалая, вот и сейчас толковую мысль подал.

* * *

Бутырцев поговорил об этом способе пополнения армии свинцом в штабах и с начальником над тылами. Военные чиновники быстро поняли, что здесь они прямую выгоду для себя поимеют. И в мае вышло решение о сборе пуль, по четыре рубля за пуд. За такие деньжищи охотников за свинцом нашлось немало. Что там мальчишки! Солдаты на укреплениях вместо положенного отдыха хватали мешки и шли «собирать ягоды». Да не только в тылу бастионов, а во рвы перед противником вылезали — самые «ягодные» места. Англичане с французами недоумевали — какого черта русские на рожон лезут? Штуцерные от любопытства даже ружья в сторону откладывали, глядя на русских. Французы, поняв, что там русские собирают, криками солдат подбадрива-

ли — какое-никакое развлечение на войне. Но офицеры быстро одернули своих бойцов, и опять полетели пули. Не в мешки к русским, а в самих солдат. Но даже и ружейный огонь не охладил пыл некоторых. Случалось, что подстреленный, отбывая в госпиталь, передавал свой мешок товарищу с наказом продолжить добычу да не забывать его, поделить денежки по-божески.

Только когда потери среди таких сборщиков стали значительны, командование приказало прекратить промысел.

* * *

За неполный месяц собрали около двух тысяч пудов свинца, чего хватило бы на почти миллион зарядов. Всю массу в кучах и мешках Бутырцев тщательно исследовал на наличие малейших признаков магического фона. Работал аккуратно: не то чтобы совсем не скрываясь, но и не излишне прячась — мог на вопрос Инквизиции ответить правдой о покушениях на него.

Нашел четыре пули со следами магии. Две — разными слабыми магами заговоренные, такие щит не пробьют, не про его честь. Две хитрые — с одинаковым заговором, смертельным, быстро уходящим, хорошо спрятанным, точно для него.

Но с расчетом, что ранение будет смертельным и сквозным, — тут нужны хороший стрелок и усиленный заряд. Если вообще выстреливать из ружья. Эх, если было бы можно еще установить, из какого ружья вылетела пуля. Вот был бы прибор какой, чтобы это проверил. Может быть, царапины на пуле это способны показать? Не могут же быть совсем одинаковыми каналы ружейных стволов? Но нет, это же какой титанический труд надо проделать.

Глава 20

I

Близилось лето, интервенты стянули к городу мощные резервы. Намеки союзных Дозоров о сдаче Севастополя давно уже превратились в прямые и ясные советы.

— Лев, ты же понимаешь, что русским не удержать Севастополь. Союзная артиллерия вскорости превратит ваши укрепления в щебень. Сколько вы теряете людей ежедневно? Тысячу? Восемьсот? Пусть даже и пятьсот! Никто не способен восполнить такие потери. Никто, Лев. Надави на князя Горчакова, примени магию. Хочешь, мы, главы союзных Дозоров, напишем петицию в Инквизицию по этому поводу, поспособствуем? Это ведь даже не вмешательство в дела людей, это забота о людях — гуманизм, который провозгласили высшим благом человечества наши философы, ты же изучал их труды, — де Сен-Тресси одновременно горячился и был расчетливо настойчив.

Бутырцев умом понимал и принимал доводы француза. Его суть Темного тоже не протестовала

против такой постановки вопроса. Но сердце противилось. Сердце русского человека. Патриота? Да, патриота — нечего самому себе врать, что его не касается судьба города, с которым он сроднился за эти неполные восемь месяцев.

Всего лишь восемь?! Ему казалось, что прошли годы с момента его появления в Севастополе. Прав был покойный император Николай Павлович, повелев считать месяц службы в севастопольском гарнизоне за год. Эту выслугу честно заработали все, кто защищал город. Даже он, сторонний и нейтральный созерцатель происходящего, судья над вверенными ему Иными, даже он может называть себя защитником города.

Только Севастополя? А как же неведомая святыня Иисуса? Кто он по отношению к ней? Следопыт, выслеживающий чудо-зверя для сановных охотников, идущих неторопливой комфортной облавой по тропам, указываемым им? Что же потом — он будет безразлично смотреть на то, как будут свежевать добычу и делить мех и мясо Высшие, которым дела нет до тех простых людей и Иных, которые жизни положили, чтобы чудо жило и невесомо, но твердо вдохновляло на праведные дела? Может быть, героизм защитников Севастополя подпитывается Величайшим

амулетом, невзирая на Свет и Тьму? А ты, Лев, превратившись в зайца, хочешь отобрать у них чудо?

«Да что это со мною? Окстись, Темный, никак к Свету потянуло?» Лев Петрович даже головой затряс, пытаясь отогнать пришедшее на ум. Но то, что пришло, уходить не собиралось. Лев Петрович все больше укреплялся в своем нежелании отдавать Христов амулет кому бы то ни было.

Легко сказать «не отдавать». Как это сделать? Шаркан с Агнием знают о странном источнике Силы, ведущим в неведомый схрон. Захотят — пробьются. Вдвоем или поодиночке — не суть важно. Через неделю, месяц, два Севастополь займут союзники. Их дозорные с благословения Инквизиции муравьями обшарят каждый закоулок, каждый клочок суши и бухты — наткнутся на потаенный ход. Придумают новую штуку взамен утопленной под Балаклавой, растопят застывшую воду четвертого слоя Сумрака, взломают оборонительные стены — будут долбить, как бастионы Севастополя, разгромят. Их много, они сейчас в союзе.

Что противопоставить? Шаркан как-то обмолвился: заглушить источник Силы совсем. Подсказал или случайно обмолвился? Помнится,

был он не на шутку раздражен. Шаркан — случайно? Не тешь себя невозможным, Лев, ты же давно, ох, как давно не веришь в случайности Высших.

Значит, можно спрятать? Как? Не дал ответа Их Темнейшество. Придется решать самому.

Честно говоря, Бутырцев неосознанно давно размышлял над таким ходом — спрятать найденный лаз. Размышлял где-то очень глубоко внутри своего «Я», дабы не дать никому ни малейшей возможности прочитать свои мысли. Скрыть их даже от допроса Инквизиторов, если доведется таковому случиться.

Теперь, когда эти мысли поднялись из мглы его сознания на ясную логическую поверхность ума, стали видимыми и понятными любому Высшему дознавателю, надо четко и ясно додумывать их до конца, пытаться найти возможность сделать задуманное и укрыться от преследователей.

Укрыться — это очень сложно. Но можно ведь найти защиту? В войне сильных всегда найдется кто-то, кто может взять под свое крыло слабого. К своей выгоде, что однозначно ставит слабого в положениие если не раба, то верного вассала. Но сильные могут прийти к патовой ситуации, когда ни один ход не ведет к победе. К победе над слабым.

Лев Петрович решил так: надо найти способ спрятать, заглушить источник Силы в бухте, а самому уйти под защиту московских Высших. Прихватить с собой Нектона и Ныркова. Пусть кто сможет долбит проход к реликвии.

Где же найти эту глушилку источников Силы? Что таковая существует, Бутырцев уже не сомневался — неспроста же иссякли многочисленные некогда кладези Силы в окрестностях Севастополя. И источник в Георгиевском монастыре на Феоленте кто-то потушил. Еще Пушкин, поэт и потенциальный Иной, к нему путешествие из Гурзуфа не так давно совершал. Теперь нет того источника. Или есть? Спросить Шарля этак невзначай, что там французы в православном монастыре делают? Вряд ли ответит — вывернется, отшутится, переведет все в веселое непотребство. Скользкий и верткий угорь.

II

Доводилось Бутырцеву случайно увидеть незначительные кусочки будущего. А значимое всегда случалось неожиданно, нападало, как тать с кистенем, из-за угла. На этот раз для разнообразия вместо орудия для смертоубийства на Льва Петровича упала, свалилась, рухнула нежданная

удача.

Третьего дня августа случилось ему встретить в штабе Горчакова, куда Темный зачастил, желая на всякий случай — гибнут защитники Севастополя ежедневно целыми полками, жалко людей, тут Шарль прав, — подготовить почву для уговоров о сдаче города. И нос к носу встретил давнего знакомца по Петербургу, инженер-подполковника Светлова, по иронии, Темного третьестепенного мага. Инженер жил уже второй человеческой жизнью, был в свое время женат, были у него обычные дети и многочисленные внуки-правнуки. Чад своих любил, а имея способности в инженерном деле, службу продолжил в новом обличье, не гнушаясь никаких способов сколотить некоторый капитал, чтобы анонимно оставить наследство потомкам. Как выяснилось, прибыл он в Севастополь по делам сугубо военным — надзирать за строительством многочисленных укреплений Северной стороны, тем более Тотлебен не вполне еще выздоровел после ранения. К Дозорам отношения не имеет.

Разговорились, решили зайти пообедать в один из небольших трактиров, как грибы разросшихся на Северной. Конечно, не рестораны с гризетками, как у французов в Камыше — маленьком

Париже. Но некоторое число вполне приличных заведений было устроено для чистой публики, где господа офицеры и чиновники всех мастей могли с большой выгодой для трактирщика легко потратить немалые суммы. Деньги в Севастополь казна направляла немалые. Большие суммы возвращались в российские города и веси семьям защитников города, но и кутили офицеры иной раз с петербургским гвардейским шиком и московским купеческим размахом — кто же на бастионах о деньгах думает под бомбами и ядрами? Сегодня жив — гуляй, покуда цел.

За обедом Иные разговорились как раз на эту тему — о склонности не верить в собственную смерть, вдруг сменяющуюся полной уверенностью в ее близкой, сегодняшней неизбежности. Бутырцев не скрыл от Светлова своей возможности бывать в лагерях союзников, поделился наблюдениями о нравах, царящих у англичан в Балаклаве и у французов в Камыше, о мрачности британцев и бесшабашности французов. О практичности тех и других, когда речь заходит о трофеях. Выразил, однако, сомнение, что французы сумеют чем-то поживиться в Севастополе в случае его захвата. Не то что англичане, разорившие Ялту, Геническ, Бердянск, Ейск, Темрюк. В

Керчи они даже Митридатову гору перекопали в поисках сокровищ под предлогом сохранения археологических ценностей (одно время Бутырцев даже думал, что британцы там Христов амулет ищут). Знамо дело, европейские города им грабить как-то не с руки, хотя и там они никогда не терялись. «Сберечь» у себя предметы культуры каких-нибудь Греции или Египта, находящихся под властью непросвещенных турков или арабов, — это другое, это джентльмен сделать обязан.

— Не сомневайтесь, Лев Петрович, французы обдерут даже развалины города до последнего гвоздя. Вывезут даже камень, даже разбитые башенные часы, даже туманный колокол из Херсонеса, подающий морякам сигналы о близком береге во время непогоды. Кстати, вы в курсе, что предмет этот отлит в Таганроге в 1778 году из трофейных турецких пушек?

— Слыхал об этом. Говорят, что на колоколе изображены покровители моряков — святой Николай и святой Фока. Но лицезреть возможности не имел.

— Боюсь, что не скоро таковая появится — помяните мое слово, сопрут его французы. Но это не самая главная его особенность. Мало кто знает, но

тогдашний главный таганрогский литейщик был Темным магом. Интересовался он физической наукой акустикой и смело экспериментировал со своими творениями. Я это знаю, потому что был близко знаком с ним. Так вот, этот колокол он сделал особенным — дал ему магическую способность приглушать другие звуки на несколько верст вокруг. Задумывал он вообще гасить любой звук, но не сумел достичь желаемого. Однако, испытывая колокол, случайно напрочь извел тамошний источник Силы. Заткнул постным благовестом. Так что не проста эта вещь, отнюдь не проста. — Светлов пригубил кислого местного вина и с наслаждением впился в утиное крыло.

— Да что вы говорите! — искренне воскликнул Бутырцев и фальшиво добавил совсем не то, что мгновенно захватило все его мысли: — Несказанно повезло монахам Херсонесской киновии, что они не додумались повесить туманный колокол на колокольню, иначе запросто могли бы извести место Силы в купели святого князя Владимира.

— Ну, теперь-то им можно подсказать эту идею. Незачем французским Иным задарма пользоваться нашим добром. Они же сейчас Херсонесом владеют? — ухмыльнулся Темный Светлов.

— И впрямь… — подмигнул ему Бутырцев и

отсалютовал рюмкой водки.

* * *

Ночью Лев Петрович видел сон — висит херсонесский колокол на величественном храме. Башни в готическом стиле, знакомый фасад, роскошные витражи, скульптурные горгульи и химеры — никак Notre-Dame de Paris? Что здесь делает отлитый из турецкой бронзы русский колокол из развалин древнегреческого полиса?

Эту мысль он постарался удержать в себе до момента пробуждения.

Глава 21

I

Август пятьдесят пятого года подходил к концу. Знойное палящее летнее солнце потихоньку смягчало свой пыл. Белые солдатские рубахи, введенные в войсках еще в мае, потихоньку становились серыми от пыли и покрывались коркой соли — тяжкий труд в жару давал о себе знать. Пресной воды не хватало, французы отвели водовод от города. Да и стирать белье было уже некому — почти всех жителей переправили на Северную сторону, вражеские бомбардировки разрушили большую часть домов в городе и на Корабельной стороне. Бутырцев с июля квартировал в казармах на Николаевской батарее. Нырков почти безвылазно сидел на седьмом бастионе. Севастопольские дозорные были разбросаны по полкам на Мекензиевых горах и холмах Инкермана.

Лето было злым для защитников города. Еще в начале весны, седьмого марта, на Малаховом ядром снесло голову командиру тамошних укреплений контр-адмиралу Истомину. После сего прискорбного случая Бутырцев пытался

образумить адмирала Нахимова, отговорить его от излишнего бравирования своим презрением к смерти при посещении бастионов. Но Павел Степанович лишь недоуменно посмотрел на очередного советчика и заявил, что это никак невозможно. Все ходят под Богом, никто от смерти не бегает, и он кланяться пулям не намерен.

Солдаты любили смелого адмирала, который всегда был внимателен к ним, не брезговал даже угоститься иной раз, как случилось на свадьбе всеобщей любимицы, милосердной сестрицы Даши Севастопольской, вышедшей замуж за рядового 4-го ластового экипажа Максима Хворостова. Свадьба та состоялась на Корабельной стороне, проезжавшего мимо адмирала всем миром попросили быть посаженым отцом. Не побрезговал флотоводец и вдохновитель всей обороны зайти в затрапезную матросскую хатенку, только вина красного с водой попросил. Сидел рядом с простыми матросами, желал счастья молодым.

Даша на Корабельной стороне была завидной невестой. Еще покойным императором Николаем I она была награждена золотой медалью с надписью «За усердие» на Владимирской ленте для ношения на груди и получила пятьсот рублей серебром. Тогда же было заявлено, что

Государь «по выходу ее в замужество пожалует еще 1000 рублей серебром на обзаведение». Волю отца исполнил нынешний император Александр Николаевич.

Сам адмирал был известным холостяком, женатым на морской службе. Женщин не то чтобы избегал, но своих офицеров, приходящих к нему за разрешением жениться, смешно и искренне отговаривал:

— Что же вы так, голубчик? Может быть, вам в отпуск уволиться, уехать? Образумитесь, передумаете. Если надобно, я сейчас приказ подпишу. Хотите, денег взаймы дам?

Поговаривали о некой тайне сердечной, о его давнем неудачном сватовстве к дочери командующего Архангельского порта. Тогда небогатый офицер получил отказ. Будто бы с тех пор кровоточит «сердечная рана» у адмирала.

Личные деньги адмирал одалживал по первой просьбе кому ни попадя. Многие из должников отдавать «забывали», а деликатный Павел Степанович не напоминал.

Молодых на свадьбе одарил щедро.

Получалось, что никак не мог Павел Степанович, командир Севастопольского порта и временный военный губернатор города, полный

адмирал и кавалер ордена Георгия второй степени (еще за Синоп), прятать свои эполеты под шинелью и голову за бруствером.

Но первым пострадал еще один столп обороны Севастополя — генерал Тотлебен Эдуард Иванович. Будучи простым траншей-майором в Дунайской армии, попав в Крым, чуть ли не случайно начал руководить возведением севастопольских укреплений в сентябре прошлого года. В результате он сотворил из города неприступную крепость. Сам сделал немалую карьеру — в апреле флигель-адъютант Его Величества был произведен в генерал-майоры с назначением в Свиту Его Величества. По приказу Александра II имя Тотлебена было выбито на мемориальной мраморной доске в Николаевском инженерном училище. Он не только часто бывал в самых опасных местах обороны, но и помогал руководить боями, разработал схему минной войны на четвертом бастионе и был щедро награжден многими орденами. С Павлом Степановичем у него было полнейшее единение в вопросах обороны города.

Бутырцев как-то раз после очередного прозрения будущего сказал Ныркову:

— Эдуард Иванович — больших талантов и

умений человек. Лет через двадцать будет руководить осадой турецкого гарнизона в болгарском городе Плевене. Видать, воевать России с турками и воевать.

* * *

Шестого июня с большими потерями для неприятеля был отбит первый общий штурм города. Французы тогда обошли Малахов курган по Доковому оврагу и захватили батарею Жерве. Любимец солдат и матросов генерал Хрулев остановил отступающих, пообещав дивизию в помощь. Но не было не только дивизии поблизости, но и вообще войск. К счастью, Хрулев увидал вдали роту Севского полка, возвращавшуюся с работ. В ней было всего сто тридцать восемь человек под командой штабс-капитана. В руках у них были лопаты, ружья висели на плечах. Рота вместо дивизии.

— Ребята, бросай лопаты! В штыки, за мной! — скомандовал генерал.

Яростной штыковой атакой севцы смели французов с батареи. Погиб командир роты, в живых остались тридцать три человека. Хрулев не получил ни одной царапины. Солдаты считали его заговоренным. Бутырцев проверял — обычный

человек, никаких амулетов, даже оберегов у генерала не было. Не было Иных ни у французов, захвативших батарею, ни у севцев, вернувших ее.

Отбитый штурм русские войска восприняли как победу в сражении. Да так оно и было. Союзники возлагали на этот штурм большие надежды, заранее составляли победные реляции и телеграммы в свои столицы. Пришлось выкинуть все эти бумажки и долго скрывать от публики цифры своих потерь. Британский генерал Уиндгэм писал: «…враг оказался стойким и хорошо подготовленным; его орудия были заряжены, и они развили такой картечный обстрел, что все наше дело провалилось». Шесть раз поднимались неприятельские войска в атаку. Шесть раз русская артиллерия отражала эти приступы.

Но успех французов на батарее Жерве чуть было не привел к провалу всей русской обороны. Тут бы Горчакову задуматься, усилить Малахов резервами. Не захотел.

Сразу же после получения известия об успешном отражении гарнизоном Севастополя штурма император прислал в осажденную крепость два ордена Святого Георгия 3-й степени, одним из которых был награжден Эдуард Иванович. «В

воздаяние примерных трудов по возведению Севастопольских укреплений, составляющих образец инженерного искусства, и в награду блистательной храбрости и мужественного хладнокровия, оказанных 6 июня при отражении неприятельского штурма».

II

Надо же было такому случиться, что восьмого июня Тотлебен был ранен под все тем же Малаховым. Он спускался к батарее Жерве, желая осмотреть ее и дать приказания по починке. Ранение было «чистое» — пуля насквозь прошила правую ногу ниже колена, не задев кость и не порвав крупные сосуды. Но лекарь так долго ковырялся в ране, отыскивая то ли пулю, то ли клочья материи, что даже палец его в ней застрял. Долго потом не заживала рана главного фортификатора Севастополя, два месяца он проболел в своем домике на Бельбеке. Продолжал издали руководить работами, но без его зоркого глаза и твердой воли на военных советах городские укрепления не были поддержаны должным образом.

Бутырцев рвался исцелить инженера, но Инквизиция сразу заявила, что запрещает помогать

столь важной на этой войне персоне, и будет тщательно следить за соблюдением этого запрета.

* * *

Двадцать восьмого июня случилось непоправимое. Нахимов объезжал укрепления, добрался и до Малахова кургана. Под огнем французских штуцерников осмотрел вражеские траншеи и почти закончил свои наблюдения. Его уже почти уговорили пойти на богослужение в честь завтрашнего праздника святых Петра и Павла, тем более что это был день именин адмирала. Но Павел Степанович сердито одернул офицеров и опять поднялся на бруствер. Французы же давно заметили его адмиральские эполеты, да и наличие свиты говорило о том, что на позициях находится большой начальник. Сразу несколько пуль впились в бруствер. Одна штуцерная пуля ударила в лицо, пробила череп и вышла у затылка.

Павел Степанович умер через два дня.

* * *

Знакомая сестра милосердия рассказывала Бутырцеву:

— Во второй комнате стоял его гроб золотой парчи, вокруг много подушек с орденами, в головах три адмиральских флага сгруппированы, а сам он был покрыт тем простреленным и изорванным флагом, который развевался на его корабле в день Синопской битвы. По загорелым щекам моряков, которые стояли на часах, текли слезы. Да и с тех пор я не видела ни одного моряка, который бы не сказал, что с радостью лег бы за него.

Лев Петрович переживал утрату молча. Но пулю, сразившую адмирала, искал долго и настойчиво — на той позиции далеко улететь она не могла. Нашел. Следов магии на ней не было. Обычный кусочек свинца со следами смерти.

* * *

Нырков, выбравшийся на похороны любимого командира, не сдерживал слез. И весь город не стыдился оплакивать душу севастопольской обороны.

День похорон был мрачный, тучи покрывали небо, будто сам Сумрак проявил себя в людском мире. Огромная процессия следовала за гробом. Вражеской артиллерии было просто попасть в такое скопище людей. Но союзники не стреляли, они тоже почтили память великого адмирала.

Хоронили в склепе нового и до конца не достроенного Владимирского собора, что возвышался над городом на Центральном холме. Там уже был гроб с телом учителя Нахимова, адмирала Лазарева, сделавшего Черноморский флот и Севастополь тем, чем они сейчас являлись. В том же склепе лежали питомцы Лазарева — адмиралы Корнилов и Истомин.

Совсем недавно, неполных три месяца назад, хоронили Истомина, и Павел Степанович вместе с другими офицерами нес гроб с телом своего боевого товарища и друга. Когда гроб опустили на дно склепа, Павел Степанович сказал: «Есть место еще для одного, лягу хоть в ногах у своих товарищей». Так и лег, свое-то место он Истомину уступил…

* * *

Вечером Бутырцев с Нырковым и другими офицерами наскоро помянули погибшего командира. Лев Петрович припомнил поэтические строки поэта — поручика Кавказской армии:

А если спросит кто-нибудь…
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навылет в грудь

Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря…

— «…И что родному краю Поклон я посылаю», — добавил Филипп и молча выпил горькую чарку.

Подавленным было настроение у всех присутствующих.

— Держись, Филипп, не дай себя убить там, на бастионе. Помни: тебя ждут мать, невеста, друзья. Да и наш нахимовский Дозор еще не окончен, — сказал Бутырцев в тот вечер младшему товарищу перед расставанием.

И подумал: «Нахимовский? Что же, достойное название нашему Дозору. Не посрамить бы имя адмирала».

* * *

В конце июля в Крым прибыло подкрепление — три пехотные дивизии. Государь повелел главнокомандующему князю Горчакову собрать военный совет и «предпринять что-либо решительное, дабы положить конец сей ужасной бойне». Ослушаться императора было никак невозможно. Вопреки очевидной бесперспективности нападения на сильно укрепленные

позиции противника решили учинить наступление со стороны реки Черной.

Четвертого августа сражение состоялось. Атака русских войск была отбита, и они принуждены были отступить, понеся огромный урон, трупы валялись кучами. Впервые участвовавшие в деле сардинцы были в ужасе от увиденного.

Воюющие стороны остались при своих: защитники города держались на своих позициях, готовые отстаивать Севастополь до последнего человека, союзники не решались на штурм.

«Никому не нужное сражение, столько народа впустую положили», — заметил Будищев главам Дозоров на совещании. «Кто же думал, что русские войска столь безрассудно будут штурмовать высоты вдоль Черной», — заметили ему. Потери среди Иных были только у русских: два солдата-оборотня да пластун-охотник из ведьмаков.

Союзники решили громить оборону и сам город бомбардировками. Пятая усиленная началась пятого августа и длилась по восьмое число. Около восьми сотен орудий почти без перерыва осыпали русские позиции ядрами и гранатами. Участвовали в обстреле и ракетные батареи. Ежедневные потери обороняющихся доходили до тысячи человек, выбывших из строя. С девятого

августа огонь несколько ослабел, но все равно гарнизон каждый день недосчитывался пятисот-семисот человек. Это было чудовищно. Так продолжалось до двадцать четвертого августа.

Несмотря на непрекращающийся обстрел, русские строили мост на плотах через Севастопольскую бухту. Сто плотников и сто рабочих непрерывно трудились, возводя плоты-понтоны из огромных бревен, сваленных на северном берегу. Буксирами плоты заводили на места и ставили на якоря, подгоняя друг к другу.

Пятнадцатого августа мост освятили. Стало возможным подвозить припасы в город на фурах без перегрузки. Но редкие смельчаки отваживались на этакое.

Союзники тоже не сидели без работы — вели траншеи к почти разрушенным брустверам русских верков. Кое-где расстояние до вражеских траншей не превышало уже двадцати-тридцати саженей.

Все говорило о том, что союзники готовы пойти на решающий штурм Севастополя.

Бутырцев же был занят Иными заботами — усиленно обдумывал некий рисковый план, связанный с потаенным местом Силы.

Глава 22

I

Двадцать седьмого августа, после четырех суток жесточайшей, шестой по счету бомбардировки Севастополя, союзники пошли на давно ожидаемый приступ. Бомбардировка выбила из рядов защитников города до трех тысяч человек убитыми и ранеными, но сдавать бастионы и верки, даже траншеи, даже отдельные ложементы никто не собирался. Везде штурм был отбит.

Везде, кроме главного узла обороны — Малахова кургана. Как, почему не оказалось достаточных резервов для защиты этих укреплений? Слишком мало было русских войск в этой точке, в этом гордиевом узле, который одиннадцать месяцев не могли разрубить французы, в месте, обильно пропитанном русской кровью, да и французской не менее щедро. Уже в начале обороны было очевидно, что это ключ к Корабельной стороне, а значит, и ко всему Севастополю. Это знали и понимали все. Знали сложившие здесь головы один за другим три командира, три вдохновителя и руководителя беспримерного противостояния всем

натискам союзников. Вице-адмирал Корнилов, прошептавший на месте своего ранения «отстаивайте же Севастополь», контр-адмирал Истомин, так долго дразнивший и обманывавший здесь смерть, адмирал Нахимов, уступивший свое место в склепе подле гроба их общего учителя адмирала Лазарева ранее убитому товарищу, но знавший, что и ему найдется местечко там же. Знали все командующие, бывшие и нынешние: Сен-Арно, Меншиков, Горчаков, Раглан, Канробер, Пелисье. Так почему же бросили Малахов на произвол судьбы, когда французы подвели свои траншеи впритык к оборонительному рву? Что мог сделать Хрулев, стянувший все наличные силы с Корабельной, когда повел их в атаку на занятый неприятелем в какие-то полчаса курган? С тыла холм можно было атаковать только через узкую горловину — путь в укреплениях. Чтобы пробиться сквозь эти фермопилы, надо было разгромить этот проход массированным ударом артиллерии — так еще Тотлебен задумал на случай обхода холма неприятелем. Теперь надо было ломиться туда самим, но не было уже сил отвоевывать потерянное. Положить еще несколько тысяч человек под гибельным огнем хорошо вооруженного неприятеля? Ради чего?

Отбить, вернуть — и что дальше? Разрушенные укрепления прежде надо было восстановить. Как это было сделать в непосредственном соприкосновении с неприятелем?

Это понимали все. Как никто другой понимал это главнокомандующий русскими силами в Крыму князь Горчаков. Понимал и не желал губить армию, обороняя разрушенный город. Он давно принял решение оставить Южную и Корабельную стороны, не требовалось никакого магического вмешательства со стороны Иных, чтобы принудить его к этому. Совесть Бутырцева была чиста — он не был замешан в этом. Трезвым умом Темный давно понял, что все идет к сдаче города, что это не только тактически выгодно, но и стратегически правильно. Конечно, при условии сохранения оставшихся в городе сил и вывода их на Северную сторону. Уйти, взорвав все укрепления, все уцелевшие здания. Пусть союзники занимают руины.

Основная трудность заключалась в том, чтобы полная эвакуация по наплавному мосту была проведена за одну ночь. Как это осуществить? Потери могут быть огромными, стоит лишь нескольким бомбам или ракетам удачно попасть в мост. В этом вопросе Бутырцев надеялся на

союзные Дозоры и даже на Инквизицию, давно торгуясь с ними. Он делал вид, что поддался на уговоры повлиять на князя Горчакова, дабы тот дал приказ об оставлении города. В обмен просил сохранить жизни людей и Иных, воевавших в рядах защитников. Давил на европейский гуманизм, на букву Договора, на многочисленность уже принесенных в угоду непонятно чему жертв. Постепенно он додавил союзников — была достигнута договоренность, что Дозоры «помогут» промахнуться артиллеристам, обстреливающим мост. Бутырцев с его военным опытом полагал, что попасть в тонкую нитку моста с дальней дистанции — и так непростая задача, но береженого Сумрак бережет.

Была еще одна закавыка, лежащая за пределами возможностей его Дозора, — попробуй-ка объясни простым русским солдатам и матросам, что надо оставить свои бастионы, которые «он» чуть ли не год взять не может. Тем более после того, как почти по всей линии обороны с большими потерями для атакующих был отбит сегодняшний приступ. Это после того, как «он» потратил невиданное в истории количество снарядов, обрушенных на головы обороняющихся, и не взял ничего. Ничего, кроме Малахова кургана.

«Измена!» — так скажут эти солдаты и матросы. Как их убедить, если сам с трудом заставляешь себя верить в необходимость неизбежного?

Еще надо наведаться в Херсонес, заняться колоколом, потом погасить источник Силы… Сил уже не было на все это.

II

В ночь вывода войск Бутырцев «поставил на кон полковую казну» — отправился к херсонесскому колоколу. Погода благоприятствовала скрытности маневра — тучи мешали луне освещать линии траншей, наши и неприятельские укрепления, накрапывал мелкий дождик. Все же магией приходилось пользоваться осторожнее обычного — никто из союзных дозорных не ждал его во французском тылу, тем более в Херсонесе. Узнай Инквизиция — расспросов не миновать. А то и допросов.

Надоевший полог невидимости и сфера невнимания — весь защитный арсенал для этой вылазки. Ни привычного щита, ни грозных и хитрых амулетов. Лев Петрович чувствовал себя голым посреди улицы. К тому же промокшим до последней нитки. Такая вот несуразица.

«Ну, Сумрак, вывози. На тебя уповаю», — ух-

мыльнулся своим невеселым мыслям до неприличия не суеверный Иной.

Сумрак молчал. Бутырцев неторопливо миновал передовую линию французских войск, Загородную балку, убрал с себя полог, без суеты и спешки дошел до балки Карантинной и вдоль нее пошел к развалинам древнего греческого полиса, стараясь учуять посты французов обычными человеческими чувствами. Здесь, в тылу, не прячась, на постах и солдаты, и офицеры курили модные на этой войне трубки. Да и то — покури-ка на ветру и под дождем что-то другое, а трубка и согреет, и не погаснет. Некурящий Лев Петрович саженей за сто прекрасно вынюхивал курильщиков. А с пятидесяти саженей в свежем воздухе улавливались и другие запахи близких постов: давно не мытых тел, отрыжки, испорченной еды, спиртной дух. И магии не надобно, чтобы учуять.

Для людей был у Бутырцева заготовлен гостинец — плотно закрытая жестяная коробочка из-под монпансье, набитая порохом да обрезками гвоздей. Если такую в толпу бросить да искоркой, пущенной вдогонку, подорвать, то знатно жахнет. И оглушит, и железками посечет, и ослепит ночью близким взрывом. Не забыть

только самому на землю броситься, да уши бы еще успеть прикрыть. Магии особой творить не надо — привычным движением пальца огонек внутри коробочки разжечь. Трудов на изготовление, почитай, никаких, а пользы…

«Вот и докатился ты, Левушка, до создания смертоубийственных снарядов. А ведь не хотел», — подумалось усталому магу.

Из Севастополя доносились мерные слитные звуки канонады — заслоны на линии укреплений расстреливали по врагу запасы снарядов, не давая «ему» ворваться в оставляемые укрепления. Союзные военачальники в свою очередь не желали нести ненужные потери и на штурм обескровленных русских бастионов войска не посылали. Но дальнобойная артиллерия и батареи конгреевых ракет французов и англичан азартно били по наплавному мосту, по которому нескончаемым потоком уходили на Северную сторону войска. Даже без «помощи» дозорных попасть по мосту не удавалось. Случались близкие накрытия, и тогда вздымаемые бомбами волны раскачивали мостовые понтоны, но это не смущало ни солдат, ни ополченцев, ни тем более матросов — и не такое видывали. Почему-то все были уверены, что раз Бог миловал в мясорубке бастионов, то

сейчас-то и подавно сбережет.

Ничего это видеть Бутырцев не мог, но чувствовал обостренным чутьем даже не Иного, а старого вояки, досыта нахлебавшегося лиха в многочисленных кампаниях, начиная с далекой-предалекой войны за Испанское наследство.

Периодически небо расцвечивалось огненными всполохами — саперы подрывали в тылу склады, пороховые погреба, здания. Это даже успокаивало Льва Петровича — значит все идет по плану, и внимание Дозоров сосредоточено непосредственно на городе. Лишь один раз уже вблизи цели ему встретилось живое существо — в темноте вдруг прошуршал ночной гуляка ежик. И чего ему не спится в эту дождливую ночь?

В Херсонесе было темно и безрадостно. Остатки средневековых крепостных стен виднелись волнистыми темными полосами, выступающими над более светлым ночным горизонтом, под ноги то и дело бросались ямы раскопов, «брустверы» древних фундаментов, кучи булыжников, заготовленных для вывоза. Со времен основания Севастополя по нынешнюю пору камни, вырубленные, может быть, еще самим Климентом в инкерманских каменоломнях, активно вывозились из руин Херсонеса и использовались для

строительства. Немудрено, что и сейчас им нашлось применение. Новый город пожрал старый, приспособив для своих нужд даже мраморные могильные плиты.

Забрал многое, но не душу. «Даже имя не взял, как это обычно бывает, — пришло на ум Бутырцеву. — Гордец Севастополь, гордец. Ну, теперь-то он свое собственное имя прославил почище Херсонеса-Корсуни. Стоять им в памяти людской рядом на равных». И было Темному магу видение — громадный Севастополь, раскинувшийся по берегам всех местных бухт, заботливо окружает сбереженные останки своего предка. Праздно гуляют по расчищенным до скального основания улицам Херсонеса люди в диковинных, легкомысленных, если не сказать неприличных нарядах, дивясь на обломки колонн и фундаменты древних строений. Среди каменных клетушек, скелетов вымершей жизни, стоит беседка с православным крестом.

«Когда же такое будет?» — удивился Бутырцев, смахнув с глаз наваждение. И тут же увидел то место, где будет стоять эта беседка. Лев Петрович посмотрел сквозь Сумрак — столб чистой Силы бил из-под земли, растворяясь в ненасытном мраке неба. Вот оно, заветное место, где Иной может

восстановить свою мощь. Место, к которому с допотопных времен тянулись не только Иные, но и люди, предрасположенные к видению необычного. Легенды говорят, что здесь побывал апостол Андрей Первозванный. Возможно, Климент тоже припадал к живительной силе невидимого человеческим глазом источника.

Точно известно, что Солунские братья, будущие Кирилл и Мефодий не прошли мимо этого места. Грозный равноапостольный князь Владимир Великий здесь истребовал от василевсов Византии царевну для себя и веру для своего народа. Многочисленные захватчики не один раз приходили с мечом под стены Херсонеса, брали его и расхищали, разоряли. Последние — до основания.

III

Стоит ли ему сейчас подпитаться дармовой Силой? Бутырцев отогнал прелестные мысли — не могло это место Силы оставаться без присмотра хотя бы французского Дозора. Маг вошел в Сумрак и внимательнее пригляделся к окружающему хаосу камней. Да, вот сигнальные заклинания вложены в плиты пола останков базилики, вот еще какая-то сторожевая мелочь, способная заорать во весь голос: здесь Иной!

А это что? Ба, это… Это же магический капкан — ослабленная плеть Шааба: не задушит, не разорвет, но спеленает так, что пошевелить будет нечем. Даже мысленно заклинание не сможешь произнести. Чем сильнее добыча, тем жестче держать будет.

Кто же так расстарался? Ахрон обострил чутье до предела. Знакомый почерк — Шарль де Сен-Тресси сотворил дремлющую змею. И похоже, кто-то еще от себя чуток добавил: кроме хозяина, еще кому-то сообщит капкан о попавшемся. Кто же так красиво сумел поправить ловушку француза? Инквизиция?

Бутырцев вышел из Сумрака — не стоит лишний раз тревожить магический фон — и, внимательно приглядываясь к окружающему, обошел по широкой дуге притягательный источник. Манило его туда, тянуло — видно, еще что-то наколдовали нынешние хозяева Херсонеса.

Хорошо, что Ахрону надо было совсем в другое место — к обрыву над морем, где на балке, переброшенной через мощные каменные столбы-опоры, был подвешен туманный колокол. Зычным бронзовым голосом он оповещал моряков в непогоду: берег здесь, не подходи близко, проходи мористее. Уже более полувека он нес

свою службу вместе с маяками и створными знаками — благородную службу указателя безопасного плавания. Не думали, не гадали турецкие пушки, из металла которых был отлит колокол, во что их перекуют. И почти никто не ведает, чем еще славен этот покрытый прелой медной зеленью друг мореходов. Сам Бутырцев об этом узнал случайно, но очень кстати.

Весь сегодняшний день в нижней потерне Николаевской батареи Лев Петрович колдовал над хитрым приспособлением — коробочкой для собирания звуков. Волшебства в нее было на копейку, зато мастерства и физики — на полновесный золотой червонец. В этом деле ему весьма пригодились инженерные и научные знания.

Из коробочки торчал раструб небольшого рупора, в который должен был попадать звук. Звуковые волны давили на тонкую серебряную фольгу с припаянной к ней острейшей иголкой. Фольга колебалась, иголка процарапывала бороздки на вращающемся от часовой пружины деревянном кружке, покрытом толстым слоем застывшего свечного сала. Если потом раскрутить деревянный блинчик, установить иголку в начало царапин, то фольга начинала дрожать, выдавая в рупор запомненные в сале звуки.

Магия все же присутствовала в механизме — небольшое, но тщательно сделанное заклинание помогало услышать волшебство в звуках, приклеить его к следам-царапинам. Только надобно было вращать кружок с той же скоростью, как и при фиксации акустических колебаний. Морока та еще. Но самое главное неудобство — уж очень тихим возвращался «осаленный» звук.

Сейчас это Бутырцева не волновало. Ему надо было просто запомнить набор голосов колокола. Сделать это быстро, чисто и без новой магии.

Лев Петрович установил на землю механическую машинку, завел пружину, направил раструб на колокол, запустил ход. Затем начал двумя руками раскачивать било, по-разному ударяя им в бронзовые бока «колпака», висящего над ним.

Звонарь из него получился никудышный: колокол то почти не отзывался, то каркал хриплой вороной, то голосил раненым слоном, трубя самозванцу в ухо и оглушая. Так казалось Льву Петровичу. Он корил себя за неумение, но упорно долбил тяжелым языком в бронзу, по нескольку раз запоминая голоса в механизме и в своей крепкой памяти.

Звуки подхватывались ветерком и уносились в море, но быстро глохли в воздухе, пропитанным

дождевой влагой. Но все равно где-то уже настораживались чуткие уши, спешили к обрыву над морем спохватившиеся сторожа — маг чуял это человеческим нутром.

Бутырцев решил, что достаточно собрал в коробочке и в голове образцов звучания изделия таганрогского литейщика-мага, быстро упаковал механизм в торбу и поспешил из Херсонеса со всей возможной для человека скоростью. Пару раз он в темноте больно ударялся о камни, один раз оступился в яму, набил синяков и испачкал одежду мокрой липкой глиной. Рисковал нарваться на вражеские патрули, но магию упорно не применял, чтобы не привлечь к себе чье-нибудь настороженное внимание.

Обошлось, никто его не заметил. Лишь неугомонный ежик, самозабвенно хрустевший в камнях Херсонеса сонными жирными кузнечиками и жуками, высунул свое любопытное рыльце из каменного укрытия, чтобы посмотреть на ненормального ночного скитальца.

Вблизи города Лев Петрович накинул на себя полог невидимости, а перебравшись на сторону русских войск, поменял его на сферу невнимания. Теперь он торопился к Южной бухте, где денщик Савва ожидал его с яликом.

Глава 23

I

Ни о вылазке к колоколу на Херсонес, ни о задуманном плавании к месту Силы Бутырцев не говорил никому. Ведь кто угодно мог дознаться обо всем, что делал Лев Петрович, допросив его помощников. Поэтому ни Ныркова, ни Псараса не было рядом с ним в этом важном деле. Филипп с другими охотниками вызвался до конца прикрывать огнем отход войск с седьмого бастиона. Затем он должен был подорвать орудия вместе с укреплениями и лишь тогда спешить с уцелевшими к мосту. Это было взвешенное решение опытного офицера, воюющего в Севастополе чуть ли не с самого начала обороны. Решение Иного, знающего, что у него шансов выжить в этой переделке гораздо больше, чем у простых людей. Решение Светлого.

Куда подевался тот восторженный мальчик, адепт дела Света, с которым Бутырцев одиннадцать месяцев назад приехал в Севастополь? Позавчера был получен приказ о производстве мичмана Ныркова в следующий чин, но свеже-

испеченный лейтенант, кавалер орденов Анны третьей степени с бантом и Владимира четвертой степени с мечами, трижды раненный за время службы в гарнизоне Севастополя, так и не успел ни устроить по этому поводу пирушку с друзьями, ни даже Машеньке, своей невесте, весточку об этом послать. Прошедшую неделю он безвылазно находился на батарее. Сначала огрызался огнем своих орудий на последнюю чудовищную бомбардировку города, потом отражал штурм, сейчас прикрывал отход. Ему в это время было не до сантиментов, волю чувствам можно будет дать, когда его батарейцы окажутся на Северной стороне.

Псарасу Бутырцев еще после ночного путешествия к подводному источнику наказал сидеть в Балаклаве. Жить незаметно, ловить рыбу и менять ее на английское пойло — ром, а если уж повезет, то и на виски, и изображать из себя тихого добродушного пьяницу. Старому перевертышу такая роль была хорошо знакома, если не сказать точнее — по душе, и он с большой охотой, даже рвением выполнял приказ дозорного начальника.

Прощаясь, грек протянул Льву Петровичу нечто на простой суровой нитке.

— Что это?

— «Зуб» с клешни краба. Амулетик слабенький, но давний. Не сочти за труд — передай, Лев Петрович, Хене от Нектона. Был у нас с ним забавный случай — «битва кита со слоном». Старший вспомнит. А если безделушка случайно тебе самому пригодится… Буду рад.

Денщика Лев Петрович отослал к баркасам, чтобы переправить на Северную лошадь и нехитрые пожитки. Савве сказал, что сам переберется на ялике с последними чиновниками Адмиралтейства, отвечавшими за подрыв доков и строений. Это было почти правдой, он проследил за их отплытием с Павловского мыса. В Адмиралтействе еще оставался его дозорный товарищ Суровкин. Светлый в последние несколько суток с ног сбился: без сна и отдыха он организовывал вывоз последних ценных припасов и другого вверенного ему имущества. Хлопотал о баркасах для тех мастеровых, которые еще не перевезли семьи и нехитрый скарб. И немало в этом преуспел. Бутырцев дивился: казалось бы, ничтожный человечишка, робкий с начальством, но при достаточной безопасности для себя готовый на обыденные подлости, мелкий казнокрад и мздоимец, бестолковый дозорный оказался в трудную

минуту хорошим организатором, готовым прийти на помощь самым простым людям. Смелым — он вызвался быть охотником в деле подрыва строений Адмиралтейства, проследить за точным исполнением саперами инструкций и уйти вместе с ними, немало рискуя жизнью. «Русский человек, да и Светлая натура берет свое…» — сделал вывод Темный.

Так что на точку в бухте правее Аполлоновой балки (если с воды глядеть) Бутырцев шел на веслах один.

Последняя ночь обороны Севастополя с двадцать седьмого на двадцать восьмое августа была насыщена движением и шумом. На Корабельной стоял грохот — рвались пороховые погреба. Когда были подорваны Павловские казармы, первый и второй бастионы, казалось, что запылало само небо. В бухте тоже стояла кутерьма, вода то и дело вздымалась фонтанами от падающих снарядов навстречу воде, льющейся с неба. Туда и обратно сновали ялики и баркасы, перевозя людей, корабли выстреливали по позициям неприятеля последние снаряды, шли к северным берегам бухты, выбрасывались на мели. С них снимали все, что еще можно было снять. Потом рубили дыры, подрывали, поджигали… Моряки — заслуженные

офицеры, суровые боцманы и безусые матросы — все дружно обнажали головы, стояли молча, крестились, не утирая слез. Корабль — дом для моряка. Уничтожать свой дом собственными руками тяжко.

В этой ночной суматохе маленький трехместный ялик Бутырцева был и на виду незаметен. Лев Петрович аккуратно подплыл к нужной точке и ушел вместе с лодкой в Сумрак. Теперь ему ни ядра не страшны, ни…

II

Потерял Ахрон осторожность, решив, что уж здесь-то ему ничего, кроме вечного холода и неугомонного дождя, не грозит. Ой, зря понадеялся!

— Стой, Лев! — раздалось за спиной.

Бутырцев оглянулся — саженях в тридцати от него в Сумрак вывалилась лодка, похожая на его собственную. В ялике были Мустафа и… Толстенький коротышка-турок — Светлый помощник Эфенди. Он на глазах обрастал колючками…

«Ежик! Из Херсонеса! Выследил! — открылась вдруг истина Льву Петровичу. — Значит, и мои фокусы с колоколом видел? Все напрасно!»

Лодка с турками нагоняла, деваться на морской

глади было некуда. Скрыться на более глубоких слоях? Но Мустафа уже заметил хилый фонтанчик родничка Силы.

— Что же ты, Лев, не поделишься с Дозорами своей находкой? — Турок внимательно приглядел к источнику. — Ба! Да он же с обратным входом. Как интересно!

Были в голосе Светлого и победительное торжество, и изумление, и ехидство.

— Долго же я искал тебя, — реплика явно относилась не к Бутырцеву.

«Кто еще осведомлен об этом? Скорее всего перевертыш успел доложить только хозяину, а многоопытный турок ведет свою…»

Он не стал додумывать мысль, просто ударил. Ударил мощно — дурной Темной силой, собранной в лазаретах и на кладбищах, на поле боя и среди раскуроченных домишек Корабельной стороны. Силой, порожденной болью, отчаянием, бессилием, яростью. Эмоциями войны.

Силы в ударе было много. Прямой, без затей выпад — «иду на вы». Но и турок жил на свете не первый век — щит у него стоял мощнейший. Враз обозначились, засветились заклинания, стоящие в боевой готовности, амулеты нацелились на Ахрона. Встречный удар сотряс щит Темного

мага. Но это был всего лишь равнозначный ответ на Ахроново «приветствие».

— Не дури, Лев, на всех хватит… — Мустафа смотрел прямо в глаза. Старший, более опытный, искушенный. Уверенный в себе маг, бьющийся за… Да в конце-то концов, за Светлое дело.

Бутырцев ударил еще раз. Как казалось со стороны, со всей дури.

Мустафа успел еще ухмыльнуться в ответ на очевидно бессмысленную затею своего визави. Даже удивился: «Ума ты, Темный, совсем лишился, что ли?» И обрушил на Ахрона свой ответ.

Но уже летела над турецкой лодкой жестяная расписанная под хохлому бонбоньерка, уже была выбита магическая искорка посреди обычного порохового заряда. Бутырцев даже успел прикрыть ее сверху отражателем, сотканным из Силы. Направляющим отражателем.

Рвануло знатно. Кусочки железа потоком злых шершней пали сверху на лодку.

Ежика в лапшу посекло и выбросило за борт, шансов выжить у него не было. Защищенного Мустафу слегка оглушило и оцарапало. Но не маги были основной мишенью Ахрона. Лодка — это сейчас было важно.

Лодке не повезло — большая дырища была

пробита ровно посередине ялика. Вода хлынула в посудину, которая стала быстро тонуть. Мустафа, не ожидавший подвоха, барахтался в воде. И тут Ахрон ударил по-настоящему, прессом, закрывшись радужной сферой от волчьей стаи заклинаний Эфенди. Защитные амулеты турка взвыли, но часть из них захлебнулась в морской воде. Нет, не был готов Светлый к бою в воде.

Тут бы Мустафе испугаться, хотя бы даже и в хрустальный шар спрятаться. Начать маневрировать, уйти. Но он был зол и растерян. Бултыхаясь в воде, придавленный прессом Ахрона, он не захотел уходить в позорную для него защиту в схватке с более слабым соперником.

Самоуверенность турка оказалась для него убийственной. Ахрон сидел в лодке прямо на родничке Силы, держась за него, как за якорный канат, и давил барахтающегося Эфенди незамысловатым, но мощным прессом. Вряд ли это помогло бы ему выстоять против опытного турка, но пару секунд удалось выиграть — под водой он в это время сплетал морского змея. Плотоядную зубастую мурену, бьющую в сердце.

Ахрон вложил в монстра по-настоящему много Силы и нацелил на Мустафу. Радужная сфера самого Темного в это время истончалась на глазах

и готова была рассыпаться, опасть бриллиантовыми каплями в сумеречное море.

Опыта таких битв у турка не было, минутная растерянность и ненужная ярость отключили разум. Это стоило ему жизни — змей, просвечивая светлым брюхом, пару раз лениво крутанулся вокруг Эфенди под водой, нашел брешь в защите и ударом со спины, ломая ребра и грудину, выбил сердце жертвы из туловища. Мустафа враз обмяк.

У него еще хватило сил недоуменно посмотреть вниз, в воду, — там билось его сердце. Но вот из дыры в груди высунулась змеиная голова, показалось сплюснутое с боков лентообразное тело мурены, и змей, давясь, начал пожирать сердце мага. Кровь турецкого дозорного мутным пузырящимся облаком окутала его тело в темной воде жадного Сумрака. Сытый змей медленно поднял голову над поверхностью, оскалил клыки в жуткой усмешке и растаял, постепенно истончаясь.

III

Ахрон рухнул на дно лодки. Он был мокрым не от дождя — от пота, пар шел из его рта и от него самого — выжат он был как лимон. Тут же развалились и его защита, и его пресс. Если бы

Мустафа не очутился в воде, сейчас Бутырцев, а не его соперник, колыхался бы измочаленным куском сырого мяса на бездушной ряби под серой лунной пылью бездонного черного неба.

«Помог Псарас, ой, помог!» Не зря Лев Петрович всегда старался разговорить древнего морского охотника, провоцировал на рассказы о временах давно прошедших. Откровенно льстил, преувеличенно восторгался, внимательно слушал — впитывал чужой опыт и знания. И услышанный секрет заклинания морского змея пригодился. Пригодился? Не то слово — выручил, спас! Старый хвастун утверждал, что они — он и стая дельфинов под его предводительством — таким макаром извели сыновей морского бога Протея. Тогда это казалось завиральной байкой прожженного любителя дармовой выпивки, краснобайствующего ради стаканчика вина. Сейчас… Не казалось.

Ахрон не мог себе позволить терять время, амулеты, которыми его снабдил когда-то Шаркан, были на грани истощения. Поэтому он пронзил три слоя Сумрака вдоль потока Силы, как шампур протыкает нежную баранину — насквозь, чуть ли не с треском рухнув в скорлупке из козьих шкур на поверхность твердой воды четвертого слоя.

Здесь его действия были четкими и продуманными: он достал свою звуковую машинку, направил раструб рупора против потока Силы и начал вращать круг со звуковыми царапинами, стараясь «бить» благовест, сотканный из плененных звуков колокола. Понимая, что звуки надо усилить, Ахрон вовсю применял магию воздуха, наполняя их мощью. Поток Силы дрожал, раздираемый звоном колокола, но не иссякал. Бутырцев прервал звон и задумался: как же правильно должен звучать благовест? «Ага, три редких удара, потом частые, мерные», — припомнил он. И опять занялся своей машинкой.

Полудемон-получеловек колдовал над слабым источником Силы, не замечая, как растворяются в Сумраке его защитные амулеты. Движения мага становились все более вялыми, ватными, унылыми.

Источник держался. «Что не так? — лихорадочно, как ему казалось, соображал Темный, на самом деле мысль текла густой патокой. — Ведь у таганрогского мастера получилось. Или это было случайным совпадением? Что же делать?» Руки опускались не только метафорически, все тяжелее было сопротивляться Сумраку.

«Постный благовест! Постный — так сказал

инженер. Что это значит?»

Бутырцев вспоминал и не мог припомнить, как звучит колокол, зовущий на службу в храм в седмичные дни Великого поста. «Ныркова бы сюда, юноша — прихожанин аккуратный».

Но не было никого рядом, некому было поддержать мага. Ахрон старался стоять в самом потоке Силы, но слаб был источник, Сумрак успевал забирать большую часть извергаемого из-под тверди воды.

Четвертый слой Сумрака — не место даже для первостепенного мага. Сейчас Шаркановы амулеты совсем исчезнут, и он, Лев Бутырцев, уйдет вслед за ними.

«Думай, Лев, думай, чертяка! — мысленно заорал он на себя. — В пост бьют… в пост бьют… в меньший колокол в звоннице… то есть слабее… Слабее — это хорошо, сил вкладывать в магическое усиление звука нет… почти нет. Давай делай: три редких удара, потом чаще… как в Москве в тысяча семьсот первом от Рождества Христова…»

Он вспомнил тот весенний день Великого поста: кривая улочка, санный след на грязном снегу, щедро загаженном конским навозом, в котором копошились вороны и воробьи, тусклые облака. И над этой скучной обыденностью яркие,

невозможно красивые золотые купола храма и льющиеся из-под серых небес звуки благовестника, приятно волнующие душу, сжимающие сердце мальчика — боярского сына Левушки.

Бутырцев отдался воспоминаниям и начал крутить диск с царапинами, воспроизводя давние звуки, пропуская их через себя, подбирая нужное звучание: «Бом… бом… бом… бом-бом-бом-бом…» На седьмом ударе колокола поток Силы потускнел, на восьмом скукожился, затем почти совсем пропал, «мигнул» на прощанье маленьким фонтанчиком и исчез, будто его никогда здесь не было.

Бутырцев начал искать свою тень. Тени не было, был мрак. В этом мраке медленно проплывало тело убитого им Мустафы Эфенди. В груди трупа зияла сквозная дыра с белеющими обломками ребер по краям.

* * *

Вспоминая потом эти секунды небытия, Лев Петрович так и не понял, как он выбрался из Сумрака, его память этих сведений не сохранила. Как сумел он войти в тень, где наскреб силы для выхода в обычный мир? Было ли рядом с ним тело турка, или это игра его отключившегося

разума?..

* * *

Очнулся Бутырцев в ялике, плавающем почти у самого берега. Пронзительный мокрый холод скрючил его в баранку, хотелось пить. Лев Петрович с трудом заставил непослушную руку залезть во внутренний карман сюртука, нашарить там онемевшими пальцами кусочек сахара и положить его в рот. Стало на самую малость легче, но он по-прежнему не мог сотворить даже маленькое заклинание.

«Когда же это кончится, сколько можно так издеваться над собой? Сначала Балаклава, здесь уже второй раз…» — пожаловался Бутырцев сам себе.

Что-то еще было в кармане. Всего лишь чуть теплее его самого, но он учуял это тепло. Бутырцев вновь сунул руку за отворот. Вот же оно, просится в ладонь. Маг вытащил предмет из кармана и недоуменно посмотрел на находку. Это была клешня краба, которую Нектон просил передать Хене. В амулете была мизерная частица Силы. Бутырцев впитал ее в себя. Выпил, смакуя, как редкое вино. Жизнь возвращалась к нему.

«Спасибо, Зозимос! Я твой должник», — благодарно подумал Лев Петрович.

«Сочтемся…» — донеслось издалека.

Глава 24

I

Бутырцев с большим трудом добрался до Графской пристани — до нее было ближе, чем до Северной стороны, а грести не получалось. Как назло, сновавшие с Корабельной стороны через бухту баркасы разбежались. Наверное, всех, кто хотел уйти от оккупантов, уже забрали оттуда.

С Графской еще перевозили последних солдат, можно было уйти с ними, но Лев Петрович решил добраться до моста, начало которого было рядом, на Николаевском мысе. Туда же двигались команды, до последнего прикрывав– шие бастионы, и саперы, взрывавшие и поджигавшие все, что представляло хоть какую-нибудь ценность для захватчиков.

Ночь расцвечивалась сквозь мелкий дождик пожарами на Корабельной и в городе. Грохотало знатно, особенно впечатляли взрывы пороховых погребов. Покидающие укрепления войска оставляли горящие фитили разной длины, и заряды хаотично взрывались в разных местах города.

Когда Бутырцев добрался до Николаевской

батареи, серело небо на востоке, обещая близкую зарю. Немалая часть батареи уже была взорвана. Утоплены в море дальнобойные морские орудия, вывезти которые на Северную не представлялось возможным. У спуска к переправе охрипшие офицеры управляли подходившими солдатами, не забывая командовать идти по мосту не в ногу. На площади колыхалась людская толпа: последние жители с нехитрым скарбом, который можно было унести в руках, покидали город, дожидаясь своей очереди на переправу. Телеги и громоздкие вещи приходилось оставлять, бросать — на мост с ними велено было не пускать.

Неподалеку расположилась небольшая группа офицеров во главе с генералом. Бутырцев присмотрелся: никак Хрущев? Отличившись еще при Альме, грамотно прикрыв отступление русских войск, он три месяца воевал на четвертом бастионе, был произведен в генерал-майоры. Под огнем неприятеля возвел Селенгинский, а затем и Волынский редуты, которые потом вместе с Камчатским люнетом так долго не давали французам подобраться к Малахову кургану. Сейчас он занимал должность помощника начальника правой половины оборонительной линии и, как видно, не собирался уходить на Северную, пока

не переправятся последние солдаты.

«Настоящий командир! Побольше бы таких в русскую армию», — подумал Бутырцев и сам себе немного удивился: — Когда же мне, Иному, стало не все равно, кто и как командует НАШЕЙ армией?»

«Да что же я, не русский, что ли? Без роду и племени?» — тут же рассердился он на себя.

К мосту подходила еще одна команда во главе с офицером. Одни солдаты несли по нескольку ружей, другие — носилки с ранеными товарищами. Уставшие, мокрые и закопченные артиллеристы толкали легкие орудия.

— Навались, братцы! — скомандовал офицер звонким юношеским голосом. — Вот она — переправа.

Бутырцев узнал Ныркова и бросился к своему ученику.

Обнялись, расцеловавшись троекратно. Радость была обоюдной.

— Жив? Помощь нужна? — воскликнул Лев Петрович, оглядывая забинтованную голову Филиппа и руку на перевязи.

— Да что со мной сделается! Руку пулей задело, а в голову контузило осколком бомбы. Командира батареи насмерть, а мне хоть бы что, только

звон в голове стоит. Так что я теперь вместо командира, вывожу тех, кто бастион прикрывал, — говорил Филипп спокойно, но несколько громче обычного, да глаза горели лихорадочным огнем. — Вы-то как, Лев Петрович? Я уж сколько раз пытался докричаться до вас, а вы молчок. Уже нехорошее себе вообразил было…

— Эх, голубчик, пустой я, нет ни капельки Силы, чтобы тебе ответить, да и подлечить не смогу.

— Куда же ты, Лев, ее растратил? — из багровой темноты на фоне горящей батареи показался знакомый силуэт. — Никак бомбы да ракеты от моста отводил? Или по слоям Сумрака шастал, красавиц выискивал?

Де Сен-Тресси был, как всегда, ироничен, но и он выглядел усталым, потрепанным. Кроме русских дозорных, никто на него внимания не обратил.

— Разрешите, господин лейтенант, вам помочь? — и, не дожидаясь согласия Ныркова, быстрым пассом вымел звон из головы Филиппа. — Остальное, Светлый, сам долечишь. Ты, Лев, силенки у солдатиков возьми, из них Тьма сама сейчас сочится.

«Меточку Ныркову опять, наверное, подвесил. Не забыть бы потом проверить», — механически

сделал зарубку себе в памяти Бутырцев.

— Спасибо, господин Темный, — ответил Ныр-ков, — я подлечусь обязательно. Извините, господа дозорные, вынужден вас покинуть, мне надо старшему здесь командиру доложить о прибытии моей команды.

Распрямил плечи, поправил фуражку и твердым шагом пошел к генералу.

— Гордец. Но офицер правильный. Жаль, что Светлый, — отметил француз.

— Возмужал юноша… — нейтральным тоном выказал согласие с коллегой Бутырцев.

Он хотел еще что-то добавить, но не успел — между ним и де Сен-Тресси пропела пуля и унеслась дальше в бухту. Дозорные удивленно переглянулись.

— Мой щит пробила! — воскликнул начальник французского Дозора.

— Я вообще без защиты. В тебя первый раз стреляли заговоренной пулей? Или это по мою душу?

— Вижу, что без щита. Сейчас я нас надежнее прикрою. — Де Сен-Тресси не просто заклинание усилил, но еще и какой-то амулет достал и потер. И ответил на вопрос: — Первый. Странно.

— A propos, mon cher ami. — Бутырцев перешел на французский. — Не ты ли, Шарль, стрелял

в меня? Я как-то такую пулю подобрал, на ней следы магии, которая мне смутно знакома.

— Я стрелял, — не смутился француз, не стал отпираться. — Извини, что промахнулся, с дальней дистанции стрелял. В следующий раз не оплошаю. Как же ты пулю в этом хаосе отыскал?

— Помнишь, в мае русские солдаты пули собирали? Я надоумил за деньги свинец принимать.

— Остроумно, узнаю друга Льва.

— Зачем ты в меня стрелял, Шарль? — Бутырцев решил хоть что-то прояснить, чувствовалось, что сейчас его закадычный друг молодости не будет ничего против него предпринимать.

— Понимаешь, Лев, — сказал де Сен-Тресси задушевным голосом и даже взял Бутырцева под руку, — против тебя лично я ничего не имею. Но ты все время что-то разнюхивал, и я решил вывести тебя из игры на некоторое время, чтобы самому спокойно заняться поисками того, о чем я тебе прозрачно намекал, но ты не решился войти со мной в союз. Возможности для нашедших открылись бы удивительные…

— Вплоть до полного растворения в Сумраке?

— Не без этого, — хохотнул Шарль. — Все ты правильно понимаешь, Лев. Но и я тебя правильно понимаю: ты ничего не нашел и остался… Как

там сказал твой знакомый поэт в свое время? У разбитого корыта?

— Не все коту масленица, бывают и постные дни, — ответил Бутырцев и тут же упрекнул себя за всуе произнесенные «постные» — в таком деле соперникам нельзя оставлять даже самых малюсеньких подсказок. — Но видно, не одни мы ищем нечто, и по твою душу чья-то пуля прилетела. Нет?

— Думаю, что по нашу. То ли Мустафа решил, что мы с тобой тут добычу делим, то ли у сэра Джеймса дух Светлого противоречия взыграл… Но есть у меня сомнения, что Мустафа еще что-то может решать. — Француз пытливо вглядывался в русского мага, что-то увидел, удовлетворенно хмыкнул и сделал вывод: — По всему выходит, что friend Джеймс на нас разобиделся.

— То ли кто-то из твоих помощников по твоей команде наш разговор обострил, — невозмутимо продолжил перечислять варианты Бутырцев.

— Хорошая идея. Как я сам не додумался? Ты все так же остер умом, Лев. Рад за тебя. Но прости меня, мой дражайший друг, теперь ты точно выбываешь из этих поисков: ни Силы у тебя, ни Севастополя в пользовании. Настала моя очередь вести поиск в городе. — Де Сен-Тресси внимательно

но вглядывался в давнего приятеля: не мелькнет ли намек на превосходство в выражении лица русского, не проскочит ли что-нибудь подобное в ауре.

Не мелькнуло и не проскочило. Что и требовалось доказать.

II

— Господа, посмею потревожить ваш tête-à-tête, — подошедший к ним Филипп еле ворочал языком от усталости. — Если у вас ко мне нет вопросов и приказов по Дозору, вынужден вас покинуть — переправляюсь. Эх, бомбическое орудие жаль, не разрешают с ним, пришлось утопить.

В последней фразе были настоящие горечь и обида: доставить громадину-пушку почти на руках сюда и в виду Северной — вот она, рукой подать, каких-то несколько сотен саженей, — собственными руками сбросить в море. Хорошо, что хотя бы четыре легких орудия разрешили переправить.

— Погоди, Филипп Алексеевич, я с тобой, — бросил Бутырцев раздосадованному офицеру и повернулся к французу. — Что же, позволь откланяться, Шарль. Удачи, как ты понимаешь, я тебе

особой пожелать не хочу, но думается мне, что в спокойное время я бы с удовольствием побродил с тобой по Парижу и выпил бы пару-другую стаканчиков вина.

Лев Петрович слегка кивнул головой, прощаясь.

— Пару-другую дюжин бутылочек вина, — поправил его француз. И с большим изяществом расшаркался перед Бутырцевым, изображая приветствие времен их общей парижской молодости.

«Вот же чертушка, никогда не унывает!»

Вместе с командой Ныркова Лев Петрович переправился на Северную. Уходили они чуть ли не с последними воинскими колоннами. Переправлялись в основном солдаты, матросов было гораздо меньше — поредели их ряды на бастионах за время осады. Серые угрюмые лица, глаза смотрели безрадостно. Тошно до невозможности было оставлять «ему» город, укрепления, политые кровью товарищей, да и своей, родные блиндажи. Слово «измена» не звучало, оно просто стояло над колоннами, прижимало плечи к доскам покачивающихся на волнах понтонов.

Удивительно, но ни одного серьезного попадания в плавучий мост не было! Ни один из

восьмидесяти шести плотов не был сорван с якорей. Иногда широкие пятисаженные палубы захлестывало водой чуть ли не по колено, бывало, что кто-нибудь с краю оступался в воду. Но никакой паники не было: упавшего тут же поднимали из воды и продолжали переправу, вразнобой гремя сапогами по мосту.

Бутырцеву нечего было сказать своему дозорному. Поведать о последнем деле он не мог — тайну заглушенного места Силы ему предстояло хранить в одиночку. Возможно, и помереть вскорости, постаравшись никому не выдать сие знание. Было о чем размышлять.

* * *

Чего он добился в Севастополе? Как мог боролся за Иных, даже не только за русских, не позволял глумиться Инквизиции над простодушными оборотнями и безрассудными в своей жажде крови вурдалаками, не говоря уже о магах и волшебниках. Людей тоже берег. От Иных, от бестолковых командиров, от… От них самих берег — где мог, всюду втолковывал и офицерам, и солдатам, как противна сути человеческой война. Но от исполнения воинского долга бывшего офицера не бегал. Противоречит сам себе? Да! Дурак? Ни

в коем случае, ибо есть осознанное понимание своих действий.

Действий. Выполнил ли ты, Лев, приказ своего начальника, да что там, будем говорить правду — повелителя? Как посмотреть. Что ему было велено? Разведать, понять, найти. Сделано? Сделано. Но он же не тварь бессловесная. Может быть, Высшие и видят дальше и глубже него, но он тоже не безглазый — не хочет амулет, вышедший из рук самого Иисуса, Абсолютного Светлого, показываться людям, не пришло его время. Сколько подсказок и намеков на это. Кто вытолкнул его с четвертого уровня Сумрака? Кто благоволил в его поисках и затеях, кто подвел к нему толковых помощников — Ныркова и Псараса? Формально — Шаркан с Агнием. А если копнуть?

Лев Петрович знал, что он поступил в этом деле по совести. Пусть его теперь режут, пытают, развоплощают — он не раскроет тайны погасшего места Силы. Да, московские Высшие и его собственные помощники знают, где оно. Возможно, что и союзные Дозоры с Инквизицией найдут заветное место. Но смогут ли они взломать твердую воду?

Бутырцев давно подозревал, что амулет защитился сам: утопил неведомую подводную

машину, которую тайком привезли британцы на «Принце», и сделал твердь из воды на четвертом слое. Кто же еще мог сотворить такое? Именно «кто».

III

Когда они сошли с моста на берег Северной, серое небо в дальнем, инкерманском, конце бухты вовсю зарозовело, как бы подыгрывая севастопольским пожарам. Сырой ветер, дувший всю ночь, стал стихать. Вслед за их командой по мосту хлынул поток жителей. После пошли команды саперов и охотников, которым только пороховых погребов пришлось подорвать числом аж тридцать пять. Наконец на мосту показались последние войска. Колонны замыкал какой-то всадник. За ним вдали, у городского берега, виднелись только саперы и рабочие, начавшие снимать плоты с якорей и разводить их. Фигурки опоздавших на переправу метались среди развалин на Южной стороне. Самые отчаянные из яличников, перекрестясь, бросились им на помощь, налегая на весла, лихо лавируя в бухте среди утихающих разрывов неприятельских снарядов. «Почем будут за переправу брать? Небось копейкой, как обычно, дело не обойдется…» —

подумал Бутырцев, но открылось ему вдруг, что этой ночью многие перевозчики переправляли людей даром, довольствуясь теми крохами, которыми от души делились с ними несчастные. Да и от того отказывались. Светлым тоже было из чего пополнить запасы своей Силы. Но у кого бы рука поднялась?

На северном берегу их встречали такие же охрипшие, как и в городе, офицеры, указывавшие, куда колоннам двигаться дальше. Нырков дал своим солдатам команду построиться.

— Филиппушка!

От толпы безмолвно стоявших поодаль женщин, пристально вглядывающихся в пришедших, метнулась тонкая девичья фигурка. Нырков резко развернулся и успел буквально на лету подхватить девушку.

— Родненький, жив! — шептала Маша, обнимая и целуя своего суженого. — Ранен! Тяжко?

И тут же замерла в крепких объятиях жениха, устыдившись открыто выказанных на публике, хотя бы и перед простыми солдатами, чувств. Суровые вояки попрятали одобрительные улыбки, дабы не смущать барышню. Лейтенанта своего они успели полюбить. За бесстрашие и заботливое отношение к нижним чинам. И жизнью своей

рисковал вместе с ними, и из своих денег покупал батарейцам гостинцы на праздники. Только порадоваться можно за командира, что ему такая невеста досталась: пригожая и любящая.

— Здравствуйте, Мария Андреевна. Рад вас видеть в добром здравии. За жениха не тревожьтесь, лекарь его осмотрел и нашел прогноз на полнейшее выздоровление благоприятным, — поприветствовал и одновременно слегка рассеял тревогу девушки Бутырцев.

— Ой, Лев Петрович, и вы здесь! Я тоже рада вас видеть. Спасибо вам на добром слове. Спасибо за то, что Филиппа сберегли, он мне рассказывал, что вы много для него хорошего сделали, он вас за своего учителя почитает, — сказала Маша и бросила взгляд из-под пушистых ресниц на Ныркова, понимая, что в порыве радости, возможно, выдала небольшую тайну, доверенную ей.

— Вы можете гордиться своим женихом, Мария Андреевна. Он в свои неполные восемнадцать лет уже лейтенант, три следующие ступеньки перешагнуть, а на четвертой уже и контр-адмиральский чин. Офицер, имеющий почти одиннадцать лет выслуги, кавалер двух орденов, любим солдатами и уважаем командирами. Сегодня, будучи дважды ранен, не покинул строй,

вывел свою батарею в расположение русских войск. Я полагаю, что он будет представлен за это к новому ордену. Таким учеником может гордиться любой наставник, и я почитаю за честь считаться таковым. — Он слегка поклонился молодым людям.

Настала очередь смущаться боевому лейтенанту, даже щеки на сером обветренном лице порозовели. Маша с обожанием и легким удивлением вглядывалась в любимого: неужели он у нее такой герой? Тут же понимая: конечно, герой. Кем же иначе может быть моряк в Севастополе.

— Полноте вам, Лев Петрович, меня нахваливать. Я делаю все то, что и другие. А ордена мои… За Богом молитва, за Царем служба не пропадают! — гордо вскинул голову Нырков. — Честь имею!

Добавил, глядя на мост:

— Вот кто герои!

Последние солдаты и матросы сходили на берег Северной стороны. Замыкали поредевшую колонну генерал-майор Хрущев в сопровождении капитана Волынского пехотного полка Воробьева.

Солдаты, продрогшие на сыром ветру, смертельно уставшие, шли медленно. Они свою работу

выполнили на совесть, им не в чем было упрекнуть себя. Сходили в чувствах расстроенных, но непобежденные. Военные, еще остававшиеся на берегу Северной, вытянулись во фрунт, отдавая честь. Женщины смотрели с угасающей надеждой: нет ли их мужей, отцов, братьев, сыновей среди этих последних защитников? Крестили пришедших, шепча молитвы и утирая слезы, которые смешивались с каплями дождя. Многие были в черных вдовьих одеждах…

IV

Неподалеку зазвучал чистый голос грустной трубы. Трубач трубил что-то неуставное, но очень подходящее к месту. В утреннем воздухе звонкая мелодия рассказывала о том, что не все так плохо, что стоит жить.

— Потерян город, но не честь русской армии и флота. Что мы оставили неприятелю? Развалины Южной стороны, руины половины города? Пусть этим кичатся-тешатся. Я не удивлюсь, если император Наполеон пожалует командующего французской армией Пелисье маршалом. Может быть, даже сделает duc de Malakoff. Герцог Малаховский, звучит? Знал бы капитан Малахов, как прославят его фамилию защитники его холма!

Так вознесут, что не зазорно французскому герцогу ее взять будет. — На Бутырцева опять накатило случайное прозрение будущего.

Но не об этом он хотел сказать молодому офицеру.

— Ты, Филипп, давно не бывал на Северной стороне. Здесь такие укрепления построены, такие позиции оборудованы, столько припасов завезено, что вряд ли союзники осмелятся сунуться. К тому же через бухту. Кое-где им надобно форсировать саженей четыреста-четыреста пятьдесят воды. С севера же город связан с остальным Крымом, с Россией. Помяни мое слово — не хватит у них ни духу, ни сил сюда полезть.

— Надо ли им теперь Северную штурмовать? Да и воевать дальше? Ведь Севастополь в их руках… — тихо спросил Светлый Темного.

— Пусть рыщут. Даже если и найдут искомое, то… зубы и там обломают. Ты сам там был, знаешь, — недобро ухмыльнулся Бутырцев.

Нырков промолчал, осознавая сказанное.

— Вы бы подпитались чуток Силой, Лев Петрович, я же вижу, что вы сейчас совсем пустой, — заметил он пару минут спустя, когда Маша на минутку отвернулась от жениха. — Вон сколько Тьмы вокруг.

— Не могу, Светлый. Даже эти мрачные переживания не хочу у людей забирать. Им это надо пережить, такое душу очищает, — ответил Бутырцев и сам удивился своим словам: он ли, Темный, такое высказал? — Давай к трубачу подойдем, мнится мне, что это наш знакомец. Душевно исполнил.

Точно, музыкант, выразивший на своей трубе объединяющие всех чувства, как-то встречался им на бульваре Казарского, где полковой оркестр после Балаклавского дела развлекал публику. Как его бишь звали-то?

— Капрал Киевского гусарского полка Скиба, ваше благородие! — доложился Ныркову трубач.

— Как же, помним, — подошел к солдату Бутырцев. — Уцелел, значит? К матери-то воротишься? Ведь положенный срок уже выслужил, Государь Николай Павлович месяц в Севастополе за год службы засчитывать велел.

— Обязательно, вашвысбродь, — осмелел солдат, припомнив доброго барина. — Как только война закончится, ворочусь в свою деревню. Женюсь, дом куплю, лошадь, коровенку заведу…

— Не боишься погибнуть в новом сражении? Враг-то еще не убрался восвояси.

— Куда «ему». Француз — мужчина серьезный,

британцы тож сильны да упрямы, но и мы не лыком шиты, били «его» и бить будем.

— Видал анику-воина? — кивнул на солдата Лев Петрович. — Об этом я и говорю — обломают зубы французы-британцы вместе с турками да сардинцами. Придется им вскорости выполнять обратную амбаркацию.

— Вот что, солдат, держи-ка. — Филипп достал кошелек и протянул трубачу целковый. — Выпей, братец, с однополчанами своими за то, чтобы мы, русские армия и флот, сюда, в Севастополь, вернулись. В строю, на кораблях, с музыкой, под знаменами!

«Многое юноша понял за время, что утекло после прошлой встречи с трубачом», — мысленно одобрил ученика учитель.

Тут его опять накрыло предвидение, прямо в голову будущим ударило.

— Знаешь, Филипп, а ведь нам с тобой еще не раз предстоит в этом городе бывать и многое сделать. Я думал, что закончился наш нахимовский Дозор, но нам опять придется расследовать и искать. Не скажу, будет ли нам сопутствовать успех в известном деле, но случилось мне сейчас видение, будто в том самом месте погибнет громадный стальной корабль, мощнее всех

нынешних в окрестностях Севастополя вместе взятых. И как бы не еще более мощный через несколько десятков лет там же взорвется. Моряков много погибнет… Чудовища стальные вверх килем на Большом рейде… Страсть Господня!

Неверующий Бутырцев даже перекрестился. Филипп посуровел лицом, а Маша прижалась плечом к жениху. Мрачные были предвидения у Льва Петровича. Одно радовало — открылось ему, что нести свою службу им придется на пару с Нырковым. Уж как посмотрит на это Светлый — ему неведомо, но самому Льву Петровичу этакий кунштюк в тягость уж точно не будет.

Эпилог

Осенью тысяча восемьсот пятьдесят пятого года в пятый день октября в пятом часу пополудни в просторном кабинете второго этажа небольшого особняка классического стиля, что в Сивцевом Вражке, находились трое.

Худощавый господин лет сорока сидел, выпрямив спину, на роскошном стуле перед еще более царственным столом, за которым восседал импозантный мужчина средних лет в сюртуке по последней парижской моде, явно хозяин дома. Выправка посетителя недвусмысленно указывала на то, что перед нами отставной военный. По виду и манере держаться — в немалом чине: подполковника, а то и полковника.

Еще один господин, возраста неопределенного, но, скорее, пожилого, в виц-мундире чиновника Министерства землеустроения прохаживался вдоль шкафов со стеклянными витринами, с любопытством приглядываясь к заморским диковинкам на полках, впрочем, не делая попыток взять ту или иную вещицу в руки.

Друг хозяина?

Остановившись у окна, сей господин обратился к военному:

— Бутырцев, вы ведь предсказатель? Вы не математик, чтобы что-то рассчитать, но у вас верное чутье. Что, дражайший Лев Петрович, оно подсказывает вам? — Видно было, что вопрос волновал чиновника и был далеко не праздным.

Гость чувствовал живую заинтересованность вопрошающего. Да и то сказать — все остались на бобах. Бутырцев, а это был именно он, точно знал от Ныркова, что союзные Дозоры ничего в Севастополе не нашли, как ни старались. Пока занимались поисками, переругались между собой и с Инквизицией. Уже и Темные со Светлыми в захваченном Севастополе на ножах. В обществе ходят слухи, что была даже нелепая дуэль между британским корнетом и французским капитаном, на которой они оба нанесли друг другу страшные смертельные ранения непонятным оружием. Нырков опознал в них знакомых дозорных — пауки начали грызню между собой?

Сам Филипп со дня на день должен был покинуть город — перевели лейтенанта на Балтику. Из Дозора ушел, горит желанием продолжить службу Отечеству на флоте. Но венчаться решил непременно в Севастополе, потому и задержал-

ся.

— Увы, будущее севастопольского артефакта скрыто от меня плотной завесой. Мне кажется, что реликвия сама еще не решила, надо ли открываться людям, еще не настал ее час. Рассуждая о сем предмете, я пришел к выводу, что мне придется вернуться к поискам в Севастополе. Я даже время чувствую — лет через двадцать — двадцать пять.

— Надеетесь дожить-с? — Министерский чиновник Емельян Нилович Парфенов вопросительно приподнял бровь. — При таком бурном развитии истории государства российского?

— Всенепременнейше! — ответил отставной военный инженер. — Даже если некто Светлейший Агний вкупе с другими Высшими будут эту историю будоражить и баламутить.

— Самоуверенная у тебя молодежь. — Емельян Нилович посмотрел на Шаркана и скривил губы в язвительной ухмылке.

— Если жизнь не обломает, то научит… — философски ответил Темный.

«О себе бы лучше беспокоились…» — подумалось Бутырцеву.